ISSN 0131—0097
ДЕКАБРЬ № 52 1991
THE WEEKLY MAGAZINE
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

ВАЛЮТА ПЕРВОЙ КАТЕГОРИИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 52 (3362)

21 — 28 декабря

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фото Владимира МАШАТИНА. (См. в номере материал «Иван Филиппов и К°?».)

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 02.12.91. Подписано к печати 17.12.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 1147. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Типография издательства «Пресса».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЧТОБ ЖИТЬ ЧЕСТНО...

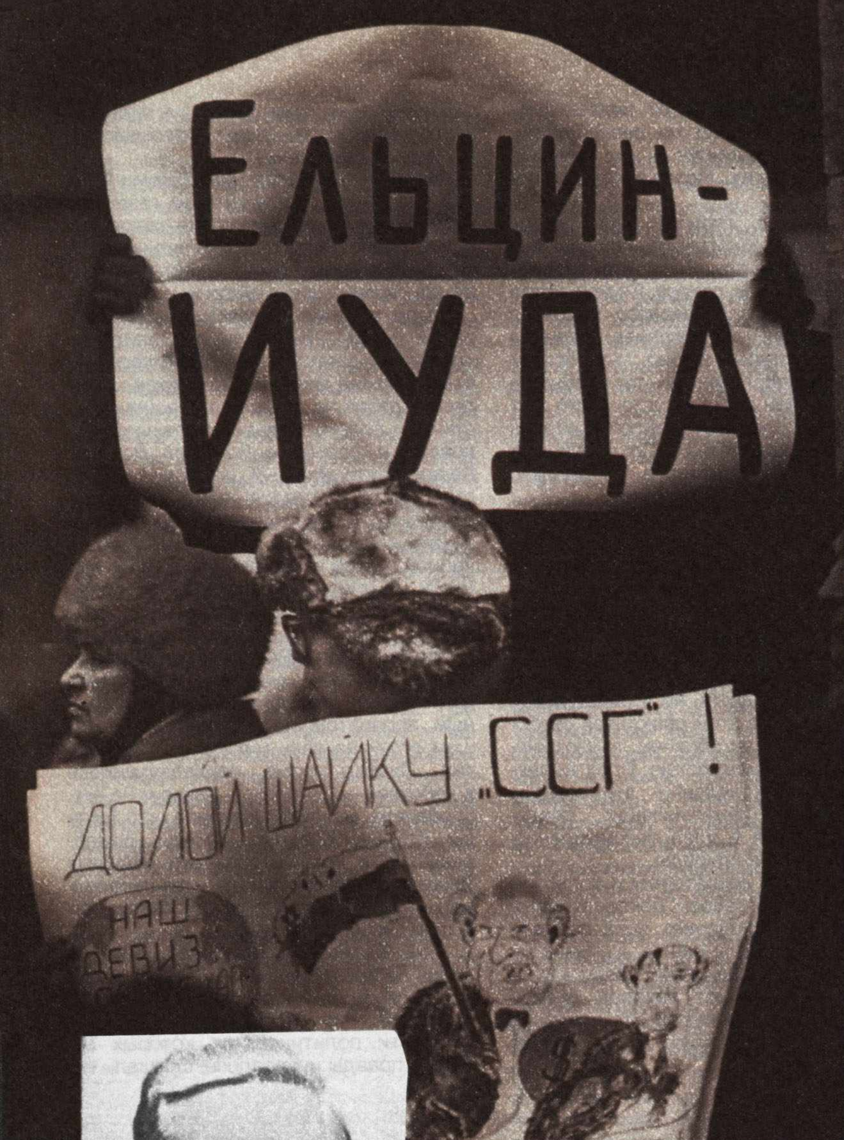
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

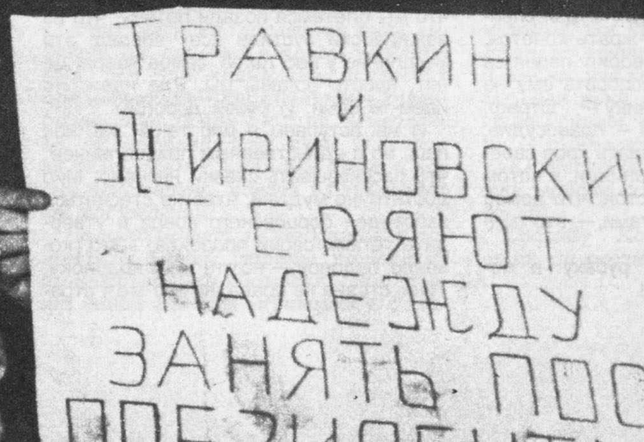
Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

СНЕГ идет, и все в смятенье

Илья МИЛЬШТЕЙН

Вот и опять страшно. Опять заговоры, слухи о военном перевороте, призраки танков на площадях, тихая тоска привычного абсурда...

Хотя, если вникнуть не спеша, случилось то, что должно было случиться.

Борис Ельцин, Леонид Кравчук и Станислав Шушкевич — законно избранные лидеры трех славянских республик — собрались вместе и подписали документ о создании нового, конфедеративного союза — Содружества Независимых Государств. Сокращенно — СНГ. Или, если угодно, СНЕГ,— фонетически безукоризненное изобретение московского журналиста Андрея Черкизова. Посвящается декабрю месяцу...

О намерении присоединиться к Содружеству объявил президент Армении Левон Тер-Петросян. Срочно встретившись в Ашхабаде, к такому же решению пришли руководители среднеазиатских республик и Казахстана.

Итак, империя погребена под СНЕГом. Откуда же тревога, страх? Отчего даже на самых демократических лицах гримаса растерянности и смущения?

Главы западных государств смотрят в корень и, не вмешиваясь во внутренние дела многосуверенного соседа, озабочены одним-единственным вопросом: в чьих руках ныне ядерная кнопка бывшего СССР? Более всего они боятся того, что в охваченной хаосом стране контроль над ядерным оружием перейдет в руки «черных полковников» или террористов. В этом случае угроза атомной войны станет куда реальнее, чем при Сталине, Хрущеве, Брежневе...

Заявление Горбачева о том, что центр «контролирует ситуацию», склоняет к тягостным подсчетам сроков, отпущенных Президенту несуществующей страны. Уходя в неизбежную отставку, кому передаст Михаил Сергеевич ключи от пресловутого чемоданчика? А тут еще Украина в обход «декларации трех» предъявляет права на размещенные на ее территории союзные армию и флот.

Остается надеяться на то, что ядерный цугцванг принудит Россию, Украину, Белоруссию, Казахстан к предельному благоразумию и осторожности в спорах о «чемоданчике», да и в иных возможных дискуссиях, хотя бы территориальных. Исторический опыт показывает, что обоюдное обладание ядерным оружием странами соцлагеря и НАТО три десятилетия спасало мир от всеобщей гибели. Будем надеяться, что взаимный страх заставит крепко подружиться и лидеров ныне возникшего Содружества. И вместе прийти к единственно верному решению — не разбрасывать, ошалев от независимости, ядерные кнопки по республикам, а сосредоточить контроль над смертью в одних руках. Похоже, так и произойдет.

Но страхи в сторону. Покопаемся в себе, дабы обнаружить причину нашей растерянности. Ясно, что кроется эта причина не в отказе Содружества от принципов горбачевского союзного договора. Как справедливо заметил Ельцин, выступая перед депутатами российского парламента, «такой подход был уничтожен в дни августовского путча, который зрел и готовился в недрах союзного руководства... После августа распад СССР вступил в последнюю стадию, началась его агония».

Теперь агония кончилась. Центр оттрепетал и затих. Отмучился. Яростное стремление народов к свободе — синоним яростного стремления к власти их лидеров — возобладало над попытками осторожного реформаторства в рамках существующих структур. Республики освободились... и тотчас потянулись обратно друг к другу, не в силах вынести одиночества этой проклятой свободы, стянутые, как обручем, экономической взаимозависимостью. Плох выпавший СНЕГ или хорош — это сегодня единственная политическая реальность, бороться с коей бессмысленно, как с явлением природы.

Не вызывает возражений и содержание нового договора. Декларативный характер его исключает пока возможность серьезного анализа и прогноза. Некоторые поспешные поправки к тексту точно отражают разброд мнений в республиках, чьи лидеры тем сильнее мечтают о независимости, чем менее готовы к ней.

Смущает не содержание, а форма, которую избрали главы Содружества на пути к свободе.

Договор показался заговором. Против Горбачева. Насмешливый газетный заголовок «Президент опять свергнут» очень верно характеризует случившийся конфуз, чувство неловкости и даже стыда, возникшее у многих.

Глупо, конечно, пытаясь изменить мировой уклад, требовать от политиков во всех их поступках твердого соответствия нормам морали. Сам Михаил Сергеевич разве не доказывал своими действиями благую пользу «маленьких неправд» в борьбе с Большой Ложью? Разве почти каждый его шаг с 85-го года не обставлялся лукавыми недомолвками и пустопорожними речами, в коих искушенные либералы в час по чайной ложке вылавливали робкие намеки на грядущие перемены: освобождение политзаключенных, роспуск соцлагеря, свободу печати, возвращение в цивилизацию? Разве не он, баюкая и строя «козу», «усыпил» мощнейшее полицейское государство с чудовищным аппаратом подавления, наводившим страх на весь мир? И вот результат. Провал путча, захлебнувшегося в собственных соплях,— разве и не его, Горбачева, заслуга? Наконец, кто были бы Ельцин, Кравчук, Собчак, Назарбаев, да и все мы, без его реформ? Даже если предположить, что первоначальные его мечты грубо разошлись с реальными делами...

Путь к свободе и правде, еще до конца не пройденный нами, начал человек несвободный и вынужденный лгать. Вольно или невольно он привел к власти политиков, от которых мы ждали правды и, казалось, слышали ее.

МОНЕТА ДОСТОИНСТВОМ В ОДИН ХОНЕККЕР

Александр ТЕРЕХОВ

Обширно Отечество наше, да зло — не нашлось землицы для Хонеккера.

Пинок под зад бывшему отцу бывшей ГДР — это присяга новым друзьям. Как штрафник, смывший кровью грешки, Россия ожидает перевода в гвардию. Вот что такое — кровная связь.

А чегой-то мы расплатились верным корешом, зацелованным своим питомцем, кавалером советских орденов, антифашистом, а?

Быстро мне в ответ: а кто его звал?!

Но, братцы, его ж не на багажнике велосипеда везли через границу и не в банке с-под пива. И ведь не ночует он, сирота, на Казанском вокзале. Доставили, поместили, укрыли — надо думать, не последний человек в Кремле шевелил пальцами гостеприимной руки. И пусть даже помер Союз — честь не померла!

Честь требует — слово держи!

Так какого же рожна мы толкаем старика на мороз, обещав ему теплый набрюшник?

Важно в ответ: а правосудие?

Так правосудие — это не слепая доярка, которая хватает за вымя и корову, и черта — лишь бы с копытами! Правосудие — тоже человек. В самый умудренный английский суд приволокли парня — булку хапнул. Судья спросил: «Ты почему?» «Да жрать хочется, силов нет». Судья приговорил: парня на волю, с публики денег собрать ему на первое время, лавочнику — штраф, чтоб глядел лучше. Это — правосудие. А старика спрятать, обещать кров своего закона, измаять сомнениями, а потом пихнуть, чихнув на его стон, что домой он — только вперед ногами,— это правый суд?

Расплосуют на мне рубаху: а мораль?! Собакин ты сын!

А при чем тут мораль? Политика — это другой вид спорта. Это вольная борьба: сила, шеяки трещат, народ кряхтит и потеет. Мораль по-прежнему — только в конце басен. И коль нет возможности по чистейшей совести, зачем же гнуться по чужому интересу, а не стоять по своему? Нам ли давать в трату собрата, когда наши маршалы, штатские и нет, с чьих ботинок куда больше лжи и крови капало, мирно срезают подосиновики и пьют кефир по льготным ценам?

И вот тогда зыркнете вы по сторонам и тронете шепотком мое ухо: «Старик, так ежели не откупимся — немцы колбасы не пришлют. Протянем ноги!»

Да, почему-то мнится: отпустим Хонеккера, как монетку в метро — и в хорошем сытном обществе! И готовы позабыть пап-мам, отдать собутыльника, землю жрать, себя не уважить, но только чтоб завтра — как все! Во фраке и бабочке. И чтоб картуз с козырьком!

Протянутую руку жмут или целуют. Каждый выбирает по росту, каждый показывает свой рост. И баснословная помощь — это не повод стать на четвереньки и вилять государственным флагом. Потом же не встанем! Говорят же: гол, но прав. Нас вовсе не берут на поруки: «Гляди, до первого предупреждения!», и нечего стыдиться своих дырявых штанов и мыслишек и врать, что мы плетемся позади потому, что из вежливости пустили всех вперед, это мышление у нас такое, самое новое. Да нет, просто больны мы. Еле идем. Но идем-то сами. И своей дорогой.

И мы вступаем в мир такой же, как наш, но с единственным прибавлением, что рассказывать сказки не надо. Мир достаточно мудрый, чтоб не стесняться заповедей борцовского ковра и утвердить устами своих пророков: «Это, конечно, подонок — но это наш подонок», «Моя страна не права, но это моя страна», «У нас нет постоянных врагов и нет постоянных друзей. У нас есть постоянные интересы». Какой животворящий корень в этих гордых «наш», «моя», «у нас есть» и насколько это трезвое самолюбие оказалось крепче не терпящего обыденной крови и грязи слепого советского самообожествления, рухнувшего от первого прикосновения обычных запоздалых фактов и выродившегося в ненависть ко всему собственному дому и историческому пути.

Мы наследовали силу, но кичились идеей. Идея оказалась безумием — она погубила силу. А сила не в способности размазать по забору другую половину земли. Сила в осознании собственных интересов и служении им. С этим считаются. Поэтому и России не прощают ничего — от покорения Казани до победы над фашизмом и спасения Хонеккера. И мы кругом виноваты. Что появились, что росли, что преследовали свои интересы, что еще живы. Потому, что за нами нету силы. Нет своих интересов. И Пакистан оставляет себе наших угонщиков, похоронив клятвенную пропаганду: не улетите никуда, достанем! Не достанем. И что Пакистану наши размеры, дивизии, правосудие и мораль? Это Пакистану, а что же тогда Германии? Это — угонщики, а что же тогда наши беженцы, заложники, павшие? Что тогда до простых граждан России, которым так трудно понять, что они — хозяева, и что их земля, их дом, где свой устав, свой порядок. Пока унижения, горе и смерть в России безвозмездны — за нас никто не стоит.

И Хонеккер — это действительно монета. Которую надкусят и поймут, что мы фальшивы.

И меня терзает не столько судьба Хонеккера, сколько старческая немощь общественного сознания, не могущего припомнить ни имени своего, ни адреса, ни куда шел, ни откуда, эти пляски откуда угодно, только не от своей печки, переломившие наконец хребет олицетворению нашей общественной мысли — Горбачеву.

Российские силы грудью вставали за свободу соседей, устраивали манифестации за свободу манифестаций, митинговали «за Попова», костьми ложились за святую непорочность двух следователей, слепо веря в некие секретные «показания», митинговали за начальника ГУВД и голодали, прорабатывали с песочком Президента, агитировали за другого, предавали проклятию собственную армию после Тбилиси, потратив невероятное количество страстей на выяснение, были или не были на тбилисской площади лозунги о выходе из СССР, но теперь, когда вокруг одни спины и хмурые лица, и национальные гвардии — вы слышите потрясенную тишину российской публики? Почему-то никто ее не благодарит.

Мы навалили на себя все грехи, становились на колени на каждом углу перед всеми, топтали себя и свою историю и честь, где надо и где нет, спасали, как нам казалось, кого-то, стонали, что это не должно повториться! А вот теперь грузины и осетины убили столько людей, что их скоро не вместит площадь в Тбилиси. Молдаване и русские убивают друг друга. Ни армянин, ни азербайджанец не положит цветка на холм, под которым российский солдат, павший не понятно тогда за кого.

У каждого выяснился свой интерес.

Россия шесть лет привычно печалилась общей судьбой, созидала какие-то всесоюзные партии и движения, и программы выхода из кризиса и умиротворения, а все эти же годы в республиках с огрехами, но очень уверенно шло именно государственное, именно национальное, именно свое самоосознание.

И оказалось, что Украина, практически почти никогда не имевшая государственности, несет в себе куда больше достоинства и силы, чем тысячелетняя Россия, которая осознала себя государством, только оставшись в полном одиночестве, и нелепыми взмахами рук в виде губительных намеков о перекройке границ объявила на весь свет, что просто раздавлена этим новым для себя состоянием.

На русском пепелище остаются печи, и пора жаться к своему теплу, стоять горой — за себя. Народы живут на горах, они вместе могут петь, разговаривать, кидать друг другу подарки, но между горами — пропасти. И ни один народ не перейдет в судьбу другого.

В августе 91-го Ельцин стал для большинства россиян воплощением мужества, свободы и правды. Сила его была в прямой и открытой речи, несовместимой с закулисными интригами, столь привычными для образа Горбачева.

Растерянность в рядах демократов после беловежской встречи связана с тем, что чуть ли не впервые в своей политической жизни (после разрыва с КПСС) Борис Ельцин поступил чисто по-горбачевски. Он перешел в разряд «нормальных политиков», не умеющих обойтись без тайны и обмана. Он переиграл Горбачева на его поле. Более того, после заключения договора Ельцин, Шушкевич и Кравчук сыграли и другой излюбленный Горбачевым дебют: раньше прочих поставили в известность Джорджа Буша, харизматического западного лидера, и, видимо, заручились его поддержкой. «Стыдобища»,— резко отреагировал Михаил Сергеевич. И его можно понять...

Что с нами дальше будет? Судя по некоторым данным, путча пока не произойдет и жизнь хуже не станет. Грядет эпоха Больших Переговоров и маленького ограничения свобод. Митинг «зеленых» в Москве в День прав человека, разогнанный демократическими дубинками, показал, что пришла пора «наведения порядка» в образцовом коммунистическом городе. Жить в СНЕГу будет не легче, чем в СССР, ГКЧП или ССГ. Мой четырехлетний сын, уже поживший при трех режимах, понемногу привыкает к слову «содружество».

Для этого надо спуститься с гор в небытие. Нас никто не ждет, у каждого свое. Яблонька родит яблочки, а елочка — шишки. Общечеловеческие ценности — это здорово. Каждый принесет в общий котел свое. Надо иметь свое.

Даже в общем тюремном бараке, в одинаковой одежде, стрижке, еде, работе люди глядят по-разному и храпят по-разному — у каждого своя история и выражение глаз. Свои выгоды и просчеты. Истина с цифрами общая, а правда с Христом у каждого своя. Истина в том, что сердце сильнее бьется по сигналу нервных центров с увеличением кровотока, а правда в том, что сердце бьется сильнее от гнева или любви. Разве это одинаково? Истины — нет, а правда — в народе, ну кого согреет, воспитает или утешит выдача старика Хонеккера? Только пагубная оторванность правительства от народа дает мечту прожить неправедностью — не проживем.

Надо явить силу, на ней «всходило наше тесто», но это не решишь постановлением Госсовета — сила идет от матери, от бабушки, от памятников русской славы, могил, истории, героев, песен, языка, солнца, земли, надо слушать себя, не сдерживать крестьянской здоровой натуры: жить своим умом; моя хата с краю; в долги не залезать; хоть бедно, да свое; что мое — то свято; не задираться и своих в обиду не давать.

Свобода — великое искушение. Народ проявляется не тогда, когда он добывает свободу или нет. Народ виден, когда решает: на что свободу потребить. Полтора века назад после русской судебной реформы общество поразилось справедливости решений присяжных: крестьян, мещан, торговцев, людей часто необразованных, малограмотных, первых присяжных за все века России,— насколько глубоко оказалось в народе желание правосудия, как беспредельна доброта, как крепко здоровое желание мира — вот на что потребна свобода.

На что же мы употребим ее? Выбросим Хонеккера? И завтра потребуем от Англии выдачу праха Карла Маркса? И намотаем этому праху по всем статьям и пунктам на суде?

■

Испытываю настоятельную потребность поделиться с «Огоньком» давно одолевающими меня мыслями и чувствами, которые обостряются буквально каждый день. В последние годы советский человек, имя которого, как нас убеждали десятилетиями, звучит особенно гордо, ежедневно и ежечасно претерпевает целый комплекс у н и ж е н и й. Он унижен бесконечным стоянием в очередях даже за тем, что ему в данный час не необходимо; унижен тем, что не может за свои кровные воспользоваться такси, не может достать запчасти к своей автомашине, не может ничего приобретать в коммерческих магазинах; не может купить больному ребенку лимон или другие фрукты на рынке; не может рассчитывать, что кто-то защитит от посягательства на жизнь, честь и имущество; не может поехать за рубеж с познавательными, туристскими целями, а если и сможет, то будет чувствовать там себя униженным отсутствием валюты; он вынужден жить в городе, который призывали превратить в образцовый и коммунистический, а превратили в помойку и проходной двор. ...Этот печальный перечень каждый легко может продолжить, и, уверен, у него не будет конца.

Последний раз, когда я не испытывал унижения, а, наоборот, испытал гордость, было 19 августа на известном митинге у «Белого дома», когда имя человека звучало действительно гордо и каждый реально ощутил, что действительно «на миру и смерть красна». Но наступили будни, и с ними пришли повседневные мелочные унижения, из-за суммы которых жизнь теряет свою привлекательность и перспективу. И несть этому конца...

Б. ЛОНДОН
Москва

■

В своей земной жизни Ленин, как нас учили в школе, жил скромно. А вот его увековеченная загробная жизнь даже и не пахнет скромностью — на том свете он далеко ушел от своих современников.

Сейчас, когда социалистическая экономика под руководством ленинской партии докатила такую богатую ресурсами страну до катастрофы, самое время подсчитать расходы на загробную жизнь вождя. На мой взгляд, эти расходы исчисляются миллиардами, если, конечно, умышленно, ссылаясь на государственную тайну, не сделать их мизерными, как обычно делали с нашими расходами на оборону. Неплохо бы подсчитать отдельно расходы на перевозку и хранение тела Ленина в годы войны, ведь эта операция осуществлялась чекистами в очень тяжелое время, когда люди умирали с голоду и поездов не хватало даже для перевозки раненых. Об этом моменте загробной жизни Ленина пока знают немногие. Хотя на эту тему давно пора бы уже выпустить книгу. Оглашенные миллиарды, израсходованные на загробную жизнь Ленина за 74 года, помогли бы убедить народ в целесообразности предания тела Ленина земле, против чего в настоящее время в стране поднялась бурная кампания и создан даже Комитет или союз по охране Мавзолея и памятников Ленину. Если эти поклонники хотят держать под бронестеклом труп Ленина даже после его идеологической смерти, то пусть они приватизируют Мавзолей и берут на себя миллионные расходы на его содержание. При нашей нищете теперь никто не будет тащить на своем горбу этот тяжелый, рассчитанный на века груз. Можно сказать с большой степенью уверенности, что смелая компания, фанатично стремящаяся нести эту дорогую ношу дальше, не выдержит тяжести Мавзолея и вскоре найдет то загадочное завещание, согласно которому Ленина должны были похоронить на кладбище рядом с матерью.

Дай Бог, чтобы дальнейшая загробная жизнь Ленина стала такой же «скромной», как была его земная жизнь.

Л. ЗАКИРОВ
Казань

ОТКЛИК

■

В «Огоньке» № 41 за 1991 год участник Отечественной войны И. Блажнов возмущается тем, что его не приравнивают к инвалидам войны из-за отсутствия справок о ранениях из медсанбатов и госпиталей. Но я хочу сказать, что все или почти все фронтовики, перенесшие тяжелые ранения или контузии, имеют об этом справки, поскольку прошли и медсанбат, и эвакогоспитали, и истории болезней на них до сих пор хранятся в военно-медицинском архиве Министерства обороны. Другое дело, что большинство нынешних «фронтовиков» вообще не имеют ранений, поскольку непосредственного участия в боях не принимали.

Люди старшего поколения помнят, что во время войны и в первые послевоенные годы фронтовиком считался только тот, кто был на передовой, под огнем противника, где каждую минуту могли ранить или убить. Ныне в число фронтовиков зачислены все, кто входил в состав действующей армии, кто находился в армейских и фронтовых тылах, объединив их общим словом — участник Отечественной войны (ветеран войны). Таким образом, большинство ныне здравствующих участников ВОВ составляют люди, которые непосредственного участия в боях не принимали и на «полях сражений» не умирали. Теперь эти не бывшие под огнем участники проходят ВТЭК, получают инвалидность по общему заболеванию, причиной которого, как правило, является преклонный возраст, и требуют, чтобы на основании этого их приравняли к инвалидам Отечественной войны. Сделать это, конечно, несложно. Но справедливо ли это будет с чисто нравственной точки зрения?

Л. МАНИЛОВ,
инвалид
Великой Отечественной войны
Московская область,
пос. Черноголовка

■

Почти каждый день мы слышим о гуманитарной помощи, займах, чьих-то бескорыстных дарениях. Так ли она, эта помощь, гуманна? Так ли уж эти дарения бескорыстны? Я вообще убежден: бескорыстны либо блаженные, либо просто дураки. Вы скажете: «Корысть-де бывает разного цвета...» Согласен, но кто скажет наверняка, что все эти займы, помощи и т. п. исключительно белого цвета?

Невольно на память приходит очерк Вл. Набокова о Гоголе. Как бы ни относился Набоков к Николаю Васильевичу, гоголевское окружение последних месяцев, последних дней его жизни им описано с явной неприязнью. Все эти лейб-врачи, наперебой предлагающие «оригинальные» способы лечения, ухари-знахари, немедленно осуществляющие свои рецепты на деле, точнее, прямо на теле, и все они действуют, исходя из гуманных же побуждений!

Не напоминает ли сегодняшнее положение нашей страны положение агонизирующего писателя? Чего стоят тогда все эти «припарки с Запада»! Не кончится ли все полной атрофией с их «помощью»? Я думаю, чем раньше мы сами возьмемся за дело и перестанем метаться по миру, собирая по нитке, тем скорее выберемся из той клоаки, в которой очутились.

В. КАРЕЛИН
Коми ССР, Ухта

■

Нас всех закружил вихрь событий последних лет и месяцев. Но попробуем остановиться и спокойно осмотреться вокруг... Остались ли на прежних местах основные нравственные ценности и понятия? Если нет, то что на их месте? В какой мир мы попали в «вихре перестройки»?

Если к вам подходит дюжий дядя с ножом и берет ваш кошелек с честно заработанной зарплатой, вы вправе кричать: «Караул! Грабеж!», требовать защиты и возмездия. А если тот же дядя без ножа делает то же, но с улыбкой и при этом дает вам коробок спичек или иной такой же дефицит, это называется коммерция. Все, что мы имеем,— землю, воду, воздух, все, что создано трудом людей,— наш «кошелек», наш аванс на будущую жизнь, результат труда прошедших лет.

Думаю, меня поддержат миллионы людей, честно и бескорыстно трудившихся всю свою жизнь, не требовавших «рыночной зарплаты» за свой труд в прошлом, которых обкрадывает настоящее. Отдавать нужно не только зарубежные долги, но и свои.

В последнее время появилось много понятий, возведенных в закон: приватизация, компенсация жертвам репрессий, индексация доходов и сбережений. Это — если в «вихре перестройки», а если остановиться, всему этому одно название — грабеж стариков, инвалидов, самых слабых. Все на старых местах: богатые богатеют, бедные беднеют. Только богатых становится все меньше, а бедных — все больше. Я за перемены, но, меняя курс корабля, нужно сначала проложить его по карте. Иначе вряд ли корабль придет в свою гавань.

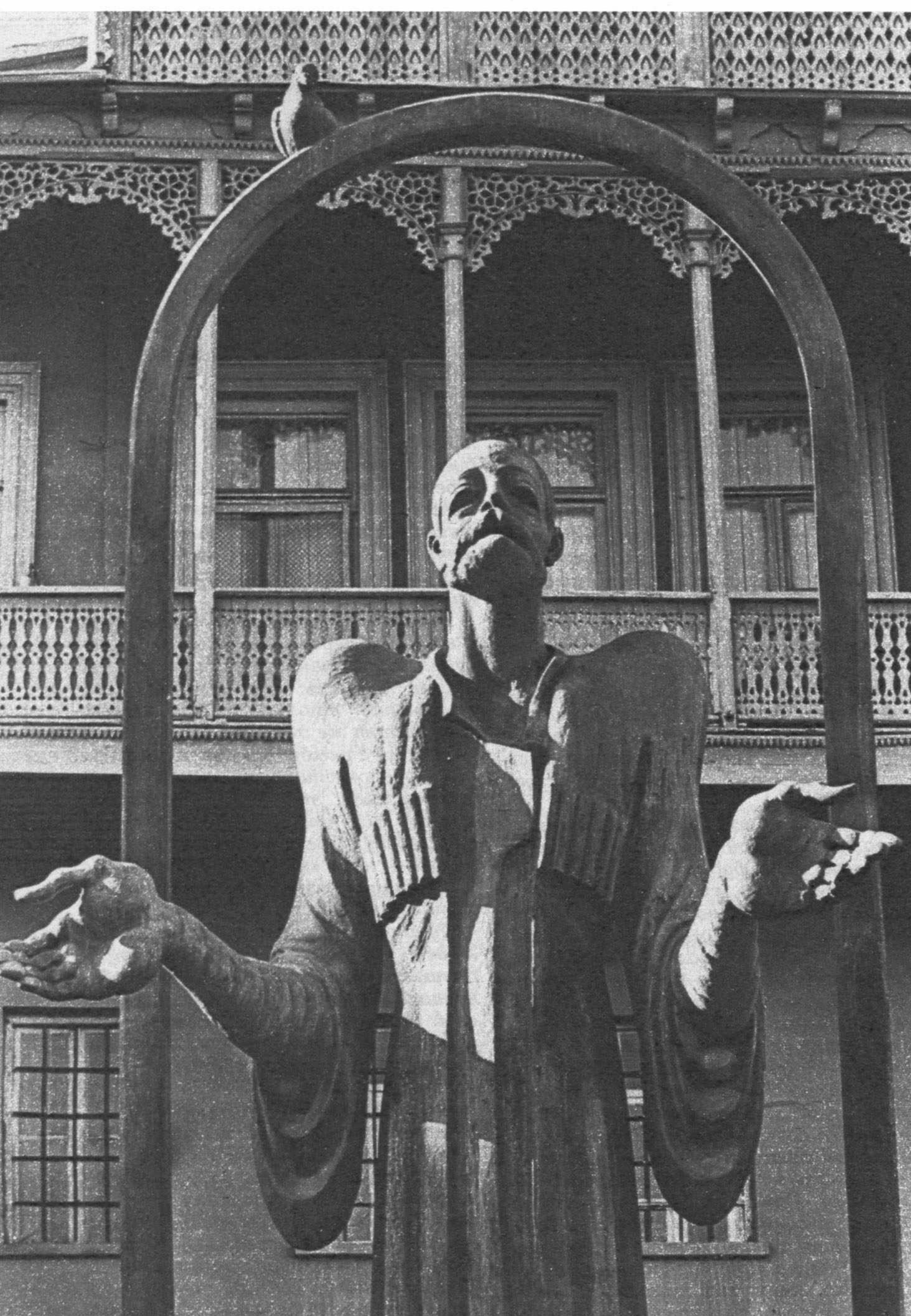
С. ВЫРЕНКОВА
Пермь

■

Мне 40 лет, еврей, москвич, программист. Жена с сыном уже год как в Израиле. Я отсюда уехать не могу. Выбрать из двух «очень плохо» — бросить родину или семью — не получается. Тоска. Еврей в России и русский в Израиле. Здесь каждый может сказать — чужой, но я чувствую — свой. Там наоборот. Сейчас я на Алтае. Чистейшее озеро, горы со снежными вершинами, солнце, кедровый лес. Не Россия, но и здесь чувствую себя дома. Читаю стихи Наума Коржавина и жалею о том, что он не с нами, а там, за тридевять земель. Хочется крикнуть ему через всю эту красоту и покой: «Огромное спасибо». Его стихи созвучны моей душе. Родина, Долг, Доброта. Конечно, каждому все приходится решать самому, но знать, что мучаешься проблемами, над которыми бились и другие, для меня важно. Тревожат чувство Родины, выбор пути и не меньше — горечь жизни без Идеи, стыд за коммунистическую идейность в юности, мысли о Боге, до которого не дошел.

Спасибо Коржавину за работу души, за осознание самого себя.

А. ЗЛАТОПОЛЬСКИЙ
Москва

Репортаж А. Боссарт «На холмы Грузии легла ночная мгла» («Огонек» № 40, 1991 г.) написан вскоре после тбилисских событий, когда в столице Грузии 2 сентября снова пролилась кровь. К тому моменту — в сентябре — октябре уходящего года — давление президента Гамсахурдиа на грузинский народ, в особенности на интеллигенцию, достигло характера настоящего террора. Этот материал является продолжением и развитием первого. Мгла над Грузией сгущается. Идут аресты. Люди лишаются работы. Закрываются учебные заведения и средства массовой информации. Множатся ряды «врагов нации» и «агентов Кремля». Одним из них объявлена Алла Боссарт.

ИСКУШЕНИЕ

Алла БОССАРТ
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Власть по своей природе как феномен — монстр, чудовище. Но вдвойне опасна власть непримиримых борцов, революционеров. Диссиденты, в прошлом репрессированные, у власти — один из самых тревожных знаков нашего времени. В них народ видит не просто лидеров: мессий. Спасителей. Надежду.

— Помнишь, как мы весело жили? И думали, вот выкинем коммунистов, будет еще лучше...

Мой любимый! Исполненный музыки, нежного жара и ласки. Мой усатый гуляка, красавец мой, никогда не пьянеющий, счастливый в пекле своих хинкальных, увитый звонким тостом о справедливости и любви. Пекло твоих тостов, твоей любви и щедрой справедливости. Густая кровь твоей лозы обожгла мне нёбо и коснулась сердца. Веселый вкус твоего поцелуя обратил меня в твою веру, и солнце твое согрело мою московскую слякоть. И как оправдывают любимых во всех их заблуждениях и пороках, так я — на твоей стороне, ибо ты весел, смел и прав, мой Тбилиси.

Политические струи омывают тебя, как остров, и поднимаются все выше к берегам. Политические ураганы опустошают твои улицы, сады и шашлычные. Красивые люди твои тускнеют, их черты с трудом удерживают светлое пламя, которым ты крестил их при рождении, и глаза зажигаются враждой и злобой. Твои князья вырождаются в тиранов и террористов, твои кинто смешались с прахом на камнях старых кварталов. Никто не пирует, не поет. Проспект бьет в уши динамиками, речи грохочут в ушах, сливаясь в общий скарлатинный бред; проспект ударяет в нос запахом разрухи — устоявшимся запахом мочи тысяч и тысяч неприкаянных паломников, свезенных сюда с гор и долин, чтобы возвысить свой голос за властителя; проспект режет глаза рваниной баррикад. Проспект кричит от боли, злобы и растерянности. Бесстрастный декоративный Руставели венчает его, не обещая ни спасения, ни искупления, а на другом конце — плешь площади Свободы, сбросившая бремя другого памятника,— ничего не дала взамен вам, проспект и город, кроме злобы, разрухи и запустения.

Мерзок стал твой наряд, зловонны твои лохмотья, бедный мой, вдвойне любимый Тифлис. Мерзки, зловонны потоки политики, достигшие уже самых стремян Давида Строителя. Есть ли сила, которая и на этот раз спасет тебя и возродит из пепла, вытащит из-под обломков, Тбилиси, разрушенный в трехстах войнах и зацветающий гранатом, сиренью и гирляндами новых балконов с каждой весной? Я с трудом выплываю из бурых горячечных волн и спасаюсь в том дворе, где мы жили так весело и дружно, не ведая грозных различий крови, религий и политических взглядов.

Там осыпается гранат, кричат соседки, словно цапли, там на горшке сидит Ираклий, и ангелы тот двор хранят. Улыбка улицы! Не зря б мне рваться из зимы убогой... Как строен звук имен: Зураб, Тамаз, Григол, Натэла, Гога!

В этом дворе, говорят, жили Пастернак и Андрей Белый. Сюда приходили неразлучные и не пережившие разлуку Тициан Табидзе и Паоло Яшвили. На протяжении веков любовь и гений обречены искупать предательство, даже если предательства не было. В глухое небо уставлены, как смуглые персты, конические купола горных монастырей. Неумолимо сердце. Пусто небо. Сожжена душа.

— Мацони! Мацони! — кричал здесь по утрам мацонщик. «Звиад! Звиад!» — кричит он сегодня, разбив о камни свой кувшин. Сохнет брошенная лоза, стоят поезда, закрыты аудитории, хинкальные, магазины. Большая Политика опустилась на город. Лишь наш двор на улице Махарадзе, и другие дворы, похожие на просторные кухни, и печальные люди в окнах, и вдохновенные юноши, и красивые старухи на ступенях университета, и перекошенные лица операторов и фотографов, что пятятся в головах колонны, и я дрожу от солидарности на крыше автобуса, и ты — на крыше другого, задрав бороду, чтобы пернатая твоя речь не захлебнулась в буром потоке, мой измученный Тбилиси: Лишь ты один, голодный и изгаженный,— та сила, которая сможет сбросить морок и вернуть на свои тротуары мацонщиков, художников и мудрецов слегка навеселе.

Как весело мы жили! Думали, сбросим коммунистов, еще лучше будет... Мои друзья, тбилисские армяне и осетины, сидят без работы, их уволили по сокращению штатов — всех, в одночасье. Они меняют фамилии и срочно переводят детей из русских в грузинские школы. Впрочем, и те, и другие закрыты, как и университет. Власть вмешалась даже в ход времени. Подступила зима, а урожай не собран и учебный год не начинается. Бесплодный и бредовый тянется сезон борьбы. Коммунистов сбросили, девятое апреля аукнулось сегодня вторым сентября, и 16 октября, и другими днями календаря от Цхинвали до Шавнабады, до Тбилисского моря, до Дидубе. Мои друзья-грузины шатаются по митингам; художники, врачи и филологи, они стали политиками, борцами.

Эти сражались при мне, грузин и армянка, нежная и веселая пара.

— Грузия для грузин! — кричал он.— Вас слишком много, для моих детей здесь скоро совсем не останется места!

— Ну, давай, зарежь меня! — кричала она в ярости, сверкая голубыми слезами.

— Зачем резать, сами уйдете! — Дверь хлопала, дверь теплого многоугольного дома во дворе на Махарадзе, и гулко удалялись шаги, и мы не верили своим ушам. Ведь именно здесь столь счастливы были наши застолья — за этим вот столом.

Ух, как я ненавижу политику. Политика — подлое и грязное дело, и чем она увлекательней, тем грязнее, а чем грязнее — тем увлекательней. В особенно страшных формах она поражает чистых и незрелых, не переболевших, заражает, уносит юных и доверчивых. Выкашивает улицы, города, разрушает живые души. Чума на нашу землю. Чума тирании и демократии. Чума диссидентства и идолопоклонства.

Пир слишком затянулся. Посуда перемешана. Уж не найти здоровых за тбилисским столом. Не осталось правых. (Да и вряд ли за российским, или литовским, или азербайджанским они есть.) Ну, разве иные старики и клоуны.

В середине сентября в Тбилиси проходил цирковой фестиваль. Пестрые люди сверкали на баррикадах. Один грек, жонглер, сказал мне: «Нет, нам это все неинтересно. Здесь нет конструктива. Революция или контрреволюция — только битва диктатур. На смену одной диктатуре приходит другая».

И подкинул, и поймал полыхающую серебром булаву.

Профессор Григорий Чавчавадзе, осиротевший отец Зураба, сказал: «Эйфория единства». Девятого апреля, сказал он, мы испытали эйфорию единства. К сожалению, это была лишь эйфория. Единство оказалось декоративным, поверхностным, потому сегодня так легко и скоро наш монолит раскололся...

А Тенгиз Абуладзе испуганно крикнул в телефон: «Нет, нет! Я ничего говорить не буду. Я слишком растерян...» — и повесил трубку. Говорят, автору «Покаяния» угрожали.

Пожилой архитектор, гуляя в потоке проспекта Руставели, повел беседу охотно, хотя и не узнавая меня. Пухлой старческой рукой как бы отмахиваясь от бурления и клекота вечерней толпы, батоно Виктор говорил: что те, что эти не готовы к власти, у них нет культуры власти, потому что они выскочки. Власть должна иметь корни, традиции. Нам всем нужен символ. Вы понимаете, что я имею в виду? Да, Багратиони. Монархия нас спасла бы.

Акакий Асатиани тоже монархист. Монархист и вместе с тем Председатель Верховного Совета Грузии. В сентябре он давал нам, иностранным жур-

налистам, довольно невнятную, в их общем дворцовом стиле, далекую от искренности и грубой правды, паллиативную пресс-конференцию (а Звиад Гамсахурдиа все не давал и не давал). А в августе, 20-го числа, Асатиани принимал меня, застигнутую путчем в Тбилиси, на второй из трех самых страшных дней в моей жизни. Я ведь не знала ничего о том, какая славная тусовка творится у «Белого дома», и думала, что все — всерьез и надолго. 21-го на Киевском шоссе меня встречали танки и БТРы, несметная вереница, они катили в сторону Внукова, уже, а я катила на Пресню, к шапочному разбору. Но 20-го в тоске и отчаянии, погибая от гнусной безнадежности, зачем-то записывала небрежные формулировки Асатиани: мы считаем, что все это происходит в другой стране. Очень странный переворот. Скорее всего это фарс. Наша позиция та же, что и у Буша: мы не хотим участвовать в фарсе.

Когда говорят, что трагедия истории всегда повторяется как фарс, не учитывают, что и трагедия, и фарс суть субъективные оценки. И вязкий наш путч разворачивался как трагедия, и в кошмарном девятом апреля кое-кто проницал фарс... И на месте профессионального политика, а тем более монархистского идеолога, возглавляющего демократический парламент при диссидентской диктатуре, об участии в фарсе стоило бы уж помолчать.

Политические спектакли — фарс всегда. Трагичны только их последствия — для народа. Неблагополучие нашей страны в целом, вобравшее в себя неблагополучие Грузии, поскольку у нас общая генетика, а не только экономика, что бы там ни кричали Гамсахурдиа и все остальные грузинские политики от неугомонного Церетели до молчаливого и как бы каменного Натадзе,— наше неблагополучие выражается прежде всего в том, как активен и неистов народ в отношениях со своими лидерами, как лично окрашены для каждого эти отношения. Один журналист в заметках о Швейцарии писал, что безмятежные швейцарцы не знают имени своего президента. «Я хотел бы не знать,— завистливо заканчивает он,— как зовут президента моей страны». Я бы тоже хотела не знать этого. Я не хочу быть их подельником. Но политики моей страны всегда стремились повязаться с народом. Наша варварская власть всегда поощряла, чтобы сыновья бросались на амбразуру не за маму, а за Сталина, чтобы кидались под БТРы за Ельцина, чтобы шли врукопашную за Звиада. И пока сохранится эта мода, нам не выйти из варварства.

Вот почему я считаю, что на нынешнем этапе оппозиция ничем не лучше власти — самая пламенная оппозиция — самой дурной и тухлой власти. Потому что самоотверженный Гия Чантурия, самоотверженный Ираклий Шенгелая, самоотверженный Важа Адамиа и все остальные (как и Ландсбергис, и Черновил, и генерал Дудаев — не говоря уж о Ельцине) не мыслят себя без подельника — народа.

Не хочу я брататься с властью, не хочу, чтобы она меня усыновляла. Я не хочу ее знать.

Роковая ущербность, чтобы не сказать обреченность, Гамсахурдиа — в его невероятной популярности. Его слишком любят, слишком ему верят в республике. Отрезвление в таких случаях обещает быть тяжелым. А отрезвление, безусловно, наступит, и довольно скоро: уж слишком президент запутался, слишком неясными людьми себя окружил. Его культуртрегеры развязывают кампанию против Роберта Стуруа за то, что тот ставит «Три сестры» «иностранного автора». Его спикер филолог Асатиани цитирует с трибуны опального Джансуга Чарквиани, осторожно выдавая его за канонизированного Галактиона Табидзе. Его экономисты готовят указ об себе уборке: правоохранительные органы, МВД, КГБ могут войти в село и до последнего зерна... Только ультиматум бывшего премьер-министра Тенгиза Сигуа заставил президента смягчить страшный указ — крестьяне не узнали, что кумир готовил им раскулачивание... Его дипломаты не возражают, когда президент от имени правительства перед серьезной деловой поездкой грузинской делегации в США публично, через прессу призывает американский народ отвергнуть недостойного Буша. По его приказу идеологи запрещают газеты, перекрывают каналы телевидения, снимают и назначают ректоров (при коммунистах университет получил автономию!). Его парламент лишает лидеров фракции Пааташвили и Имнадзе депутатских полномочий, а его правоохранители помалкивают, когда в тот же день на обоих совершается покушение.

Конечно, Гамсахурдиа популист, и, делая ставку на толпу, он избирает проверенные методы. Конечно, репрессии против инакомыслящих, интеллигенции и нацменьшинств не способны поколебать симпатий так называемого «народа». А бойня в Южной Осетии как акт национальной бескомпромиссности так даже укрепляет эти симпатии: «Осетия — наша земля, и мы ее никому не отдадим». Но, расчищая пространство вокруг себя, выпалывая людей толковых и ответственных, президент лишается не только силы, но и мудрости. А без двух этих составляющих президентская власть превращается в колосса на глиняных ногах.

— Самое главное, что Гамсахурдиа борется за суверенитет! Демократия появится потом! — шумели грузины в сентябре.

— Грузия еще не свободная страна, потому здесь невозможна демократия!

— Мы голод перенесем, даже больший!

— Нам нужна только свобода. Чтобы никто чужой не мешал! Нам надо знать, что мы хозяева, чтобы мы работали, как нам нужно.

Но то — в сентябре, когда республика закупала в Советском Союзе миллион 80 тысяч тонн зерна, 80 тысяч тонн мяса, 260 тысяч тонн сахара, больше миллиона тонн молока и молочных продуктов и 80 тысяч тонн подсолнечного, заметьте, масла, между тем как о сливочном тут давно забыли. Пока крестьянам врали, что связи с Союзом прекращены, люди могли, перебиваясь кое-как, кипеть своим знаменитым разумом по поводу векового владычества России и славить свободолюбивого президента. Ну, а как президент и впрямь заблокируется от Кремля со всеми его агентами,— куда, по ком жахнет разум возмущённый и, главное, всерьез голодный?

Лидер оппозиции экс-премьер Тенгиз Сигуа спокоен на сей счет:

— Когда народ проголодается, вот тогда он нас услышит. Прекрасный пример — президент Альенде. Его ведь тоже выбрали девяноста процентами голосов. Но экономика развалилась, животы подвело — и тот же народ, который слепо верил в него, поднялся против него.

Но ведь и как не помнить, кто сменил чилийского любимца.

Я далека от аналогий, но как разумно заметил мудрый Чабуа Амирэджиби: «Я сторонник историзма. Надо знать, что было в прошлом, тогда поймешь, что будет завтра».

Впрочем, Амирэджиби, как и многие другие самые умные люди из противостоящих президенту, с которыми я говорила, уходили от прямого и такого простого вопроса: выдержит ли оппозиция искус властью? Ведь и Гамсахурдиа был правозащитником.

Слишком тяжко это бремя вообще. Власть по своей природе как феномен — монстр, чудовище, и бродячий сюжет о Драконе — одно из величайших предостережений культуры. Но вдвойне опасна власть непримиримых борцов, революционеров. Диссиденты, в прошлом репрессированные, у власти — один из самых тревожных знаков нашего времени, потому что в Ланселотах народ видит не просто лидеров: мессий. Спасителей. Надежду.

Есть такая притча. Человек шел вдоль обрыва и увидел девушку. Она обернулась, и лицо ее было пусто и гладко, как камень. «Демон!» — ужаснулся человек и бросился бежать. И бежал до тех пор, пока не увидел костра в степи. Подбежав к людям, он рассказал, как демон обратил к нему голое свое лицо. «Уж не так ли?» — спросил один из пастухов и провел ладонью перед лицом, и глянул на человека мертвым камнем. И человек умер.

Спрашивается: почему же не умер он от ужаса в первый раз? Потому что и во второй — погиб не от ужаса, а от отчаяния, увидев природу того же зла в том, в ком искал помощи.

Боюсь, не плюс ли демонизация всей страны поджидает нас за углом ломаного уравнения о перестройке...

Не увлечься оппозицией невозможно. Мы, воспитанники кухонь и самиздата, привыкли поддерживать тех, кто в меньшинстве, болеть за гонимых. И, естественно, я присоединялась к овациям тбилисцев 16 сентября на большом митинге оппозиции, к овациям, которыми встречали этих ослепительных ребят. А когда по живому коридору сквозь толпу пошел Сигуа, окруженный, словно оруженосцами, гвардейскими красавцами,— бледный и легендарный, как Монте-Кристо,— глаза, клянусь, защипало. Но митинги — как праздники. Восторг сопричастности, легкий и мощный механизм из области аэродинамики, знаком всем нам — детям апреля, января, августа. Красноречивое обаяние грузинских ланселотов завораживает. Я даже верю, что Чантурия абсолютно искренен, когда говорит:

— Я всегда буду в оппозиции, всегда буду против плохого президента, а когда появится достойный — уйду из политики.

Когда его спрашивают, не видит ли он себя в роли достойного, лидер НДПГ опять-таки, думаю, правдив:

— Я — выразитель интересов одной группы населения. Я не смогу консолидировать нацию. Есть другой человек, которого мы хотим в главы временного правительства,— Сигуа. Эту миссию на него возложили история и грузинский народ.

Но и Сигуа, по его словам, не хочет становиться во главе государства. И многие другие лидеры оппозиции как бы мечтают вернуться в аудитории, мастерские, лаборатории, цеха, кабинеты.

— Пока Грузия не выйдет из состава СССР, мы не хотим брать власть. А демократические проблемы должны решаться уже сегодня,— объясняет двадцатидевятилетний антисоветчик со стажем в треть жизни, бывший политзаключенный Ираклий Церетели, филолог, избравший профессией политику. Объясняет, сидя на лавочке у крыльца своей ставки, бывшего института марксизма-ленинизма; я отловила его в одиннадцать вечера, окруженного четырьмя телохранителями,— ему открыли дверцу автомобиля, и толпа вздохнула, подавшись к нему. Ираклий похож на серьезного мальчика, и полнота не взрослит его, а делает только еще моложе. Он любит собрать своих ребят, вразвалку привести их к Дому правительства и покричать там: «Чаушеску! Чаушеску!» И, спустив пары, со сладким чувством — вразвалку вернуться к ступеням марксизма-ленинизма.

— Личность не должна править государством, это приводит к диктатуре. Национальное собрание должно выбрать национальный совет на коалиционной основе — временный орган переходного времени. А президент должен подать в отставку.

— Должен? А если не подаст?

— Подаст, никуда не денется. Мы не дадим ему покоя. Перекроем улицы, железные дороги, вырубим свет. Пойдет бескомпромиссная борьба. В Иране шаха сбросили путем митингов, там же не было вооруженной борьбы.

— И сколько же времени вы ему отводите?

— До конца сентября. А может, до завтра. Сам уйдет!

Когда-то, еще при Шеварднадзе, на празднике в Светицховели юный Ираклий Церетели и с ним три девочки бросились под колеса милицейской машины, потому что кто-то крикнул: «Звиада взяли!» Еще не грянуло скандальное покаяние Гамсахурдиа, еще он вместе с Мерабом Коставой был богом для всех начинающих диссидентов. Церетели вместе с девочками арестовали — одной из них была Тамрико, дочка Резо Чхеидзе, которого нынче президент уволил из директоров «Грузия-фильма», отправил на пенсию и объявил врагом нации. Звиада почему-то в той машине не оказалось. На суд, где всем четверым дали по три года условно, он не явился — даже как свидетель.

Предательство в характере иных людей, и тогда не очень важно, демократ ты или не демократ. Слишком личные сюжеты легли в основу отношений президента с оппозицией; слишком тесна, глубока в прошлом их личная связь, чтобы могли даже одержимые справедливостью люди подняться только против несправедливости, только против неправедной политики, не ставя своей задачей воздать личности за обман и предательство.

Я верю, что «непримиримые» не рвутся к власти. Но я не верю в принципе ни в какие коалиционные правительства. Потому что свято место пусто не бывает — и далеко не достойнейший занимает его. Диссидент Гамсахурдиа, как и диссидент Церетели, говорил совсем не так давно, что, пока Грузия не свободна, пока оккупационные войска Советской Армии стоят на ее территории, никакого демократического президентского правления здесь быть не может, ни о какой власти Круглого Стола не может быть и речи. И первым выставил свою кандидатуру на президентских выборах. И искал у «оккупантов» управы на свою гвардию.

Серия мелких и покрупнее вероломств законного президента не только вызвала оппозицию к кипучей и яростной жизни, но и тут же деморализовала ее. Выступающие сегодня единым фронтом 26 партий перестали верить друг другу. Объединившись против личности Гамсахурдиа, оппозиция априори враждебна и подозрительна к личности вообще. И даже безупречного вроде бы Тенгиза Сигуа готова рассматривать только как временное знамя.

Недоверие и враждебность пропитали город. Напряжение этого тока шарахнуло меня год назад, когда я приехала сюда впервые после девятого апреля, вместе с почерневшим от траурной весны городом оплакав тогда жертвы. Прошлогодний декабрь в Тбилиси стоял не просто холодным — он был лютым. Сам воздух гудел от напряжения — жесткий и горький, словно радиоактивный. К вечеру улицы вымирали, а днем полны были пустых, как камень, лиц, молчаливых, глухих к негрузинской речи. Никогда не забуду, как задала в автобусе какой-то транспортный вопрос,— и все, как по команде, отвернулись к окнам.

А в дни путча говорили со мной примерно так: а почему вы ждете от нас сочувствия? Разве вы надевали траур девятого апреля?

В августе начали стягиваться к Дому правительства оголтелые черные батальоны «дедриони» — как называли их по аналогии с «Мхедриони» («всадники») — материнский эскадрон, амазонки президента.

И в сентябре рвануло — иначе быть не могло. Недоверие и враждебность стали материальной силой и овладели массами.

— Кто эта изумительная аристократка на крыльце? — спросила я Резо Чхеидзе на митинге интелли-

генции возле университета 16 сентября. Маленькая, почти бестелесная женщина с прозрачным лицом, за гранью возраста, сидела на ступеньке, строго сложив на коленях сухие голубоватые ручки, как бы охраняемая такими же спокойными породистыми стариками и плакатом по-русски: «Долой вождизм и беспредел!»

— О да! — воскликнул Резо.— Это именно изумительная аристократка. Госпожа Лили, профессор режиссуры. Сестра Джабы Иоселиани...

«Мхедриони», народное ополчение, было созвано и узаконено правительством Патиашвили сразу после 9 апреля. Во главе его встал доктор философии, профессор Джаба Иоселиани, человек с пестрым прошлым, сидевший при всех режимах, и не только за политику. Смельчак, разбойник, авантюрист и, конечно, князь. Робин Гуд. Предводитель таких же лихих и отчаянных «всадников». Острое национальное самосознание, любовь к Грузии и личная храбрость заменяли им политическую гибкость и зрелость. Иммунитета к политике они приобрести не успели. Дрались со спецназом в Осетии и Абхазии. Первыми ринулись в зону землетрясения и без отдыха спасали, вытаскивали, откапывали грузин, армян, осетин, абхазцев, азербайджанцев, русских. Во время Персидского конфликта сотня ребят Иоселиани написала Бушу письмо с просьбой взять их добровольцами. Ну и так далее.

Придя к власти, Гамсахурдиа объявил Джабу сообщником осетинской экстремистской организации, а «Мхедриони» — бандой. В четыре утра ОМОН захватил «Мхедриони» в Шавнабаде, сонных ребят избили, Иоселиани арестовали.

Как известно, один из самых знаменитых политзаключенных в мире, Джаба Иоселиани, до сих пор в тюрьме. До сих пор обвинение ему не предъявлено. (Как и Чантурии, как и Хаиндраве, арестованным 17 и 18 сентября этого года.)

Госпожа Лили, прихрамывая, нетяжело опирается на мою руку, ее улыбка приветлива, даже весела:

— Нет, сейчас я больше не голодаю. Просто протестую. Но когда я увидела брата в тюрьме, увидела, какой он худой,— я тоже стала вместе с ним голодать. Правда, дома. Без объявления. Просто я хотела умереть. Когда Джабу арестовали, пошел слух, что я алкоголичка и наркоманка. Шла кампания по дискредитации брата. И раз ночью, в полночь, слышу вдруг: громко открыли дверь. А двери у меня всегда отперты. Я вышла, даже не успела зажечь свет — и на меня кинулись. Женщина, от нее пахло потом, она трясла меня и кричала: ты сестра бандита и сама дрянь! Я говорю: милая, дорогая, успокойтесь. Вы хотите меня убить? У меня есть нож, я вынесу, там, на кухне. Я буду только благодарна вам — я не хочу жить, когда вижу вас. Я готова, чего вы кричите. Тогда она немного притихла и отвечает: нет, не сейчас. Будет момент. И покинула меня.

— Вы живете одна?

— Да, я всегда работала, всю жизнь помогала брату, у меня нет другой семьи.

— И по-прежнему не запираете двери?

— Ну, а как же? А если придут? Я хожу медленно... Не ждать же человеку.

Тбилиси возвращался ко мне. Лили Иоселиани сказала: «У меня появилась надежда». Моя надежда тоже вспыхивала временами, несмотря на то что матери-дедрионы ждут своего часа.

Надежда мерцала в пергаментной улыбке Лили. В совершенно чужеродной ошалевшему проспекту Руставели деловитости профессора Гиви Туманишвили, который в этом вареве заботился, как леший, о природе. Хотя и «зеленые» Грузии, чьим президентом он является, примкнули к оппозиции... Впрочем, в критический момент принять сторону оппозиции власти для нормального интеллигента просто вопрос морального комфорта, который называют чаще «спокойной совестью». Мне даже сейчас передается надежда аполитичного батоно Гиви, который накануне бредового захвата Чантурии и его жены Саришвили на аэродроме, накануне какого-то прямо бериевского похищения оператора Гоги Хаиндравы вечером на улице группой в штатском, накануне всех последующих зловещих событий так рассуждал, здраво и убедительно: «Я думаю, если власть сохранится, то репрессий не будет. У них просто нет механизма репрессий. Например, кто придет арестовывать, если будет приказ арестовать?» Не мне, конечно, объяснять старому тбилисцу, заставшему и тридцать седьмой, и другие годы, что механизмы репрессий находятся всегда, было бы желание. Уж кому прийти-то арестовать — подумаешь, бином Ньютона. Именно поэтому в его немножко нелепых и столь замечательных словах блещет мне наивная надежда. Потому что именно они, эти аполитичные интеллигенты,— соль земли — и русской, и балтийской, и кавказской.

У грузинских поэтов Тициана Табидзе и Паоло Яшвили одни и те же даты жизни и смерти: 1895—1937. Одного взяли по доносу, второй застрелился, в доносе этом подозреваемый. Когда нет надежды, демоны недоверия особенно жадно требуют выкупа.

Каких еще искуплений ждут от Тифлиса?

Грузинский поэт Звиад Гамсахурдиа, в стоптанных домашних туфлях, дергая щекой, больной и опустошенный, вышел к своему народу. За его спиной — тупик. Неужели снова придется стрелять? С каждым разом, говорят, это все проще.

На его стороне — гвардейский Зугдидский батальон, триста пацанов, согласившихся стать ОМОНом. На его стороне — грузинский народ.

Против него — двадцать шесть политических партий. И грузинский народ.

Автандил Цхитишвили, господин полковник, вы столь умны и блестящи, столь тверды — укрепите! Хочу опоры для своей надежды: есть ли способ разрубить этот узел?

— Гвардия — сдерживающая сила, мы вне политики. Не выступаем против Гамсахурдиа и не поддерживаем оппозицию. Мы займем такую позицию, чтобы не пострадал невинный народ.

Но какой из этих двух народов будет защищать 15-тысячная, прилично вооруженная гвардия Китовани, выжидающая на берегу грязноватого искусственного водоема?

— Проиграет тот, кто выстрелит первым.

Выстрелил. И еще. И снова.

А народ, невинный, как Адам, знай прижимает к глазу закопченное стеклышко.

— Да, я верил, я голосовал за него. Но он не дает торговать. Я могу арендовать гостиницу, открыть ресторан — не разрешают! Бессариона знают все — вай мэ, он не лезет в политику! Они кричат: свобода для народа, а народ — это я. И я жить хочу! Ты пей, пей, генацвале...

Поздним вечером владелец винного погребка угощал нас прекрасным кахетинским и хлебом. Больше у него ничего не было.

Гибнут Ланселоты. Гибнут Драконы. И прорастают в новых Ланселотах. А те, кто вне политики,— те гибнут тоже. Ух, как я ненавижу эту грязную чуму! Но наша с тобой трагедия, любимый Тбилиси, что в конце концов надо решиться, надо запачкать башмаки и душу — и поверить кому-то. И занять чью-то сторону.

Совсем еще недавно — всего-то года два назад — журнал «Даугава» мы зачитывали до дыр. По серьезности и глубине подачи материалов мало было равных ему. Да и многие ранее запретные произведения мы впервые прочли на его страницах. Потом журнал стал печатать все больше и больше латышской прозы и поэзии, писать о проблемах Латвии, и интерес к нему в России упал, хотя он и сохранил довольно высокий рейтинг в среде читающей интеллигенции. За последние два года я раз шесть побывал в Латвии, и почти в каждый свой приезд старался встретиться с главным редактором журнала Владленом Дозорцевым. Но если тогда — в восемьдесят девятом — мы говорили в основном о литературе, то в эту ноябрьскую встречу о литературе речи не было вовсе. Но давайте по порядку: сегодня с вашим корреспондентом Леонидом Прудовским беседует писатель, главный редактор журнала «Даугава», депутат Верховного Совета Латвийской республики, член общественного совета при премьер-министре республики, член правления думы Народного фронта Латвии первого и второго созывов Владлен Дозорцев.

АПАРТЕИД?

— Народный фронт создавался цветом интеллигенции Латвии, людьми, осознающими необходимость и неизбежность государственности республики, но при этом — и борцами за права человека во всей их полноте. Так было на первом и втором съездах. И вот я читаю материалы четвертого съезда НФЛ. Выступают кандидаты в председатели фронта Ромуальдас Ражукас и Андрейс Ручс. Оба ратуют за создание условий, при которых большинство нелатышского населения вынуждено было бы репатриироваться. На мой взгляд, сегодня можно однозначно констатировать, что к руководству НФЛ пришли крайние национал-радикалы, и именно они определяют политику этого — самого массового латвийского движения. С чем это связано?

— Те, кто создавал НФЛ, естественным путем пришли в структуры Советов и в правительство. В том числе и в постоянно действующий Верховный Совет. Нам стало непосильно совмещать работу там и в руководстве НФЛ. В результате в думу НФЛ хлынули политики второго эшелона, не имеющие опыта компромиссов. Наверное, мы рано ушли из движения. Это первая причина того, что НФЛ стал областью случайной политики.

Второе: государственная независимость Латвии стала реальностью, что было главной целью НФЛ. Фронт оказался на идейном распутье уже к третьему съезду. Начала падать его популярность, численность сторонников сократилась с 900 тысяч до 164 тысяч. К сожалению, его нынешнее руководство не сумело осознать, что главные интеграционные идеи сейчас лежат в области экономики: это и приватизация, и серьезнейшие реформы в управлении госсектором — работа будничная, кропотливая и внешне неброская. Революционеры всех времен никогда не умели ее делать, да и вкуса к ней не имели.

Вместо этого уже на третьем и особенно сейчас — на четвертом съезде в качестве главной интеграционной идеи была выдвинута идея национального выживания. А инструментом выбрано гражданство (НФЛ требует восстановить гражданство лишь тем, кто жил тут до 1940 года, и их потомкам, а натурализацию остальных отложить до сейма, который должны выбрать лишь граждане республики).

— Одной из особенностей всех тоталитарных режимов было создание образа врага внутреннего или внешнего, против которого и консолидировались наименее развитые слои общества. Не идет ли и Латвия по тому же пути, создавая и культивируя образ врага, персонифицированного в нелатышском населении — русских, белорусах, украинцах, татарах... всех нелатышах?

— Поскольку здесь еще довольно долго будет плохо, национал-радикалы для консолидации нации будут поддерживать образ виновника, и естественно, этим виновником будет миллион мигрантов, а это — нелатыши. К сожалению, мне кажется, что это надолго. Ведь так заманчиво объяснять происками врагов все финансовые, хозяйственные и экономические неурядицы. Если раньше был действительный враг — тоталитарные структуры, то после путча они полностью утратили влияние. Теперь остается говорить о потенциальной пятой колонне. Тем более что 400 тысяч нелатышей в марте действительно высказались против независимости. Вот на этом пафосе и шел IV съезд НФЛ.

Можно понять латышей, ведь соотношение коренного и некоренного населения у нас 52% к 48%, а в Риге и некоторых других городах русскоязычных подавляющее большинство.

Окончание на стр. 28.

НЕОКОНЧЕННАЯ ПЬЕСА...

ЛЮДМИЛА САЛЬНИКОВА

Фото
Владимира
МАШАТИНА

Место действия: Одесса, II съезд Творческого Союза учителей СССР.

Время действия: октябрь 1991 года.

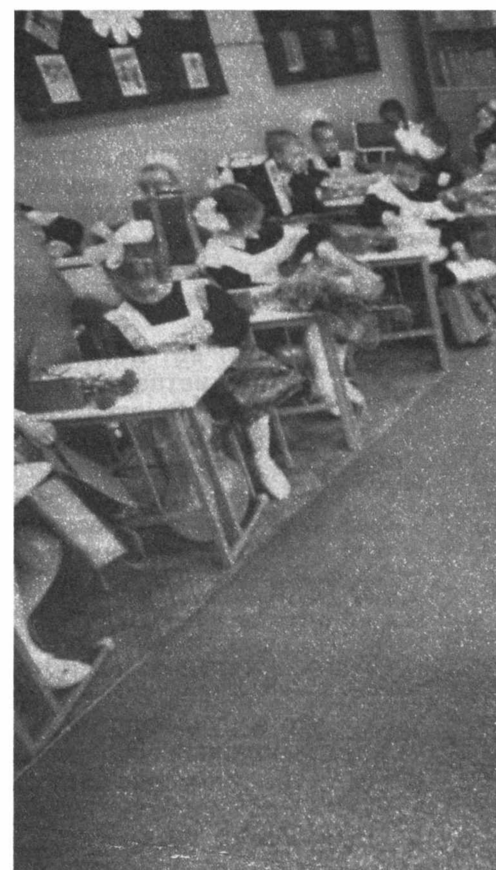
Действующие лица: участники съезда.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ЕДИНАЯ ШКОЛЬНАЯ СИСТЕМА

Изобразить ее лучше всего в виде огромной пирамиды. В основании — ученики, которым предлагаются усеченные сведения из разных наук, не имеющие ничего общего с реальной жизнью. Учителю следует придать вид надсмотрщика, строго пресекающего любые попытки ученика отклониться от учебной программы.

Далее пирамида сужается. Над учителями также размещаются надсмотрщики: от рядовых инспекторов роно до

высокопоставленных чиновников из Минобраза. Они бдительно следят, чтобы не нарушался выпуск со школьного конвейера стандартных, усредненных учеников. Надо показать, что учителя не смеют сделать самостоятельно ни шагу, во всем опираясь на многочисленные методические указания и рекомендации сверху. Чуть в стороне безучастно толпятся родители, уверенные в том, что именно школа обязана сделать из их детей законопослушных членов общества.

Вершину пирамиды венчает Государство. Всем должно стать понятно, что советская школа — высшее достижение государства, она безукоризненно выполняет конкретный социальный заказ, который был давно сформулирован в крылатом выражении «Кадры решают все».

После того как описанная пирамида будет рассмотрена и уяснена зрителями, можно давать слово действующим лицам.

Шалва Амонашвили (Тбилиси), за глаза коллеги называют его «наше солнце» (не путать с культом личности).

— Открывая съезд, я, как глава Творческого Союза учителей, должен сказать прямо: наша школа бездарна. Да-да, именно так. Она насквозь пропитана идеологией тоталитаризма. А учителя? Они же настоящие диктаторы! Умеют разговаривать с детьми только в тоне приказа. Конечно же, для многих это способ самоутвердиться, поскольку никто, пожалуй, у нас так не напуган начальством, так не унижен обществом, как учитель. Но кого такой педагог способен воспитать? Смотрите, какие поколения вышли из школы. Агрессивные, с расплывчатыми представлениями о нравственности, теряющие над собой контроль в трудных ситуациях. Эти люди не готовы к демократии. В путче 19 августа есть и вина школы. Безусловно!

Я понимаю, что школа — модель общества. Ничего другого и ждать было нельзя. Даже если молодой, одаренный учитель пытался что-то менять, его безжалостно перемалывала Система. Педагоги-новаторы долгое время были у нас на положении диссидентов. Но давайте же наконец ломать эту машину, калечащую наших детей, наше будущее. Я за экологически чистую педагогику, которая любит ребенка, следует его естеству. Нынешняя школа считает ребенка недочеловеком, она отказывает ему в праве самостоятельно идти к своей судьбе и насильно ведет его за руку, куда считает нужным. Я же призываю стать помощником природы, которая себя очеловечивает в детях. Внутренние стремления ребенка преступно сдерживать, запрещать, это все равно что пытаться повернуть вспять реки...

Олег Газман (Москва), наделен здоровым скептицизмом, за что и пострадал в эпоху застоя.

— А что вы хотите, если у нас школа остается средневековой. Как и триста лет назад, она готовит работников мануфактурного производства: каждый должен получить строго дозированную порцию знаний и навыков, необходимых для выполнения определенных трудовых операций, и не более того. Человек из цели превращен в средство прогресса. Его никто не учит реализовывать свои способности, самостоятельно строить собственную жизнь. Откуда же взяться свободным, готовым к демократии гражданам?

Анатолий Фурман (Киев), ученый, так и не выбравший между педагогикой и психологией.

— Давайте начнем с учителя. Что он собой представляет? Я, как психолог, протестировал около двухсот учителей в городе и по области. Открылась поразительная картина! Подавляющее большинство опрошенных обнаружили такие черты характера, как повышенная тревожность, подверженность страхам, склонность расстраиваться по мелочам, болезненное отношение к собственным неудачам, эмоциональная неуравновешенность, меланхоличность... А мы удивляемся, почему у наших школьников повышенный невротизм. Представляете, какое поле создает вокруг себя такой учитель! Часто он сам провоцирует ученика на конфликт, устраивая истерики, оскорбляя. А психологически воздействовать на ребенка просто не способен. Почему исчезли из школы педагоги с сильным, уравновешенным характером? Они не смогли приспособиться к неопределенности, униженности своего положения. Все знают, что учитель — профессия творческая, но какого еще творца у нас так жестко контролируют, понукают, сковывают? Ничего, кроме комплекса неполноценности, тут не наживешь. Мне многие педагоги жалуются на хроническую подавленность, апатию, признаются, что на урок идти не хочется. Никаких профессионально значимых целей впереди... Никаких духовных ориентиров... Куда же они ведут подрастающее поколение?

Разговоры в кулуарах:

— Я детям сказала: «Заклейте в учебнике страничку с портретом Ленина чистым листом бумаги и напишите на нем какое-нибудь хорошее стихотворение...»

— Не знаете, почему нас в разгар четверти собрали? А я знаю. Хороший учитель свой класс на неделю не оставит. Вот и понаехали одни начальники.

— Империя разваливается, а они учителей СССР надумали объединять. Писатели вон и то на два творческих союза разделились...

КАРТИНА ВТОРАЯ
ПЕДАГОГИ-НОВАТОРЫ

Над безбрежным океаном мрака и оцепенения, в который погружена школа, появляется робкий луч света. В нем проплывают имена В. Сухомлинского, Ш. Амонашвили, В. Шаталова, С. Лысенковой, Е. Ильина... (Ряд имен можно продолжать долго.) Постепенно свет проникает в самые отдаленные и мрачные уголки. Надо показать, как один за другим учителя начинают просыпаться от долгого, тяжкого сна, впервые с интересом рассматривают своих учеников, пытаются что-то понять...

Валерий Эдигей (Кировоград), доказавший, что добрый, любящий детей человек — лучшая профессия.

— Однажды я решил урок провести возле березы. Что только детишки не делали! И ласкали ее, и обнимали, и хороводы водили. Одна девочка потом такое прекрасное стихотворение написала — первое и последнее в жизни. Другой паренек недавно письмо прислал, пишет, что в Афганистане перед боем ту березку вспоминал. А завуч мне тогда страшный нагоняй устроила: «Как это вы могли одному дереву целый урок посвятить? Возмутительно!» Как-то так получилось, что наше народное образование на удивление антинародно. Ребенок абсолютно никому не нужен, более того, он совершенно беззащитен перед лицом «дедовщины», которая начинается еще с детского сада. Особенно страдают добрые, мягкие дети. А ведь милосердие — это дар Божий, его надо беречь... Многие мои друзья вышли в люди, карьеру сделали, меня теперь жалеют: «Зачем бросил диссертацию? Разве можно всю жизнь учителем начальных классов проработать?» А кто же, спрашиваю, ваших детей любить будет, к чистоте, нравственности, правде вести? Молчат...

Василий Гуливатый (Свердловск), настоящий боец, Павел Корчагин от педагогики.

— У меня в кабинете висит портрет М. Горбачева. Кое-кто уговаривает: сними да сними... Как у нас любят все и вся снимать! Я учитель истории и обязан уважать свое государство, своего президента. Педагогу как никому важно не поддаваться конъюнктуре, не продавать себя. Это не значит, что нужно быть вне политики. Я так считаю: учитель — это общественный деятель — раз, гуманист — два, боец — три, реформатор — четыре!

Разговоры в кулуарах:

— Да-а-а... Наши учителя потихоньку сделают со страной то, чего не удалось Янаеву с Крючковым...

— А где выход? Четыре с половиной миллиона учителей не свалишь в одну яму и не подожжешь...

— Тут американцы приезжали посмотреть на наших учителей-новаторов. Знаете, что они сказали? «Это, конечно, все очень интересно. Вы придумали уникальную методику выпрыгивания из ямы. Но мы-то не в яме, нам ваш опыт не нужен».

— Всем нашим новаторам пора сказать «спасибо» и отправить на заслуженный отдых. Они достигли вершины, возможной в рамках старой системы образования. Все. Дальше идти некуда. Дальше надо ломать саму систему. А они к саморазвитию не способны.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ
АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ШКОЛЫ

Слабонервных лучше попросить удалиться, поскольку придется наблюдать полное разрушение традиционных устоев школы. Никаких шестых «А», восьмых «Б», третьих «Г». Никаких дневников и «двоек». Никакого расписания уроков с физиками, физкультурами и алгебрами. Никакой жесткой субординации и подчинения между учителем и учеником. Главная фигура в школе не взрослый, а ребенок.

Александр Тубельский (Москва), ставящий превыше всего свободу, какой бы ценой она ни давалась.

— Когда я пришел директором в 734-ю школу, она отнюдь не была в числе отстающих. Так что новую школу я создавал на основе хорошей старой. Назвал ее школой самоопределения. В чем сущность человека? Чему и как надо учить детей? У меня на этот счет нет сомнений: прежде всего человек должен быть свободен, им не должны манипулировать. Мы попытались создать в нашей школе такие условия, которые помогают ребенку развить способность к самоопределению, выработать свой собственный взгляд на мир, общество, людей, на самого себя. Не люблю выражение «формировать личность». Надо сделать так, чтобы личность сама формировалась.

Каждый ученик у нас может на собственное усмотрение выбрать предметы, которые хотел бы изучать, причем один предмет может быть из седьмого класса, а другой, скажем, из десятого. Хочешь учиться по индивидуальному графику? Пожалуйста! Можешь посещать обычные занятия, а можешь пойти на погружение в «Слово о полку Игореве» или в придаточные предложения. Понимаете, сам выбор — это уже прекрасная образовательная ситуация. Разумеется, невозможно самоопределяться только на уроке, а потом вести себя, как и прежде. Начинает меняться образ жизни. Как-то еду в троллейбусе, рядом десятилетняя ученица с мамой. Та ее спрашивает: «Ты отвечала сегодня правильно?» А девочка ее поправляет: «Мама, разве ты не знаешь, что ответы не могут быть правильными? Из школы надо уходить с вопросами, а не с ответами».

Конечно, есть серьезная проблема: как люди несвободные (то есть все мы) могут воспитывать свободную личность?.. Сейчас вокруг только и слышишь: «Все равно ничего не выйдет, государство нищее, ему не до образования». Все так. Нашу систему народного образования нельзя реформировать правильными законами, умными книгами, даже денежными вливаниями. Ее можно развивать только создавая прецеденты нового. А мы новшеств не любим, у нас сразу ярлык наготове: «Выскочка, ему больше всех надо». Но если я создал некую новую педагогическую реальность и ты сделал то же самое, то давай объединим наши малые культурные силы и поддержим друг друга, глядишь, дело и стронется с мертвой точки.

Григорий Ищук (Винница) уверен, что сбываются все его мечты, даже самые невероятные.

— Нашу семейную школу «Аист» открыли, собственно говоря, сами родители. Ходили, добивались, уговаривали разных чиновников. И добились, как ни странно. В первую очередь наша школка (конечно же, школка, она ведь маленькая, домашняя) для тех детей, которые не подходят под усредненный стандарт, кому трудно в массовой школе. А у нас как бы продолжение семьи. Уютная комната, самовар, занавески на окнах. Родители в обед горячие кастрюльки из дому приносят. А кое-кто

из пап и мам сами курсы ведут — по музыке, художественным поделкам...

Цель нашей школки? Помочь ребенку, а с ним вместе и учителю, и родителю себя реализовать. Чтобы каждый ощутил полноту бытия на любом этапе своей жизни. Главные принципы? Свобода, гуманность, природосообразность, индивидуализация. В качестве главного педагогического средства используем семейную атмосферу. У учителя отобрали главное оружие — «двойки» и наказания. Вместо экзаменов свободная игра, в которой ребенок сам быстро видит свои просчеты и недостатки и имеет возможность без давления со стороны, без унижения их исправить. Между прочим, для некоторых родителей такой подход оказался трудным для понимания. Просили все-таки ставить отметки, а то как же контролировать ребенка?.. Некоторые учителя тоже сначала страдали: как заинтересовать учеников, заставить слушать? Один молодой педагог чуть не до слез дошел: ничего не получается. Потом плюнул, взял листок бумаги, подсел к ребятам и стал на коленке писать, попутно на пальцах объясняя. И пошло...

Я убежден, что силой ничего сделать нельзя. Главное качество учителя — терпение.

Выступления на съезде:

— Товарищи, еще раз повторяю, сначала голосуем мягко. Кто за конфедерацию и кто за ассоциацию. Потом будем жестко. Еще раз объясняю... Прошу не кричать: «Давай голосуй!» Меня это оскорбляет! Ну и что, что три часа сидим? За оставшиеся десять минут мы успеем пройти три шага. Не уходите из зала, товарищи!

— Долой ведущего, я протестую, идут грубые нарушения...

— Вы чего хулиганите? Из какой вы делегации?

— Чего орешь-то? Уже ведь выступал.

— Ну и что, нельзя, что ли? Я протестую...

— Товарищи, заходите сзади, за ноги, за ноги его берите... Сейчас вынесем из зала...

— Да вы что? С ума ведь можно сойти! Оставьте его в покое...

— Товарищи, голосуем, кто по мотивам либо «за», либо «против». Не вынуждайте меня кричать, меня это оскорбляет! Я хочу определиться.

Александр Адамский (Москва), именуемый в профессиональных кругах как учитель учителей.

— Выясняется, что бойцовские качества учителей, выработанные за столь долгий срок, больше не нужны. Даже мешают. Теперь требуются совсем другие люди — умеющие спокойно работать. Все знают, как помогла нам «Учительская газета» во времена, когда ее возглавлял В. Матвеев. На ее страницах родилась педагогика сотрудничества, появился клуб «Эврика», давший жизнь и многим педагогическим идеям, и экспериментам. Теперь наши «эвриканцы» пошли в школы и начали воплощать свои идеи в жизнь. Клуб «Эврика» превратился в свободный педагогический университет. Пришло время думать не об утверждении и пропаганде своей личной системы обучения, даже очень талантливой, а о движении вперед всего народного образования.

Юрий Рюриков (Москва), писатель, склонный к глобальным обобщениям.

— Реформа школы — процесс естественный, ведь сейчас идет настоящая психологическая революция. Тысячи лет у человека материальные запросы были сильнее душевных. Сейчас рождается человек, у которого душевные запросы сильнее материальных. Возможно, новая нравственность станет общечеловеческой, будет побуждать не к дроблению на группы, а к согласию. Она, видимо, не будет основываться на недоверии к человеческой природе, перестанет быть моралью запрета — на такой морали держались все деспотии земли... И профессия учителя тогда превратится в одну из самых главных человеческих профессий.

Разговоры в кулуарах:

— Как? Вы уезжаете раньше времени?

— Надоело. Дети ждут...

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ
ПРОСТОЙ УЧИТЕЛЬ

Разговоры в поезде по дороге домой:

— Разве ж я против всяких новых школ? Но ведь учителей не хватает! Нет их физически, понимаете? Летом нам разнарядка пришла на двух литераторов и англичанку. Даже с фамилиями. И что вы думаете? Мы их в глаза не видели. Они в СП ушли. И правильно сделали. У вас какая зарплата? У меня полторы ставки четыреста двадцать. И все. Никаких льгот, никаких доплат. А вы завуч и на трехстах пятидесяти?! Ну я и говорю: только дураки еще из школы не убежали...

— Все радуются, что роно разогнали, можно вздохнуть наконец-то. А вы посмотрите: им даже здание то же оставили, только табличку у входа сменили. И все инспектора на месте. Теперь комиссия какая-то... Господи, когда же нами руководить перестанут!

— Кстати, что же все-таки с Союзом учителей СССР? Есть он теперь или нет?

— Думаете, я поняла? Одни из него вышли, другие хотят сохранить, третьи — за республиканские независимые Союзы... Полная неразбериха. Только никто не думает о простом несчастном учителе. Нам-то куда податься?

— Может, снова забастовать, а?

Поезд быстро удаляется, поскольку сильно опаздывает по расписанию.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

7 декабря в 12 часов дня в Москве возле «Белого дома» состоялось пикетирование против принятия парламентом России законопроекта об образовании в РСФСР. Около двух десятков человек вышли с лозунгами и плакатами.

В 14 часов, окончательно замерзнув, участники пикетирования зашли в единственный открытый подъезд «Белого дома». В тамбуре перед милицейским постом они, отогревая дыханием шариковую ручку, подписали обращение к Председателю Верховного Совета РСФСР.

Из обращения: «В законе ликвидируется право на обязательное среднее образование. Обязательным остается основное. А это 7, 8 или 9 классов (в зависимости от типа школы). В государственной школе вводится плата за образование второгодников и детей, отбракованных в классы или школы коррекции. Репрессии коснутся в первую очередь малоимущих...

Нетрудно прогнозировать обвал в нашу страшную взрослую жизнь миллионов безрассудных, голодных и потому жестоких подростков (от семи до семнадцати лет около семи миллионов человек).

Этот закон, разработанный на основе предложений ведомств, фактически служит одной цели — закрепить и усилить власть этих ведомств и тем самым сохранить в неприкосновенности бесчеловечную систему образования, созданную для обслуживания тоталитарного строя».

Редкие прохожие, оказавшиеся в это время рядом с «Белым домом», никакого интереса к пикетчикам не проявили.

Парламентские слушания законопроекта об образовании в РСФСР продолжаются.

СНЕГИРЬ

С РОЕМ МЕДВЕДЕВЫМ НА ЗАКАТЕ СОЦИАЛИЗМА БЕСЕДУЕТ СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» АЛЕКСАНДР ТЕРЕХОВ

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиенну?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?

Г. Р. Державин

Сейчас он проживает в поселке, сразу за кольцевой московской дорогой; слева — шоссе, справа — спешат электрички, самые заметные дома поселка: замок с башнями четырех грузин и хоромы цыганского барона с постоялым двором на первом этаже.

— Здравствуйте, Рой Александрович. Куда бы сесть?

— Где удобно. Только кошку не надо сгонять...

— Как встретили 7 ноября?

— Нездоров был. А так — пошел бы на Красную площадь. В прошлом году со всеми тремя демонстрациями прошел — мне интересно. Я смотрю как ученый. Я ощутил, наконец, счастье общаться с собственным народом, познавать его. Я много ездил, выступал, даже перед работниками КГБ, сорок минут не мог пройти на свое выступление в МГУ — столько было желающих...

— До восемьдесят пятого общаться было сложней...

— При Андропове я в нескольких интервью плохо отозвался о Черненко. Только Андропов умер, ко мне пришли два человека из КГБ и предупредили, что я веду себя неправильно и они примут меры. На моем этаже встали круглосуточно милиционеры, у подъезда дежурила машина. Иностранцев не пускали, у советских спрашивали документы. Милиция даже не знала, кто я такой, и скучала страшно: поставили себе стол, кресла. Только им разрешили читать — я свет туда провел, телевизор поставил. Тут они совсем уже разленились и приспособились по ночам спать. Ноги в проход выдвинут, чтоб пройти нельзя, и спят. Я подумал: э-э, нет, раз дежурство круглосуточное, то уж будьте любезны. Встаю в четыре утра — раз! — и на улицу, они даже вскочить не успели. По-разному ускользал. Говорю таксисту: заверни-ка за угол. Он заворачивает, а я ложусь на сиденье — надо отдохнуть. Милиция глядь: такси пустое — и бросается меня по дворам ловить. Все это продолжалось полтора года, милиция уже стонала: «Рой Александрыч, когда в отпуск уедете?» Я в квартире даже дверь не закрывал. Счастливое время! Квартал усиленно патрулировали, окрестные жители были очень довольны. Меня считали генералом КГБ.

(Рой Медведев родился в 1925 году. Отец — зав. кафедрой Военно-политической академии, репрессирован. В 1942 году призван в армию, участия в боевых действиях не принимал. Окончил ЛГУ. Работал учителем, директором школы, зам. главного редактора Учпедгиза, старшим научным сотрудником Академии педнаук СССР, кандидат педагогических наук. В 1959 году вступил в КПСС. В 1969-м — исключен за рукопись книги «К суду истории». 1989-й — восстановлен. С 1970-го по 1989-й — официально нигде не работал. 1989-й — народный депутат СССР. 1990-й — член ЦК КПСС. С начала 60-х годов активный участник движения диссидентов.)

— Ну а сейчас не жаль покоя, четырехмесячного отпуска в Кисловодске каждый год?

— Очень. Но я изменился сознательно. Я изучал советское общество по книгам, беседам, а теперь я вижу сам механизм. Жалко времени на пустых заседаниях, но спасаюсь газетами, журналами... Сейчас я пишу об Андропове, разве мог я раньше получить доступ к его помощникам, сотрудникам, товарищам? Меня не интересуют секреты советской разведки, в этом нынешнюю прессу никому не обогнать. Мне хочется рассказать о человеке, о котором на Западе издано 15 биографий, но очень поверхностных — он ведь был очень закрытым человеком...

— И что вы для себя в нем открыли?

— Андропов был высокообразованным человеком, с поразительной памятью. Сотрудников задело, как он бегло посмотрел музей КГБ, и они опешили, когда он устроил тщательный разбор экспозиции, с подробными цитатами с каждого стенда. Он даже перед смертью, заметив, что врач недоверчиво смотрит на очередную стопку прочитанных за три дня книг, сказал: «Вы думаете, я их не читаю? А ну-ка откройте любую и начните читать — я продолжу по памяти...» Мы представляем себе брежневское Политбюро ограниченным и примитивным, но был и Устинов — блестящий хозяйственник, был Андропов. Но они были втиснуты в рамки, они не смогли развиться. Разве стал бы на свободе Андропов догматиком, гонителем диссидентов? Он бы с ними спорил! И как личность он был гораздо крупнее Горбачева, неизмеримо образованней. Горбачев шире, бывал за границей, более открыт, но субъективен, часто уверен, что можно легко решить вопросы вообще неразрешимые или разрешимые за десятилетия, а ему кажется: поставь вопрос на Политбюро, да и все...

— С чего пошли слухи, что вы с братом — агенты КГБ?

— Не агенты. Сотрудники. Мне даже звание «присвоили» — полковник. Я всегда спорил с эмиграцией, как человек социалистических взглядов. А эмиграция любит сводить споры к обвинению в сотрудничестве с КГБ. Ведь

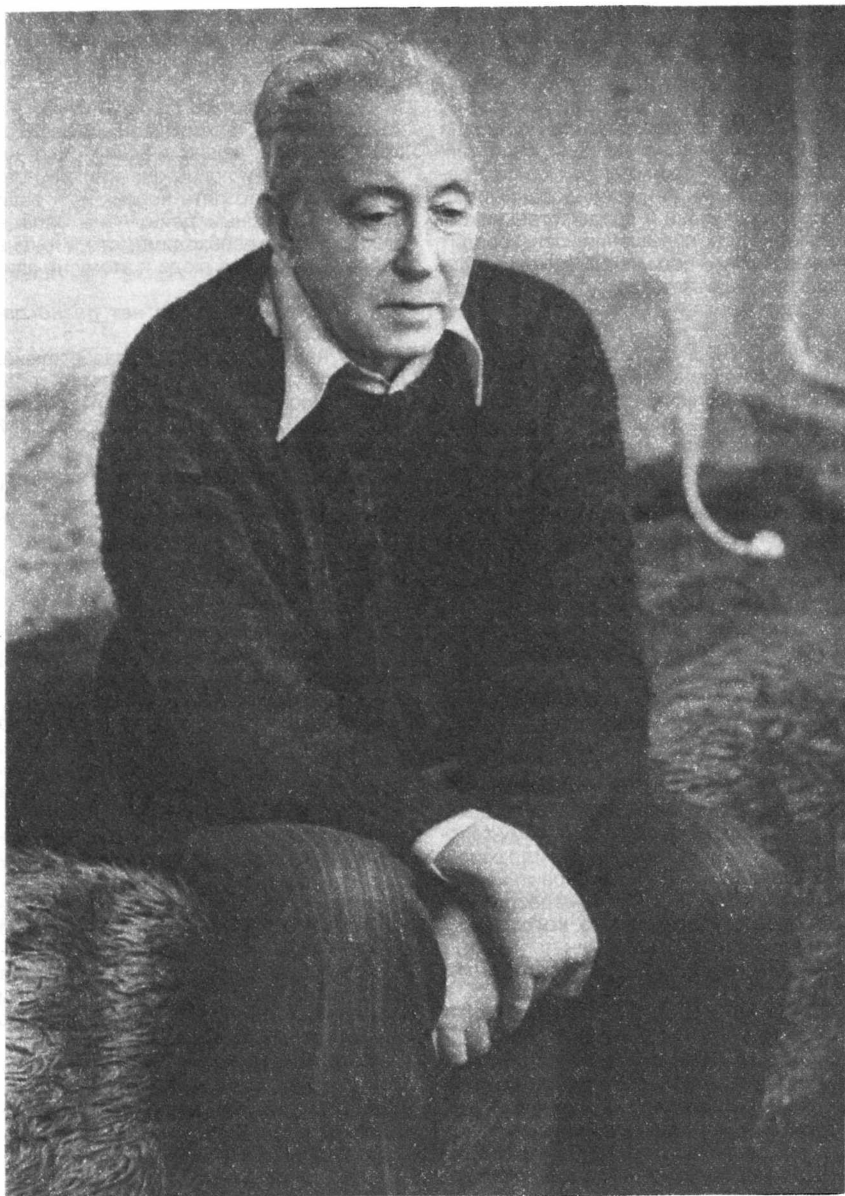

Фото Владимира МАШАТИНА

и Солженицына обвиняют, он и сам коснулся своей лагерной вербовки в «Архипелаге», но очень неловко — дескать, потом про меня забыли. Старые зэки мне говорили, что так не бывает. Да я и сам знаю, «Дела» не пропадают. Поэтому мне понятна лагерная судьба Солженицына — только год на общих работах. Но когда мне подбрасывали про него разные материалы, я всегда говорил: разоблачения КГБ не надо начинать с Солженицына, ясно, что он все это порвал... КГБ иногда специально организует «утечки информации». Так, когда в Венгрии с большими торжествами проводилось перезахоронение Имре Надя, КГБ опубликовало на Западе документы, что он, находясь в СССР в 30-х годах, выдавал своих товарищей. Венгры были потрясены.

— Ничего хорошего, кроме возвращения писателя домой, вы от приезда Солженицына не ждете?

— Я разбирал все его произведения: том за томом. Он великий писатель, но я не приемлю его нравственной проповеди. Советские люди за ним не пойдут. Его проповедь не может привлечь свободного человека. Проповедь внутренней свободы в противовес внешней — это же бессмыслица! Если у меня нет свободы снаружи, то ее нет и внутри. Остается думать? Но для этого нужно творчество. Меня упрекали: Медведев пишет, а его никто не сажает в тюрьму. Да! Я так старался писать и вести себя, чтоб не посадили. В заключении я не был бы уже автором и не работал. А на Западе меня одного признают как историка, независимо писавшего последние четверть века. Я собирал то, что знали современники событий, большинство советской истории — в головах людей, а не в архивах. Я обращался за помощью к историкам, которые выше меня профессионально, но они боялись, а теперь зло пишут про меня.

— Но почему вы не боялись?

— Я? Ну, во-первых, прежде всего потому, что... Ну, не знаю. Я просто не боялся. Я считал это своим долгом.

— Как вы думаете, ваши труды диссидентской поры читали «наверху»?

— Вы ошибаетесь, если думаете, что «наверху» читают книги. Я, работая в издательстве, попал на секретариат ЦК и, дожидаясь рассмотрения нашего вопроса, видел, как разбирали «идеологическую диверсию» — альманах «Тарусские страницы». Перед каждым лежала справочка об этом альманахе. На четырех страничках! Зачем книжки читать? Абсолютно незачем.

(Р. Медведев опубликовал за границей более двухсот статей и более тридцати книг. Количество изданий перевалило за сотню. Наиболее известные: «К суду истории», «Кто сумасшедший?» (вместе с братом, Ж. Медведевым), «Была ли Октябрьская революция неотвратима?», «Хрущев. Годы у власти» (с Ж. Медведевым), «Хрущев. Политическая биография», «Они окружали Сталина», «Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова».)

— А ведь публика ласково вас встретила, обхаживала, как и всякого запретного. Но, как только вы обнаружили желание продолжать совершенствование социализма, общественный интерес уже потек себе дальше, дальше, дальше... А уж когда вы возглавили комиссию «по Гдляну» — вообще приговорили.

— Меня страшно удивило легковерие общественности. Наша комиссия — следственная. Шесть прокуроров и следователей. Можем допросить любое лицо. Меня наделили правом читать документы вне степени секретности. Я думал, что нам дадут возможность спокойно работать и выяснить достоверность обвинений двенадцати человек, так называемой «московской мафии». В конце концов закон запрещает оказывать давление на следствие. А в самый разгар работы начались требования отозвать Медведева! Еще не зная ровным счетом ничего!!! Решение по итогам работы нашей комиссии принималось рядом с сорокатысячным митингом! И наш отчет до сих пор нигде не опубликован, кроме Узбекистана. А это была огромная работа по защите чести людей. И не одного только Лигачева. Показания на Лигачева появились, когда Гдлян уже зашатался и не вел дело, но он приехал в следственный изолятор к Усманходжаеву и взял у него показания. В деле были показания, что во время поездки в Узбекистан крупную взятку получил секретарь ЦК Ельцин (это тоже ложь). Есть такие же «показания» и на Яковлева. И на еще многих очень авторитетных сейчас людей. Списки для выбивания показаний шли Гдляну из Москвы. Шла борьба за власть, и, видимо, сразу несколько следственных групп ковало тайное оружие по заказу хозяев. И Гдлян выполнял этот заказ. Мы признали неудовлетворительной работу Прокуратуры и следственного управления, Гохрана, добились снятия Сухарева, заявили о необходимости смены коллегии, реабилитировали много честных людей в Узбекистане. Мы занимались не только Гдляном и Ивановым, чего они так боялись...

— Зачем вам было браться за это дело? Это же не комиссия по Тбилиси, где решение любой «крутизны» прошло бы на «ура»! Но вы-то подо что поставили свою голову?

— Нельзя было следовать настроению. Надо бороться против кумиров. Гдляна и Иванова растили. Скомпрометированной Прокуратуре нужны были громкие дела. Эта группа хорошо подходила. Я просмотрел их работу в провинции — там очень много сомнительных дел. Я читал дела, которые Гдлян вел по антисоветской деятельности, на основании рукописей, которые смешны по сравнению с любым номером «Огонька». Я, наконец, читал докладные Гдляна в ЦК — они никак его не красят. ЦК командовал Верховным судом и Прокуратурой и ЦК растил этих будущих кумиров, а они потом вышли из-под власти и бросились на создателей.

Меня, как бывшего диссидента, больше всего тронули методы следствия. Мы должны быть цивилизованной страной. Берут секретаря обкома, у которого, по расчетам Гдляна, десять миллионов. Нашли при обыске двести тысяч. Где остальное? Ты сыщик, ты должен искать! А вместо этого сажают дочь, сажают сына. Они будут сидеть, пока не скажешь. У одного крупного узбекского руководителя посадили 21 родственника. И только тогда он сказал. И вот тогда уже приезжает телевидение, снимают драгоценности и героев. Но самое страшное: когда я выступал перед избирателями, даже в образованных аудиториях, мне из зала кричали: «Так и надо! Пусть сидят! А как подругому?»

— Ну хорошо. Вам хотелось развенчать кумиров. Но разве вы не видели, что неуклюжие попытки поставить на место новых героев делали их естественный авторитет и влияние сверхъестественными? Вы не видели, сколько раздутых величин возросло лишь на том, что их ругали партия и правительство? Ведь этим в обществе сбиты естественные представления о полезности общества лидеров: мы исходим не из того, что они сделали для нас, а из того, что они сделали против кого-то, и теперь эти новые люди вдруг до боли стали похожи на старых и даже договориться между собой не могут — вы же еще больше плодили кумиров!

— Так, а если бы вы заведовали этой комиссией и поехали в Узбекистан и выясняете... Основа среднеазиатской мафии — отнюдь не секретари обкомов,— они были только прикрытием. Ее ядро — совсем другие люди, часто не занимающие вообще никаких постов. К власти не рвутся, но определяют всю материальную жизнь. Они давали взятки первому секретарю обкома — он сам назначал, кому сколько: начальник областного торга — двести тысяч, директор крупного универмага — двести пятьдесят. Эти деньги давал не бедный старик, который собрал последнее, чтобы спасти сына,— это ворованное. Этих людей арестовали до Гдляна. Они отсидели по восемь-девять месяцев, по тридцать раз допрошены. И не отрицают своей вины. За первые же два года работы Гдляна десятки воротил торговли освобождаются. Только лишь написав заявление, что якобы добровольно признались в даче взятки. Это после девяти месяцев в тюрьме! И Гдлян, пользуясь своей бесконтрольной властью, настаивал на восстановлении их на работе. И многие из них были восстановлены и даже в партии восстановлены. А где новые секретари обкомов отказывались это сделать — против них возбуждалось дело. Ну как бы вы поступили?! Что бы вы сказали?! Молчали бы?

А что касается кумиров... Говорилось против них не вовремя и не понимая народа. Руководству казалось достаточно принять решение, как при Сталине и при Хрущеве исчез Жуков — и все только шептались... Они думали: демократия — это будут восхвалять за доброту,— а тут... выплеснулось.

— Ладно! Черт с ним, с Гдляном. Вот что скажите: когда пьяный идет по улице, врезаясь лбом в каждый телеграфный столб, это сначала смешно, а очень скоро — жалко. Я хочу спросить о КПСС. Почему с такой роковой предопределенностью партия падала всюду, где только можно поскользнуться, и самой блестяще выполненной ее пятилеткой стала пятилетка самоубийства? Ведь малому ребенку были ясны спасительные пути: отказ от власти, смена названия, отдача имущества, перерегистрация членов...

— Это вина примитивного руководства. Горбачев подбирал слабых людей. Я поговорил с каждым из них, когда оказался в ЦК, славные люди, но не знают свой предмет. Партию можно было реформировать. Яковлев вот написал, что нет, нельзя. Что же он тогда всю жизнь работал в этой партии? И понял, что ее нельзя реформировать, только после того, как его не избрали в ЦК и Политбюро? Горбачев верил, но ничего для этого не делал. Я видел: Горбачев сидит в Кремле и партией не занимается, все перепоручил вторым лицам. Аппарат мне не жалко, он был догматичен. Но миллионы людей, а через партию прошли практически все активные люди, догматичными быть не могут.

— Но вы принимаете участие в создании левой партии...

— Чувства людей остались без выражения организационной структурой. Надо заполнить вакуум, нужна оппозиция «демократам». Сорок — пятьдесят созданных партий, не могущих объединиться из-за амбиций их лидеров, не могут создать оппозиции, они не создают для Ельцина достаточной структуры власти. Инициаторами были сразу несколько человек из фракций коммунистов в российском и союзном парламентах. На заседании нашей фракции были голоса, что надо распуститься, надо выполнять указ Ельцина. Я сказал: у нас есть иммунитет, мы не обязаны выполнять незаконные указы, кто не хочет — может уходить. Фракция поручила выступить на съезде мне и Денисову. Денисов отдал мне свои пять минут. Во время выступления Назарбаев, правда, прервал меня, я хотел ему сказать... Но сдержался.

— А что хотели сказать?

— Я бы сказал: я выступаю от имени фракции членов партии, в руководстве которой я состою один год. А вам, всем сидящим здесь президентам, партия дала власть, и вы заняли свои посты по рекомендации ЦК партии, от которой сейчас отказываетесь!

— Рой Александрович, я не сомневаюсь в нужности оформления левых сил, но я одного понять не могу: зачем именно вам идти в руководство? Вы историк, вам надо книжки писать, вы уже хлебнули большой политики...

— Запретили КПСС грубо и оскорбительно. И если бы это еще сделал не Горбачев, который мне доверял и, не спрашивая моего согласия, вписал меня в члены ЦК, даже не разъяснив, зачем я ему там нужен, я узнал об этом в отпуске. Но ведь я не отказался! И раз запрещают партию, значит, запрещают меня! Я бы себя перестал уважать, если бы ничего не сделал. Многие известные люди попросили убрать их подписи из-под Обращения нашей партии, боясь за свое положение. Я не мог убрать своего имени.

— После разномастного цветения демократических партий столь же многокрасочно пошли в рост левые. Какая масть вашей партии?

— Партия парламентского типа, а не авангардного, с максимальной свободой. Название — социалистическая партия трудящихся. Социал-демократы на Западе — партия усовершенствования капитализма, и они многого добились: пособий по безработице, пенсий, бесплатного лечения... А наша задача исправлять ненасильственным путем чудовищные извращения социализма, придать ему человеческий облик.

— Насколько я понял, ваш идеал еще нигде, гм... не осуществился. А вот для услуг ваших очевидных оппонентов масса теплых мест на глобусе для демонстрации их идеала. Кажется, вам будет трудновато увлечь людей...

— Да. Мой идеал еще не осуществился. Но думать, что у нас будет, как в Швеции или Южной Корее,— чепуха! Мы перешли грань. Мы создали общество. Реальное. И мы не можем его разрушить потому, что нельзя жить без дома. То, что мой идеал нигде не осуществился, его преимущество — его можно осуществить! А оппонентам просто легче говорить.

— Ага. А вы долго спите?

— ...Я страдаю как раз с молодости бессонницей и пью снотворное. Поэтому сплю сколько надо.

(Жорес Медведев родился на пятнадцать минут позже брата. Инвалид войны. Окончил Тимирязевскую академию. Кандидат медицинских наук. Докторская диссертация, защищенная, была не утверждена. В 1970 году за распространение самиздатовских рукописей помещен в психиатрическую больницу. Спустя три недели после кампании протеста освобожден. В 1973 году выехал за рубеж в командировку и лишен гражданства. Занимался научной работой. В 1990-м восстановлен в гражданстве.)

— Сколько лет вы не виделись с братом?

— Семнадцать.

— А где встретились?

— В аэропорту.

— Он сильно волновался?

— Не знаю.

— А изменился?

— Он многое узнал. И очень удивляется нашей идеализации Запада. Мы не знаем западного образа жизни, где колоссальные средства уходят на жилье, электричество, отопление, воду. Иностранцы поражаются нашей дешевизне! Они считают меня очень богатым человеком, а я им говорю, что ничего не плачу за этот дом. Жгу электричество целыми днями, а это стоит копейки. Один квадратный метр под Лондоном стоит 800 фунтов стерлингов, а мои одиннадцать соток — почти ничего. А проезд на метро, автобусе, трамвае? А еще западный человек страшно не уверен в своем будущем. Он постоянно чувствует угрозу увольнения, безработицы.

— Бывали за границей?

— Два раза. В последние два года. В Италии и Венгрии.

— А вы не уверены в своем будущем?

— В своем будущем я уверен. Я нигде не работаю. Сам создаю свое будущее. А если бы работал? Раньше я мог всю жизнь быть директором школы. Кто бы меня уволил? Это исключено.

— Вы предполагали, во что выльется «перестройка»?

— Я хорошо знал, какие факты хлынут наружу в первую очередь.

— Коммунистическая пропаганда без устали оправдывалась тяжелым наследием царизма. Нынешняя официальная пропаганда без устали пинает застой. Выходит, что мы и раньше жили накануне гражданских и межнациональных войн, в обнищании, страхе голода, с пустыми полками, в стране, где утеряно общее нравственное пространство и нет предела желанию бросить друг друга, и только богатырские силы и выдающийся гений Леонида Ильича Брежнева затыкали этот вулкан. Неужели наследство 1985 года ничем не отличается от наследства 1991-го?

— Все было. Но в неизмеримо меньшей степени. За последние шесть лет положение ухудшилось по вине нынешнего руководства. Если я вскрываю полы в доме и вижу, что под прогнившими досками тлеет пожар, я не брошу пол и не перехожу дальше: разбирать стены, ломать крышу. Можно было уменьшать противоречия, а не болезненно обострять их, можно было не ухудшать жизни. Реформа не была продумана, она делалась людьми с психологией партийных секретарей области — они не слышали, что им говорили. Они не спросили у человека или группы людей, не советовались, а потом вообще начали метаться, желая сохранить прежде всего себя.

— Карамзин писал царю: «...Для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным...» И вы тоже считаете, что свободу можно подготовить?

— Можно. И в этом разочарование таких людей, как я. Все, что случилось,— это не результат сознательной деятельности. Они просто не знали, как быть. Когда в Литовской компартии возникло желание выйти из КПСС, Бразаускас и его заместительница Прунскене были самыми популярными в Литве лидерами и они же доминировали в Саюдисе. И я понимал, что надо было дать возможность их партии заявить о себе как о национальной силе. И тогда еще настроение литовцев было другим, они понимали ценность вхождения в Союз, добровольно выбрали народных депутатов. Даже Сталин понял в конце войны, что надо как можно скорей распустить Коминтерн. Но Горбачев страшно возмутился и пошел бороться. Литовские коммунисты раскололись, резко ослабло влияние левых сил, и теперь Литва — отдельное государство, признанное всем миром. Горбачев не слышал, что ему говорили в ответ на улицах...

— Если для вас, человека образованного, диссидента, многое оказалось удивительным в освободившемся обществе, то как можно требовать простейшей предусмотрительности от нашего руководства?

— У нас не было свободы и демократии, поэтому люди выдвигались не за счет таланта или знаний. Борьба за власть шла и при советской власти, но в скрытой форме, аморальной — эта борьба и выдвинула соответствующих людей. И они очень любят простые пути; борются с алкоголизмом, дают бой нетрудовым доходам, и веселые студенты ездят по областям и крушат теплицы и дачные дома с печным отоплением. И это делалось в начале 80-х, делала сама общественность, а мы теперь ругаем ГПУ за раскулачивание. ГПУ только конвоировало, кулачили свои же. А сколько амбиций, страстей, невежества в принимаемых сейчас решениях! Ельцин как заколдованный повторяет ошибки предшественников: объявляет о повышении цен, вводит чрезвычайное положение в Чечено-Ингушетии. Горбачев вдруг просит 30 миллиардов, не отчитавшись, на что потрачены прежние займы. Ельцин вдруг берет в российскую собственность Госбанк и Гохран, на следующий день из-за протеста республик отменяет. Вдруг прекращается финансирование союзных министерств, а я уверяю вас, что если сейчас и теплится хоть какая-то экономическая жизнь, то только благодаря союзным министерствам...

Но теперь лучше условия для появления новых людей. Это как на войне. В начале войны мы имели самый обескровленный командный состав, в конце — самый лучший генералитет. Генерал, проигравший битву, уходит.

— Вы сказали: проигравший генерал уходит. А как, по-вашему, себя сейчас чувствует Горбачев?

— Вы понимаете: он же не хотел... Он же всего этого не хотел. В этом его трагедия. Конечно, он понимает, что стоит на пепелище, но он невольно отбрасывает от себя все, что ему говорит об этом. Он тешит себя иллюзией, что все еще можно восстановить. И поэтому он с таким упорством говорит как о реальности о стране, о которой как о реальности говорит один только он.

— Кто у вас вызывает уважение из политиков?

— Никто.

— Согнуться как угодно — это еще не значит переродиться, вам не кажется, что мы преувеличиваем скорость своих перемен и в душах по-прежнему таится неосознанный социалистический потенциал и весь букет наших партий — по манерам и ухваткам — это все та же самая, одна коммунистическая партия, просто поделенная на много-много частей и глоток?

— Люди свыклись с социализмом не идеологически, а житейски. И девяносто процентов наших людей живут на зарплату. И они привыкли к низким ценам, к тому, что пять копеек — и езди по Москве полный день. А на Западе все, что тебе необходимо, стоит очень дорого. Советские люди к этому не привыкли...

— Ну ладно... У вас нет разногласий с братом?

— У нас не может быть разногласий. Он биолог, биохимик, занимается генетикой, геронтологией. А я считаю себя философом, я кончал философский факультет...

— Вы думаете о смерти?

— Каждый человек думает о смерти.

— Где похоронены ваши родители?

— Мама в Тбилиси. Отец на Колыме, в лагерном захоронении.

— Вы знаете где?

— Да, но там могут быть тысячи...

— Ездили туда?

— Нет.

— Что делать с Мавзолеем?

— Я хорошо знаю его историю. В его возникновении было много случайного. Но теперь он прочен в сознании людей. Это коммунистическая церковь. А в церквах принято сохранять мощи святых. Это элемент светской религии, которая противоречит принципам научного социализма. Но у нас в стране социализм вообще принял религиозный характер. И разрушение Мавзолея стало бы таким же кощунством, как и разрушение церквей. Надо уважать чувства верующих, пусть они и не симпатичны вам, но их миллионы. Мы же сейчас признаем разные религии, секты...

— По крайней мере в этом веке...

— Не знаю. А может быть, в течение нескольких веков... Давайте на этом закончим...

— Спасибо...

— Там нет дождя?

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Он спросил про дождь — дождя не было, а я, когда он сказал «признаем разные религии, секты», я сразу вспомнил про кришнаитов, про лето...

Летом в Прибалтике в книжном магазине я копался на полках, посматривая в отворенное окно, да только ничего не нашел. И просто глазел на улицу. На улице у костела скучилась толпа — там пели кришнаиты в оранжевых рясах и две девчонки со сверлящими взорами разносили книжки, а они пели. И тут я обернулся на книжные полки, а там стояли мемуары маршала Конева, «Любовники Екатерины», «Партийная этика», «Секс в жизни мужчины», «Толкователь снов», «Ленин в Смоленской области», «Социализм и прогресс человечества», воспоминания Троцкого, «Проблемы научного коммунизма» и висела карта независимой Литвы, а на улице распевали кришнаиты, у мужиков на лбах были намалеваны золотые загогулины, стояли и слушали два полицейских с дубинками, а третий, кому формы еще не досталось, был в ставшей вдруг такой родной здесь сиреневой милицейской рубашечке и в фуражке с козырьком. И тогда я подумал, что все, что сейчас,— это история. История — это когда ты идешь по дороге, а навстречу тебе идешь ты. И вы расходитесь.

Мы никогда не отдавали должное прошлому — давайте отдадим! Давайте вспомним это время, в котором мы жили, у которого мы ели с руки и целовали эти руки, в котором мы росли, осмелюсь сказать: любили и даже (ах, была не была!) были счастливы. Время, когда будущие герои еще мутузили антисоветчиков в КГБ, неведомые секретари обкомов матерились по высокочастотной связи, учили крестьян сеять и глядели медовыми глазами на Леонида Ильича, тихие профессора костьми ложились за социалистический выбор, а будущие рэкетиры сушили последние мозги на рингах дворцов пионеров, давайте посмотрим фотографии в альбомах — на них мы гладкие и веселые, мы, люди из социализма, это мы гребли листья на субботниках. И, кем мы ни стали бы завтра, останется акцент, зачем нам его стесняться?

И, каким бы ни было то время и как бы ни называлось, хоть административно-командной системой, оно драгоценно тем, что в нем были мы. А в будущем нас еще нет. И будем ли — Бог ведает. А там были мы, граждане сдавленных автобусов, мастера ругани с заприлавочной сволочью, знатоки ленинских работ, счастливцы от редкой покупки, и мы многим обязаны тому времени.

Давайте оглянемся на это время по-доброму сейчас, улыбнемся, простим, чтоб потом на новых путях не плодить мифы и не страдать от запоздалых прозрений и сомнений.

Давайте не устыдимся нашего прошлого, нам, обывателям, то есть народу, есть в чем каяться, а стыдиться нечего. Прошлое — наша мать. И, какая бы ни была мать, какая бы ни была, только выродок захочет упрятать ее в дурдом и забыть, только подонок постыдится проводить ее по улице или опустит лицо, не надо стыдиться! Нам всегда не хватает прошлого, не будем же сами его убивать.

ЭСКАРТ
тел. 285-77-09
ВАШ БИЗНЕС БЛОКНОТ
№ 12

Сергей ЧУПРИНИН

БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА

ЧТО ПРОИСХОДИТ С СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ

Мы не только ленивы и нелюбопытны, но еще и дальнозорки. Прошлое — в особенности дальнее — всегда видится нам изобильным и чудесным, прорисовывающимся в мельчайших, многооттеночных подробностях, зато настоящее предстает обыкновенно как тяжкий и смутный сон: все контуры расплывчаты, пропорции смещены, ценности проблематичны, если не вовсе сомнительны, а перспективы, в лучшем случае, туманны. Может быть, и в самом деле, как знал еще Сергей Есенин, «лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянье»? Наверное, так. Впрочем, судите сами

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

1

...Год 1834-й.

Только что изданы «Евгений Онегин» и «Пиковая дама», написаны «Маленькие трагедии» и «Медный всадник», появились в печати «Вечера на хуторе близ Диканьки», вот-вот просияет гений Лермонтова, а молодой Белинский уже сумрачно басит:

«У нас нет литературы... Деятельность и жизнь кончились; громы оружия затихли, и утомленные бойцы вложили мечи в ножны на лаврах, каждый приписывая себе победу и ни один не выиграв ее в полном смысле сего слова».

...Год 1868-й.

В полном расцвете сил Гончаров и Тютчев, уже завершен «Дым» Тургенева, гудят споры о недавно опубликованном «Преступлении и наказании», вовсю идет работа Достоевского над «Идиотом», а с журнального амвона доносится:

«Никогда еще литература не была так принижена, так покинута...»

...Год 1888-й.

Еще живы Фет, Лесков и Салтыков-Щедрин, творец «Войны и мира» уже напечатал повести «Холстомер» и «Смерть Ивана Ильича», Чехов опубликовал «Степь», в журналах толкуют о писателях-народниках и отечественных «нана-туралистах», но строгим судьям не угодишь, их приговор безапелляционен:

«В прошлом году, как и в позапрошлом, и в еще более далеком прошлом, литература собиралась и обещала исполнить громадную работу и не исполнила...»

...Год 1900-й.

Закончено «Воскресение» Толстого, с триумфальным успехом поставлены на сцене «Чайка» и «Дядя Ваня» Чехова, громозвучно заявили о себе Горький и Куприн, кипят первые русские декаденты, а русской критике и этого мало:

«Бессилие современной беллетристики — истина, почти всеми сознаваемая и ощущаемая с тоскливым беспокойством, с раздраженным неудовольствием на литературу, переставшую служить источником глубоких эстетических и умственных наслаждений».

...Год 1911-й.

В русской литературе одновременно работают Блок и Розанов, Бунин и Андрей Белый, Мережковский и Ремизов, литературных журналов, кружков и издательств не пересчитать, в новых дарованиях нехватки нет, так что ликуй, казалось бы, критик, но... вердикт уже вынесен, вот он:

«Литература русская кончилась...»

...И, наконец, чтоб уж подвести черту, год 1921-й.

«У русской литературы есть только одно будущее — ее прошлое»,— припечатывает Евгений Замятин, будто бы и в расчет не беря Ахматову и Маяковского, Мандельштама и Есенина, Пастернака и Ходасевича, как раз в ту самую пору вошедших в полную свою силу...

К чему я это говорю?

Да уж не к тому, конечно, чтобы поставить критикам-предшественникам в вину их профессиональную недальнозоркость, их, простите, неумение по достоинству оценить современную им словесность. Моя задача иная: отослав к прецедентам и восстановив своего рода исторический фон, навести на мысль, что, возможно, и наше нынешнее неудовольствие тем, что происходит в литературе (или, может быть, с литературой?), не столь уж экстраординарно.

Что делать? Такова национальная привычка — быть всегда недовольными современностью...

2

А то, что нынешней литературной ситуацией недовольны решительно все,— факт, кажется, несомненный.

Ропщут писатели, еще недавно называвшиеся «советскими», намаявшись в очередях к парадному издательскому подъезду, навоевавшись с цензурой, с директивным вкусом и дураками-редакторами. Они, как праздника, ждали расторопных и смышленых сытиных, но... Вновь народившиеся на Руси воротилы частного и кооперативного издательского бизнеса их новыми (равно как и старыми) рукописями абсолютно не интересуются, предпочитая без риска и без накладных (гонорарных) расходов срывать куш на репринтах, на перепечатке всего того, что гарантированно пойдет с рыночного лотка. Что же касается издательств казенных, то... нет бумаги, нет краски, нет полиграфических мощностей, то есть нет, грубо говоря, денег. Число позиций в перспективных планах не растет, как мечталось, а, наоборот, катастрофически сокращается от года к году — и прежде всего, естественно, за счет писателей-современников, оставляя шанс на выживание разве что немногим «первым именам» да «теневой» словесности: детективам, фантастике, бурно набирающей обороты эротической беллетристике.

Неприятно изумлены писатели, еще недавно называвшиеся «антисоветскими»,— попервоначалу вроде бы все (и издатели, и читатели) набросились на запретные плоды андеграундной и эмигрантской литературы, да быстро насытились: издавать пока еще издают, читать пока еще читают, но удовольствия прежнего нет, как нет и тени того благодарного отклика, на который смело, казалось бы, могли надеяться герои вчерашних дней — пламенные борцы с режимом и режимным соцреализмом.

Обескуражены критики — цензура отменена, соцреализм мертв, административно-командная система в литературе демонтирована, и — «по идее» — должны были бы Ниагарой хлынуть безусловные, всем и каждому интересные шедевры, но где они? И где вообще литературный процесс — идет ли он или пресекся вместе с уходом государственных регулировщиков? «После некоторого оживления, связан-

ного в основном с публикацией «отреченных книг», литература вошла в полосу хронического бесплодия. Ни новых ярких романов, ни новых имен на устах у всех»,— суховато констатировал Владимир Лакшин; «Нет книг, которые бы обсуждались читающей публикой. Нет журналов, вокруг которых кипели бы споры»,— авторитетно подтвердил Александр Архангельский, и с ними, предполагаю, без споров согласятся едва ли не все профессиональные ценители и оценщики современной литературы — вне зависимости, вот что интересно, от их политических взглядов и эстетических установок.

Самое же, может быть, грустное: с ними, по всей вероятности, согласятся и читатели. Они тоже ведь сегодня смущены, если не вовсе деморализованы. И высококвалифицированные — им прискучило уже радоваться тому, что книги, за чтение которых раньше и срок можно было схлопотать, лежат теперь на каждом прилавке, теснятся в анонсах практически любого литературного журнала. И читатели, скажем так, попроще — на обличительство и разоблачительство у них, похоже, уже аллергия; шедевры «отреченной» литературы при ближайшем рассмотрении оказались не столь уж заманчивыми и доходчивыми, иным они, что называется, не по зубам, а иным не по вкусу; хочется на сон грядущий прочитать что-нибудь «нормальное» — про любовь, например, или про жизнь, но где они нынче, «нормальные» книги? Рынок вроде бы полон, а желаемого и желанного не доищешься...

Словом, то, как оценивается происходящее сейчас в сфере производства и потребления литературной продукции, смело можно назвать драмой несбывшихся (даже, кажется, обманутых) ожиданий, и очень боюсь, что на предложение вернуться к состоянию до 1985 года многие ответят кто решительным, а кто смущенным, как бы даже извиняющимся, но согласием.

Мечталось-то ведь, скажут нам, на заре перестройки совсем-совсем о другом.

О чем же?

3

Попробуем еще раз, но только, пожалуйста, без эмоций, сопоставить самые дерзкие мечтания 1985—1987 годов с тем, что мы имеем сегодня.

Хотелось раз и навсегда покончить с «секретарской» монополией на издания и переиздания, на почести и привилегии? Покончено; литначальство (и прежнее, и нынешнее) свои книги, конечно, выпускает, но, будем справедливы, в каждонедельных перечнях «Книжного обозрения» фамилии С. Сартакова, Е. Исаева и даже И. Стаднюка или Ю. Бондарева встречаются теперь реже, чем фамилии В. Пикуля, А. Рыбакова, братьев Вайнеров или даже, допустим, братьев Стругацких; что же касается привилегий, ну, например, загранпоездок, то вчерашние литподпольщики колесят по миру не в пример успешнее, чем ненавистные им «гертруды» и лауреаты.

Предполагалось поставить надежный заслон на пути серости и межеумочности? Что ж, рынок его уже поставил, не проконсультировавшись с критиками; теперь, как я уже говорил, выход не то что серой, а даже и не плохой, но не заманчивой, не «коммерческой» книги весьма проблематичен; исключения, конечно, бывают, кое-кто из серых, зато шустрых и ушлых, конечно, проскальзывает сквозь игольное ушко маркетинга, но погоды такие исключения явно не делают.

Мечталось о том, что литературе будет позволено сказать слово сокрушительной правды обо всех давних и недавних преступлениях большевизма? Слово это литературой сказано — и повторено тысячекратно, на самые разные лады, ни одна заповедная зона не обойдена вниманием, ни одно казавшееся (и бывшее) неприкосновенным имя не оставлено в покое.

Верилось, что вслед за идеологической падет и моральная цензура? Она пала, и никому больше не возбраняется живописать науку страсти нежной в самых колоритных и сочных подробностях, прожекторным лучом шарить по самым тайным закоулкам человеческой психики; что же до «растабуирования» и легализации уличной речи, то теперь, как известно, и выматериться на печатных страницах можно, если есть, конечно, такое желание.

Грезилось, что тусклый литературный спектр заиграет свежими красками за счет приращения к нему авангардистских, постмодернистских и прочих экспериментаторских линий? Он заиграл; авангардисты и постмодернисты нынче в фаворе, и критика им благоволит, вон Вячеслав Курицын даже заявил в «Огоньке», что именно постмодернизм — «последнее на сегодняшний день и — во внутрикультурном плане — единственно актуальное эстетическое состояние».

Ожидалось, что с допуском эмигрантов на Родину разорванная русская литература наконец вновь станет единой? Она стала единой, и живущие в Мюнхене или, скажем, в Лос-Анджелесе русские писатели печатаются теперь в Москве по крайней мере не реже, чем живущие в Пензе или в Краснодаре.

Что еще? Горевали о том, что нет юной поросли, что в «молодых, начинающих» у нас ходят сорока-и пятидесятилетние? Проблема сия снята — перелистайте, например, последние годовые комплекты «Знамени», и вы в каждом номере встретите либо «красивых, двадцатидвухлетних» авторов, либо тех, кому едва за тридцать: Элла Крылова и Александр Терехов, Марина Палей и Юрий Балабанов, Маша Володина и Александр Верников, Елена Иваницкая и Эдуард Пустынин...

Или вот, скажем, с литературными журналами. Их, помнится, унизительно не хватало пишущей и читающей братии еще года три назад. А сейчас? «Конец века», «Странник», «Согласие», «Русское богатство», «Московский наблюдатель», «Лепта», «Московский вестник», «Литературные записки», «Золотой век», «Апрель», «Соло», «Московский журнал», «Теплый стан» — это только в столице, и все печатают прозу, поэзию, эссеистику, и каждый день слышно о появлении все новых и новых изданий, настолько часто слышно, что даже толком и не поймешь, где же все они наберут достаточное количество пусть не шедевров, но хотя бы относительно доброкачественных произведений...

Словом, сказать и написать можно сегодня решительно все. Напечататься вроде бы есть где. Читать вроде бы есть что. И есть, слава Богу, что анализировать, обозревать во вдумчивых и темпераментных литературно-критических статьях.

Ну?

Так чем же мы, господа хорошие, недовольны? Отчего куксимся — литература, мол, если и не гибнет в тисках коммерциализации, то, во всяком случае, перестает быть владычицей наших дум, уходит куда-то на дальний план в списке первоочередных потребностей человека посттоталитарной эпохи?

Ведь все, кажется, сбылось, что было вымечтано и выплакано, на что, казалось бы, мы и надеяться не смели?

Или, может быть, за что боролись, на то и напоролись?

4

Похоже, что так. И тут мотиву обманутых ожиданий самое время перейти в мотив утраченных иллюзий.

Дело в том, что за обретенную, вымечтанную и выплаканную свободу — слова, печати, журнало- и книгоиздания — пришлось, к нашей досаде, к нашему тягостному недоумению, платить, и все жалобы и пени периода перестройки — главным образом на плату, многим уже сейчас кажущуюся непомерной.

Простой и выразительный пример.

Превосходная идея — в два-три года опубликовать на журнальных страницах все те «отреченные» шедевры, что и дома, и за границей накапливались десятилетиями,— в ходе своего осуществления практически вытеснила из литературной периодики (и как следствие — из издательских планов) произведения современных «здешних» писателей. Это, надо думать, далеко не всем из нынешних титанов пера пришлось по нраву, хотя сорвался один только, кажется, П. Проскурин, рыкнув в «Правде» что-то невозможно гадкое — про «некрофилию», то есть про труположество перестроечных редакторов, издателей, критиков и читателей. Остальные либо почли за благо промолчать, либо (здесь я уже, понятное дело, говорю не о «заединщиках» П. Проскурина) с благородной готовностью пожертвовали своими личными интересами — ради духовного окормления сограждан и восстановления литературной справедливости, ради Платонова и Пастернака, Булгакова и Домбровского, Замятина и Гроссмана, Карамзина и Солженицына.

Но... если бы речь шла только о временном переделе журнальной площади! Увы, тут же дало о себе знать и другое испытание: на поистине звездном фоне републикаций 1986—1990 годов, естественно, потускнели не только плохие и посредственные, но и вообще почти любые (в том числе хорошие, с достоинствами) произведения писателей-современников. И то сказать: попробуй выдержать соседство с «Котлованом», с «Доктором Живаго», с «Жизнью и судьбою»!..

Или — с другой стороны, с другой читательской позиции — попробуй выстоять в жесткой конкурентной схватке с «Крестным отцом» и «Анжеликой», с Дюма и Чейзом, с Агатой Кристи и Клиффордом Саймаком, чей теневой (рыночный) рейтинг на русской почве и раньше был высок и чьи книги наконец-то — в эти же годы — перестали быть предметом острого дефицита: накопил — и Чандлера купил...

И еще. Именно писатели первыми ринулись в политику, занялись разгребанием грязи, срыванием всех и всяческих масок, поставили перед собою цель говорить правду, правду и ничего, кроме правды, о нашем бедственном положении в прошлом и настоящем.

Благородно? Еще бы нет, и бросилась публика на «Детей Арбата» — как на долгожданную альтернативу «Вечному зову» Ан. Иванова и вузовскому учебнику истории КПСС. И взахлеб, в очередь выстраиваясь друг за другом, читали «Плаху» Ч. Айтматова, «Пожар» В. Распутина, «Печальный детектив» В. Астафьева, «Смиренное кладбище» С. Каледина, «Сто дней до приказа» Ю. Полякова или, допустим, «Интердевочку» В. Кунина — будто реляции с фронта сражений за достоверное знание о том, что с нами нынче творится. И взлетели тиражи литературных журналов — благодаря «Собачьему сердцу» и «Крестному отцу», благодаря тому, что именно на журнальных страницах дезавуировали Сталина и Ленина, обсуждали проблемы экономики, говорили о «дедовщине» и проституции, раскрывали зловещие тайны кремлевского двора и т.д. и т.п.

Авторитет писателей и литературы шел в гору — до тех пор, пока дарами и возможностями гласности в полном их объеме не воспользовалась журналистика, пока не оказалось, что правду, правду и ничего, кроме правды, ничуть не менее успешно и, уж во всяком случае, оперативнее, доходчивее, чем писатели, могут говорить репортеры, комментаторы и обозреватели, авторы судебных очерков и аналитических статей.

Результат всех этих сопоставлений — с «отреченной» классикой, с рыночными бестселлерами, с легконогой журналистикой — самоочевиден: взаимное разочарование писателей и читателей друг в друге и, уж во всяком случае, резкое охлаждение интереса читающей массы к современной, или, как раньше выражались, к текущей, литературе.

Впрочем, не только к текущей, но и к тем книгам, которыми мы еще совсем недавно дружно гордились — словно собственным «патентом на благородство».

Оказалось (или, может быть, показалось), что, предположим, трилогия Федора Абрамова о роде Пряслиных содержит меньшую сумму информации о тяжелой доле русского крестьянства, чем, скажем, статистическая сводка или раскаленная публицистическая статья. Выяснилось, что о трагедии командарма Миронова и вообще казачества можно написать открытее и прямее, чем это сделал Юрий Трифонов в романе «Старик». Обнаружилось, что глухие упоминания о сталинском терроре, о государственном антисемитизме, репрессивной психиатрии, ином многом, с героическими усилиями пробивавшиеся лучшими «советскими» писателями сквозь цензуру, в общем-то недорого нынче ценятся в сравнении со свидетельствами, накопленными диссидентами и эмигрантами, на фоне сведений, добытых опять-таки журналистами и историками.

Есть встречный аргумент: достоинство произведений, которыми можно и должно гордиться современникам, не столько или, по крайней мере, не только в «сумме информации»; лучшие книги сегодняшнего и вчерашних дней тем и замечательны, что содержат в себе еще что-то, только им присущее, только ими уловленное, и это что-то — стоит лишь вглядеться — гарантирует: «... Взяв одну такую в руки, ты, время, обожжешься вдруг...».

Я согласен с этим аргументом. Но...

У подавляющего большинства сколько-нибудь квалифицированных читателей нет в нынешней ситуации ни времени, ни охоты, ни даже повода вглядываться.

Жаль, конечно; вопиющая несправедливость налицо, но тем не менее таков факт, с которым нельзя не считаться, ибо на рынке всегда прав потребитель, а не производитель и не эксперт.

Вот и приходится признавать: немало потрудившись над тем, чтобы и у нас была наконец достигнута свобода выбора, современная литература пала одной из первых жертв этой свободы.

Или, если угодно, рынка.

Ее не выбрали.

5

И ее пока что некому поддержать в этот трудный час.

Государство — в лице и властных структур, и казенного книгоиздания, казенной книготорговли — самоустранилось от какого бы то ни было патронирования культурных процессов.

Мы, очень даже хорошо знающие, какова она, господская опека и ласка, об этом, помнится, мечтали.

О том, что никто и никогда не будет больше указывать, как писать и что публиковать. О том, что власть перестанет определять, что такое хорошо и что такое плохо, перестанет назначать «лучших, талантливейших» и травить неугодных. О том, что и само выражение «политика партии и правительства в области литературы» отойдет в предание.

«Не стойте только над душой, над ухом не дышите...» — и мы, так думалось, еще себя покажем.

Кому?

Читателям, естественно.

Все так, но кто же доведет писательское слово до

читателя? Иными словами, пространство между письменным столом литератора и читательской книжной полкой должно быть заполнено: трудом издателей и книготорговцев, хлопотами специалистов по маркетингу и рекламе, контрольными усилиями критики, наконец. Технологическая цепочка «писатель — издатель — продавец — читатель» обязана бесперебойно функционировать в каждом из своих звеньев, иначе...

Иначе будет, как сейчас: государство уже не интересуется современной литературой, рынок ею еще не интересуется, да и будет ли вообще интересоваться, если не переменятся обстоятельства,— большой вопрос.

Первыми, как и следовало ожидать, на процесс разгосударствления литературы и книжного дела в стране чутко отреагировали, взяв себе льстящее самоназвание «патриотов», наши державные поэты, прозаики, драматурги и критики. То есть те, чье авторское благополучие всецело базировалось на властной поддержке: именно государство давало им «право писать плохо» (выражение Н. Ильиной) и числиться властителями дум; именно государство обеспечивало им высокие тиражи, высокие гонорары, привилегии и почести; именно государство устраняло их конкурентов, прицельно «отстреливая» или как минимум не подпуская к массовому успеху тех, кто поодареннее...

На рынок у них надежда плохая. Без руководящей и направляющей заботы, что называется, на самообеспечении они не проживут. Поэтому я и рискну предположить, что вся история «священной войны» этих литераторов за сильную государственность, за державные интересы есть на поверку не что иное, как хроника борьбы за право иметь полновластного Хозяина или на худой конец могучего покровителя.

Начинали они, если помните, с униженной просьбы: на перестройку мы, мол, так и быть, согласны, но вразумите, как жить и что писать, дайте нам, мастерам социалистической культуры, такой же мощный стимул к работе, каким явилось некогда постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Не вымолив, стали власть попугивать — гражданской войной, например,— захватывая одновременно бразды правления в республиканской и местных писательских организациях, в издательствах «Советский писатель», «Современник», «Столица», создавая «свои» издания — от «Московского литератора» и «Пульса Тушина» до газеты «День» и журнала «Московский вестник»,— покушаясь на перемены в руководстве изданий «не своих»: в журналах «Октябрь», «Урал», «Волга», к примеру.

И, наконец, разуверившись, видимо, окончательно в желании и способности верховной власти стать Хозяином, перешли в оппозицию к ней, приискали себе иных,-более надежных покровителей — в лице язовского Министерства обороны, крючковского КГБ, баклановского военно-промышленного комплекса, полозковского ЦК компартии РСФСР.

Теперь — когда после августовского путча покровители патриотической словесности нашли себе приют на улице Матросская Тишина — одни из литераторов-державников (те, что поглупее и поотчаяннее) по инерции твердят о своей оппозиционности победителям-демократам, тогда как другие (более умные, более цепкие) уже пали в ноги Ельцину: у нас нет, дескать, другого Президента, а у Президента нет других писателей, кроме нас. Иными словами (см. самые свежие и наиболее «продвинутые» публикации в газете «День»), мы готовы поставить на вас, Борис Николаевич, готовы служить вам верой и правдой — при условии, если и вы, в свою очередь, поставите на нас, сохраните за нами права и льготы государственных поэтов, придворных прозаиков, правительственных критиков и публицистов...

6

Следить за всеми этими пертурбациями, что и говорить, тягостно. И тем не менее...

Здесь, как и с откликом П. Проскурина — некрофилия! — на обвальную публикацию «отреченных» шедевров в литературных журналах, реакция уродлива, патологична, но не беспричинна. Повод для обеспокоенности действительно есть, и даже те писатели, кто к любой опеке относится по меньшей мере подозрительно, а свои личные силы и возможности оценивает чрезвычайно высоко, сегодня не сомневаются: культура не выживет в режиме хозрасчета и самоокупаемости; культура внерыночна по самой своей природе; культура остро нуждается в помощи.

Чьей и какой?

Лучше бы всего, конечно, спонсорской, безвозмездной — со стороны цивилизованных предпринимателей, которые деньги дадут, но вникать в их расходование откажутся.

Увы, за вычетом трех — пяти нетипичных исключений предприниматели пока что помогать современной литературе не торопятся. Прежде всего потому, что цивилизованных людей в этом кругу явная нехватка. А потом... даже и самым что ни на есть цивилизованным вкладывать свои деньги в культуру — да к тому же еще современную, да к тому же еще безвозмездно — пока просто невыгодно.

Вот и приходится писателям самим обучаться коммерции.

В какую журнальную редакцию, в какое издательство, в какое писательское объединение сегодня ни зайдешь, толки только об одном: кредиты, акции, цены на бумагу и полиграфические услуги, разница между гипотетическим доходом и столь же гипотетической прибылью. Всюду как зеницу ока хранят коммерческую тайну. За дельными коммерческими директорами гоняются так, как сроду не гонялись за самым многообещающим автором. Рукописи оцениваются уже не только (а кое-где и не столько) с литературной, но и с коммерческой точки зрения. И всюду уже занимаются или намерены заняться бизнесом, далеко не обязательно издательским, для того, чтобы выжить, для того, чтобы скопить средства либо на продолжение выпуска своих становящихся нерентабельными журналов, либо на издание — в чаемой перспективе — заведомо убыточных, хотя и хороших книг.

Не знаю, как вам, но мне, читатель, за державу обидно, когда я вижу, как пирожников понуждают тачать сапоги. Во-первых, не факт, что в коммерческой гонке уцелеют самые достойные, а не самые юркие и хваткие. Во-вторых, очень даже может случиться так, что коммерция ради борьбы с инфляцией культуру не спасет, но лишь усилит и без того пружинно разворачивающийся процесс коммерциализации. В-третьих...

Эх, да что говорить, когда и так ясно, что государство, отказавшееся от ведения цивилизованной культурной политики, рискует оставить общество вообще без культуры.

(Незачем, я думаю, здесь оговариваться, что речь идет именно о цивилизованной политике, а вовсе не о возвращении вспять — к тотальному диктату и тотальному контролю.)

Мне скажут: у государства нет сегодня денег на культуру. Что ж, очень жаль, отвечу я, но разве дело сводится к прямым дотациям, хотя и они в иных — наиболее пиковых — ситуациях, наверное, необходимы. Куда эффективнее помощь косвенная, например, освобождение от налогов или на худой конец льготное налогообложение тех журналов, издательств, организаций, которые заняты осуществлением программ, имеющих общенациональное культурное значение. И напротив. Пора бы уже — опять-таки косвенными, экономическими, а не административными мерами — ввести в берега бурную деятельность тех нынешних сытиных, которые зарабатывают миллионы на невозбранном тиражировании, допустим, порнопродукции и вообще теневой словесности или на столь же невозбранной перекатке бесчисленных «Анжелик».

Как? Ну, предположим, введя в практику продажу государственных лицензий на выпуск всего «неконвенционного», то есть тех книг, на которые по советским законам не распространяется действие авторского права. Или (и) повысив налог на издание чисто коммерческой продукции. Я согласен, нельзя запрещать переиздания Чейза, нельзя требовать, чтобы свободный книгоиздатель вместо Чейза выпускал произведения Маканина, Чухонцева или Аннинского; но можно (и нужно) сделать так, чтобы издавать Маканина, Чухонцева или Аннинского было, по крайней мере, не менее выгодно, чем Чейза.

То же самое и с потенциальными меценатами. Их нельзя, конечно, принудить к спонсорской активности, но можно (оглянемся на мировой опыт) благодаря четкой и точной государственной политике сделать так, чтобы благотворительность по отношению к культуре стала для них и престижна, и выгодна. Тогда и только тогда от Третьяковых, Рябушинских, Поляковых и Морозовых отбоя не будет.

За шесть с лишним лет перестройки русские писатели завоевали, слава Богу, свободу, то есть право гордо говорить и государственному чиновнику, и добродею-предпринимателю:

Не продается вдохновенье!..

Но свобода, как тотчас же выяснилось, нуждается в гарантиях. Так что остановка теперь за малым — нужно еще добиться, чтобы каждый талантливый художник смог наконец произнести классическую пушкинскую формулу в ее неусеченном объеме:

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать...

Это станет возможным лишь при условии, что государственное насилие над культурой, миновав теперешнюю стадию государственного безразличия к культуре, переродится в государственный протекционизм по отношению ко всему, что в нашей культуре живо и ценно.

И еще. При условии, что и писатели сделают встречный шаг — распростятся наконец с душегрейными иллюзиями и мифами, порожденными тоталитаризмом, хотя, что скрывать, и приобретшими за долгое время весьма почтенный и благородный вид.

ЕМЕЛИНО СЧАСТЬЕ

ИРИНА ЕМЕЛИНА:

Я ПРИЕХАЛА В МОСКВУ
В ШКОЛЬНОЙ ФОРМЕ,
С ДЕРЕВЯННЫМ
ЧЕМОДАНОМ В РУКАХ...
МНЕ ОТЕЦ СКАЗАЛ,
ЧТО СУРИКОВ
ПРИЕХАЛ В МОСКВУ ТОЧНО ТАК ЖЕ.
И ВСЕГО-ВСЕГО ДОБИЛСЯ.
ОТЕЦ ВНУШАЛ МНЕ,
ЧТО Я ТОЖЕ ВСЕГО ДОЛЖНА
ДОБИТЬСЯ САМА.
ОН В МЕНЯ ВЕРИЛ...
НО Я НЕ СУРИКОВ.
И ЖИЗНЬ МЕНЯ УНИЗИЛА.
СЛОМАЛА МОЙ
ДЕРЕВЯННЫЙ ЧЕМОДАН.
Я РОДИЛАСЬ В ДЕРЕВНЕ.
НИКОГДА НИКУДА НЕ ЕЗДИЛА.
В ГОРОДЕ МЕНЯ ПОТРЯСЛО
ОГРОМНОЕ КОЛИЧЕСТВО ЛЮДЕЙ
И ИХ РАВНОДУШИЕ.
БЕГУТ КУДА-ТО. МИМО ТЕБЯ.
НИКОМУ ТЫ НЕ НУЖНА.
ЭТО БЫЛА ВЕЛИКАЯ ШКОЛА.
Я НЕ ВЫДЕРЖАЛА ЕЕ.

В первый день по приезде в Москву она пришла помолиться... на Красную площадь. Маленькая девочка в школьной форме, с деревянным чемоданом в руках. У гостиницы «Россия» ее остановили два милиционера, сказали: «Пройдемтесь». (Именно так, на старинный лад.) А потом — по-современному: «Ты у гостиницы клиентов ждешь? Проститутка!» Забрали в отделение... Собрались все вместе и надругались. Где был ее ангел-хранитель?

Таким она узнала город.

* * *

Попыталась поступить в Суриковское училище. Конкурс был восемь человек на место. Блата никакого. Провалилась. Позже поступила в архитектурный институт. Выучилась на архитектора.

— Я, наверное, архитектор бездарный. Совершенно не хочу строить город. Не люблю ни архитектуру, ни города... Институт мне ничего не дал. Люблю деревню. Она до сих пор питает меня...

Может, и не стала бы художницей Ирина Емелина, если бы не встретилась с Ольгой Сергеевной Тарасовой-Берлин. Встретилась случайно, после изрядной «порции» новых неурядиц, обманов, измен, предательств.

«Состояние Иры было очень плохое, и я решила просто ей помочь. А когда увидела ее работы — обомлела: да ведь она же очень-очень талантливая художница!» Ольга Сергеевна сделала тогда для Иры буквально все — вылечила, помогла заново поверить в себя и в людей. Буквально заставила снова взяться за краски. Помогла попасть в передачу «Добрый вечер, Москва!», организовала пусть маленькую, но все же настоящую выставку ее работ.

Сегодня нет страны в мире, где не было бы их. В одной Франции около сорока! Разбрелись по свету емелинские старики, старушки, кошки, собаки, женихи и невесты.

На всех картинах — обитатели ее родной Хвощевки. У всех своя судьба и история. Это ее знакомые — Марфа, Иван, Марья. Картины Иры Емелиной словно длинная-длинная сказка об уходящем мире. В передаче «Добрый вечер, Москва!» ее спросили: «Ира, а кем бы вы вообще хотели быть?» Она не задумываясь ответила:

— Я хотела бы быть просто женщиной. Просто мамой. Похожей на мою маму. Чтобы у меня было много детей и большой дом. С зеленой-зеленой лужайкой, по которой бегали бы мои веселые дети. У меня в картинах часто поют деревенские бабушки. Я слышу их песни. И тяжелые вздохи: «О-ох!» Может быть, те, кто смотрит мои картины, тоже слышат.

Т. НАСТИНА

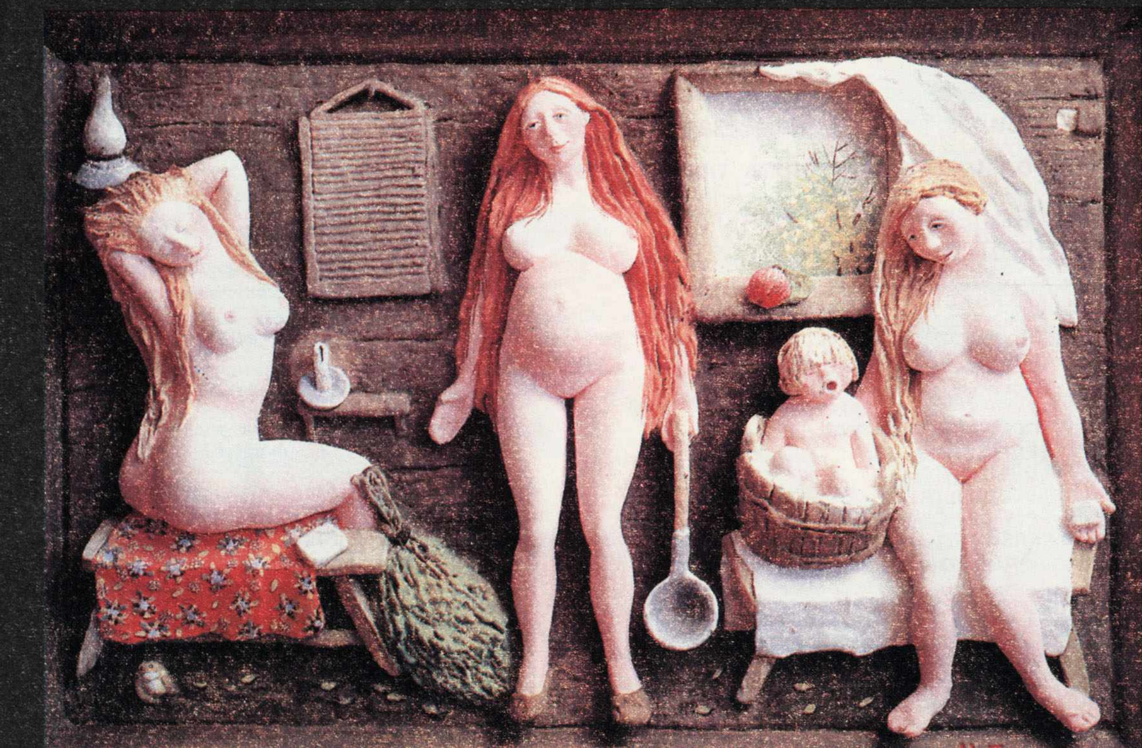

МАСТЕРСКАЯ

ДЕНЬГИ – СРЕДСТВО
19
91
ЦЕЛЬ – СОЗИДАНИЕ
В канун
Рождественской ночи
думается о лучшем,
что ждет тебя впереди.
Говорят, в эту ночь исполняются
самые невероятные желания.
Всероссийский Биржевой Банк благодарит
всех своих акционеров за сотрудничество.
Пусть год наступающий станет для нас
ярким отрезком времени на пути
к нашей общей цели – созиданию!
Искренне верим в это и желаем всем
СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА!
Правление Всероссийского Биржевого Банка

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ
БАНК

ПО ПОРУЧЕНИЮ ВКЛАДЧИКОВ УЧРЕЖДЕНИЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО БАНКА РСФСР ПРОИЗВОДЯТ БЕЗНАЛИЧНЫЕ РАСЧЕТЫ С ЛЮБЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ И ОРГАНИЗАЦИЯМИ ПУТЕМ ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ СУММ СО СЧЕТОВ ПО ВКЛАДАМ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Одной из наиболее удобных форм осуществления безналичных расчетов является **РАСЧЕТНЫЙ ЧЕК** Сберегательного банка РСФСР.

РАСЧЕТНЫЙ ЧЕК позволяет производить оперативные расчеты за товар без использования наличных денег, а также страхует от непредвиденных ситуаций при хранении, перевозке и пересчете денежных купюр.

РАСЧЕТНЫЙ ЧЕК может быть выписан на сумму до **10 000** рублей, действует в течение **4-х месяцев**, по первому требованию обменивается в любом учреждении Сберегательного банка РСФСР, а по истечении срока действия переоформляется.

В отличие от расчетного чека, которым можно воспользоваться только при оплате разовой покупки, **ЧЕКОВАЯ КНИЖКА** Сберегательного банка РСФСР - универсальна.

ЧЕКОВАЯ КНИЖКА позволит:

- осуществлять многократное приобретение промышленных товаров;
- оплачивать разнообразные услуги предприятий бытового обслуживания;
- приобретать билеты на авиационный, железнодорожный и водный транспорт;
- получать в любом учреждении Сберегательного банка РСФСР наличные деньги в сумме до 500 рублей ежедневно.

ЧЕКОВАЯ КНИЖКА выдается сроком на **2 года** вкладчикам, хранившим средства во вкладах до востребования не менее полугода.

На суммы чековой книжки, до списания средств со вклада по использованному расчетному чеку, начисляется доход в размере **2%** годовых.

При утере расчетного чека или чековой книжки учреждения Сберегательного банка РСФСР по истечении определенного срока выплачивают наличные деньги.

ПРИОБРЕТЕНИЕ ТОВАРОВ ПО РАСЧЕТНОМУ ЧЕКУ И ЧЕКОВОЙ КНИЖКЕ ПРОИЗВОДИТСЯ ПРИ ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ПАСПОРТА

Купив акции Дальневосточной торговой корпорации, вы превзойдете Колумба,

ибо откроете не только Америку!

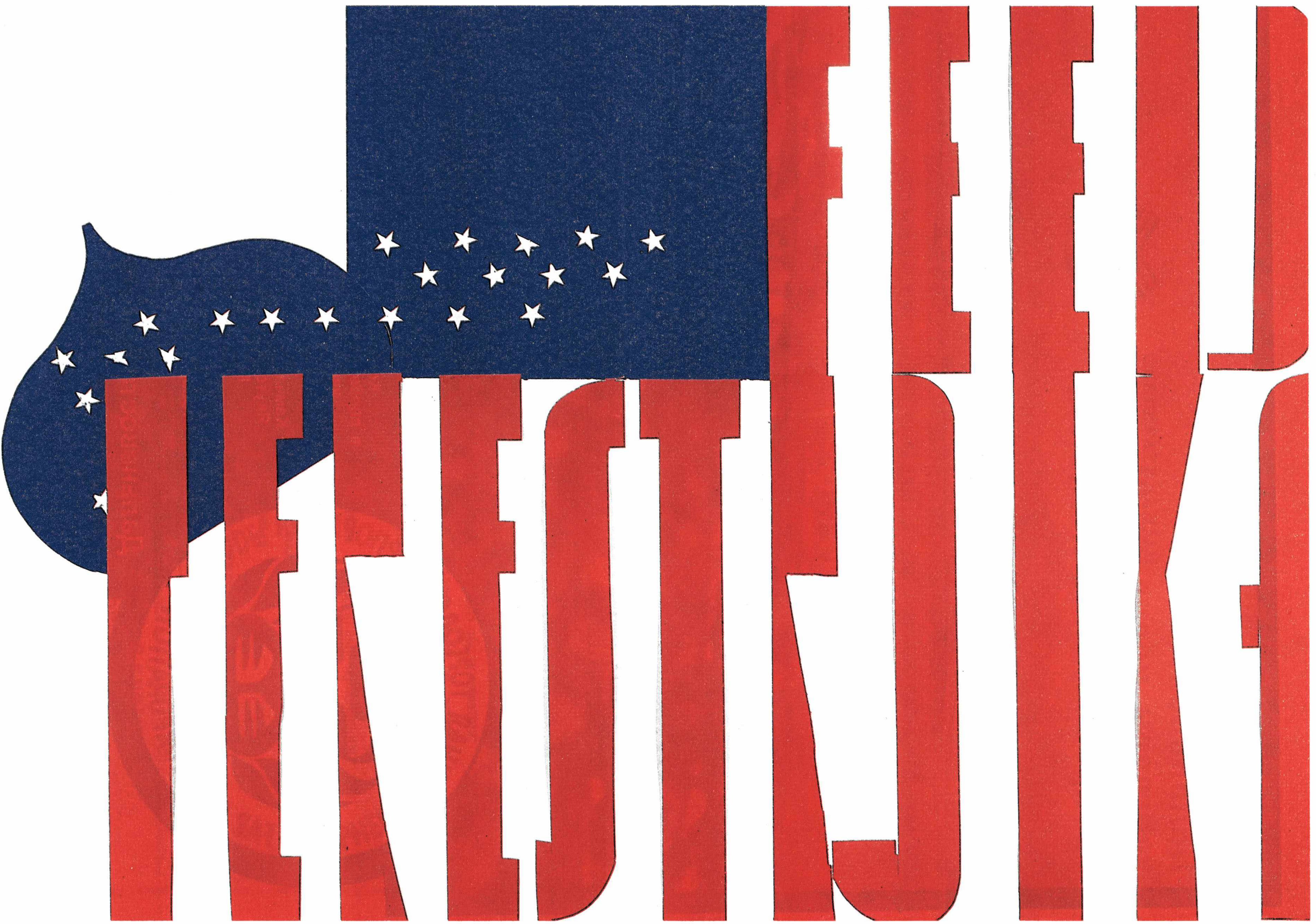
Корпорацию, зарегистрированную в свободной экономической зоне «Сахалин», учредили шесть крупнейших бирж Тихоокеанского региона:

Камчатская рыбная акционерная «КРАБ»
Якутская товарно-сырьевая и фондовая
Магаданская товарно-сырьевая
Сахалинская товарная
Две хабаровские:
товарная и товарно-фондовая «Бизон»

Дальневосточная торговая корпорация — это более тысячи брокерских контор в стране и за рубежом.

Адрес правления корпорации: 680008 Хабаровск, ул. Ленина, 4
Телефон: 33-26-97. Факс: 33-65-60.

Плакат А. ВОЗНЕСЕНСКОГО

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ВИДЕОМ ДЕКАБРЯ

Сегодняшний видеом посвящен пище не духовной, а земной.

Ровно год назад, будучи в декабрьской Филадельфии, я нарисовал этот плакат, призывающий помочь нашей стране, и написал письмо к американцам. Не скрою, нелегко было написать все это, неловко было просить милостыню для своей страны. Но передо мной стояли измученные глаза женщин в очередях. И что стоили мои интеллигентские моральные терзания перед тем, что хотя бы один ребенок или одна старушка заснули хоть раз сытыми?

В письме я рассказал, что Система уничтожила лучших крестьянских хозяев, что развал — цена за демократизацию, что номенклатура хочет голодного недовольства, чтобы вызвать взрыв и гражданскую войну, что предстоит тяжелая зима... Я надеялся, что, подкрепившись, хозяйство наше встанет на ноги, начнет кормить себя, да просто надеялся, что людям полегчает.

Плакат я нарисовал с натуры. Филадельфийская православная церковка св. Андрея имела синий купол со звездами на нем, как и луковицы нашей Троице-Сергиевой лавры. Церковку ту в конце века возвели строители корабля «Варяг», который сооружался на местной верфи. Неужели — зародилась мысль — знаменитая филадельфийка Бетси Росс, сшившая первый американский флаг, была мистически, экстрасенсорно связана со звездно-синими русскими куполами? Правда, на небогатой церковной луковке Нового Света звезды имелись лишь на внешнем лицевом боку. На тыльные звезды внутренней стороны золота пожертвователей не хватило.

Журнал «Тайм» напечатал письмо и плакат в своем рождественском номере на первой полосе с взволнованным комментарием главного редактора. Влиятельный «Тайм» читают многие — призыв возымел резонанс. Я говорил с представителями благотворительных организаций. Помощь пошла.

Вернувшись в Москву, я попробовал найти концы помощи. Один чиновник в австрийской роговой оправе сыто зевнул: «А помощь нам не нужна. Разгружать некому»...

Я и не догадывался, что это была предавгустовская зевота.

И вот прошел год. Куда попадает помощь? Почему во время войны люди хоть мизерно, но видели американскую тушенку, смалец и яичный порошок? Я с детства помню их вкус на языке. Куда-то ныне все уходит в бездну. Неумехи все не создают своего, и чужое течет сквозь пальцы. А дети и старушки ложатся на голодный желудок. Нельзя же жить с протянутой рукой, когда же эта рука создаст что-нибудь? Мы дождались помощи от Индии, неужто дождемся от Бангладеш?

Недавно в Овальном кабинете Святой Патриарх беседовал с Бушем о гуманитарной помощи нашей стране.

Благодеяние просветляет и самого дающего. Но, не дай Бог, если опять продукты уйдут сквозь пальцы, сгниют, разворуются! И неужели через год снова придется просить?

Нужна система контроля и распределения. Честные и энергичные у нас есть. В Москве, например, занимается распределением Служба трудных подростков. У них дело спорится. Депутат Илья Заславский светлел, говоря мне о них. Пусть под Новый год дети уснут, отведав чужих даренных продуктов, если страна все не может накормить их своими.

Запад не так прагматичен, как мы подозрительно считаем. Я убедился в этом на недавнем чтении, посвященном выходу моей новой книги в Лондоне. Вопросы были обеспокоенные, будто в нашей аудитории. Ведь не только хлебные зерна проникают с Запада к нам, но и зерна нашей культуры западают в их синеву. Юная поэтесса говорила с болью о развале нашей страны — ведь гибнет не только политическая система — слава Богу! — но гибнет духовное отечество, которое так необходимо миру. Кстати, аудитория поняла видеомы.

Уходящий год стал для меня годом и видеом — «Огонек» оказался единственным советским журналом, чья цветная вкладка печатается на полиграфически пока еще сносном уровне.

На видеомы идут письма. За комплиментарные благодарю. Отвечу на альтернативные.

Г-н А. Ч. из п. Пушкинские Горы осерчал: «Но ведь это не так!.. Волошин стрелял, но пистолет его несколько раз дал осечку и Гумилев (!), именно Гумилев (с его благородством дворянина) выстрелил в воздух, посчитав в такой ситуации стрелять в противника поступком неблагородным. Волошин... повел себя гнусно». И т. д.

Увы, очевидцы свидетельствуют об ином. Граф А. Толстой, секундант Гумилева: «Гумилев предъявил требование стреляться в пяти шагах до смерти одного из противников. Он не шутил... Я заметил, что он с ледяной ненавистью глядит на В., стоявшего, расставив ноги, без шапки...— три! — крикнул я. У Гумилева блеснул красный свет, и раздался выстрел. Прошло несколько секунд. Второго выстрела не последовало. Тогда Гумилев крикнул с бешенством: я требую, чтобы этот господин стрелял...»

А вот свидетельство самого Волошина: «Гумилев промахнулся, у меня пистолет дал осечку. Он предложил мне стрелять еще раз. Я выстрелил, боясь, по неумению своему стрелять, попасть в него...». В чем же «гнусно»? В том, что он вступился за честь женщины? Или в том, что не стрелял в Гумилева? Что не попал?

Я не стал бы обращать внимание на развязное хамство письма по отношению к мэтру серебряного века, но ныне пошла мода помоечно судить-рядить о подвижниках отечественной культуры. Почитаешь — не Российский Олимп, а шайка гнусных уголовников и извращенцев какая-то! И окаянствуют в их адрес отнюдь не Бунины. Трепета в сердце нам не хватает... Не нам с вами, г-н А. Ч., судить российских поэтов. Ведь не случайно именно М. Волошину Божий Ангел шепнул звездные строки, посвященные гибели Блока и Гумилева.

Отвечу еще на одно письмо. Н. Д. из Нижнего Тагила, чтя визуальную поэзию, сочувственно спрашивает, продолжаю ли я писать традиционные стихи. Увы, продолжаю. Вот пара страничек из моей сегодняшней тетради.

Е. А.

Хватают воздух шестерни Кремля.
Сознаньем двинусь.
История достигла в нас нуля.
Теперь она летит со знаком
«минус».

Поэт не понял. Мы никак не щит
между Европою и Азией.
Мы — шов нутра, который
не расшить.
Мы — связи

восточной вещей крови
с рок-детьми.
Политику мы спишем в «разное».
Щека из света. И щека из тьмы.
Евразия.

Евразийка не спит,
светая мочкой.
Проколотая бусинка на свет.
Твою метафизическую точку
не разумеет Архимед.

Зовем любовь на языке татар.
В нас Дездемона плачет
по-российски.
Ужель пойдет на мясо наш кентавр
Евразийский?

ПРОГУЛКА

Изгони из себя себя!
Тень, сутулясь вроде серпа,—
из меня на асфальт, как тать,
душа выбежала погулять.

Тротуар
кишит, как ЮАР.
В нем сливаются души теней
необщающихся людей.
Кто в испуге сломал каблук,
на смиренный ступив клобук?

Мы — телесные тени теней,
и Монтень, и Ты, и тиней —
джер...
Твоя белокурая тень
гасит окурки в тарелках антенн.
Темь.

— Как живете?
— Нормально.
Но живем — аномально.

■

Моя внучка-первоклассница зашла ко мне с продленки и прямо с порога попросила: «Дедушка, дай булочки!» И не конфету, и не пряник спрашивает девочка, потому что знает, что ничего сладкого в магазинах нет, а просит простого хлеба. Каково дедушке, если не оказалось у меня для внучки ни булочки, ни ржаного хлеба. В течение трех дней я не мог купить ничего хлебного. Заглянешь утром в магазин, а хлеб еще не привезли. Придешь после обеда — уже продали. Хлебобулочные изделия раскупаются за полчаса. А я — инвалид второй группы. Так, в скользкую зимнюю пору не находишься по магазинам! К счастью, у меня было два яйца, ими и накормил девочку. Ушла она домой, а у меня на душе горько, на глаза навернулись слезы. До чего же мы дожили! Нечем угостить родную внучку.

С кого спросить за такую жизнь? Кому предъявить иск? Наш многострадальный народ знает, кому. Нами всю жизнь руководила, вела к коммунизму наша «мудрая» партия. А мы, оболваненные, одурманенные, в упоении кричали «Ура!», «Партия — наш рулевой!». Зарулили, идолы! А кто за них выруливать будет из этой страшной трясины? Согласно статистике, сейчас в нашей стране ежедневно совершается более ста самоубийств. И большинство из них — не от сладкой жизни. Народ не прощает виновников своих бед. И не простит.

В. СИЗОВ.
Вологда

■

Я прочитала в «Огоньке» № 45 за 1991 год о том, что один отец-одиночка плачет, не может одеть-обуть своих детей. Это ведь мужчина плачет. А каково мне, женщине? Я тоже мать-одиночка, но у меня шесть детей — 3 девочки и 3 мальчика. Старшей — 15 лет, младшему — 4 года. Так вот мне как жить? Я не работаю сейчас, так как маленькие все время болеют. Получаю только пособие и алименты, всего получается 552 рубля на семь человек. Со мной живет еще брат — инвалид II группы. Он получает пенсию — 190 рублей, но его деньги тоже капля в море. А в каких условиях мы живем! В бараке, в двух комнатушках. И за дрова платить надо, и за коммунальные услуги тоже надо. А я живу... Только не знаю, надолго ли меня еще хватит?

Вот слышу: благотворительность, милосердие и т. д. Где оно? Из-за границы в помощь бедным высылают продовольствие, вещи. Только попадают они не по адресу. А нам, живущим за чертой бедности, их никогда не увидеть. Где же проходят каналы этой благотворительности? Подсказал бы кто, а то она сама никогда ко мне дороги не найдет. Правительство обещало помочь беднейшим. Только когда? Когда их всех похоронят? Нет больше сил терпеть, разуверилась я в «добре».

З. ХАСАНОВА
Пермская область, ст. Селянка

Юрий ФЕКЛИСТОВ
Фото автора

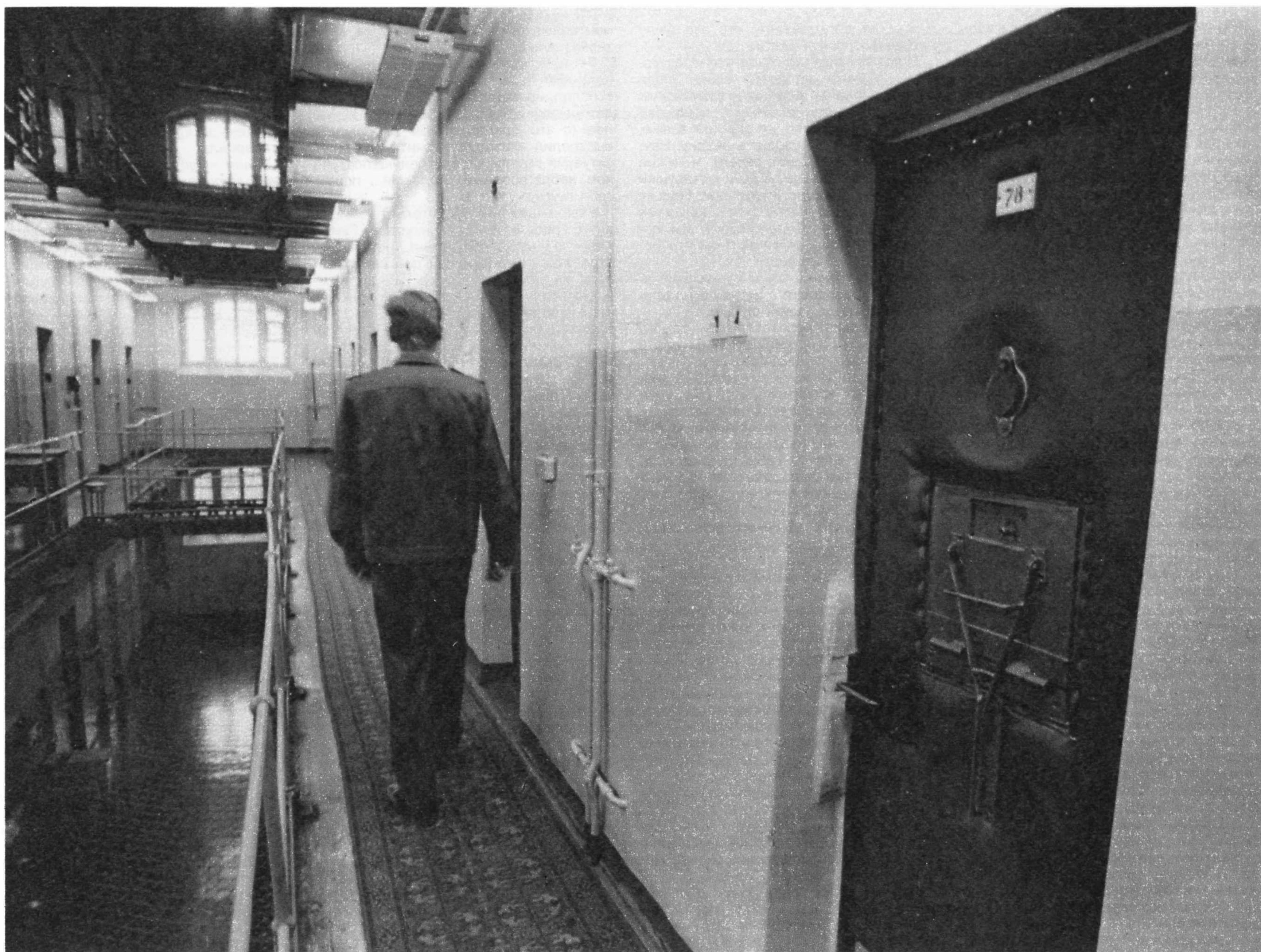
ЛЕФОРТОВСКИЕ ТАЙНЫ

Лефортовская тюрьма. При произнесении этих слов на ум приходит только страшное. Вспоминаются кровавые 30-е годы. Бухарин, Крестинский, Рыков, Ежов и неизвестно еще кто. Потом отрывочно: Валленберг, Русланова, Василий Сталин, Солженицын, Буковский, Руст, Чурбанов, банда Якшиянца, Шмонов, Новодворская, Данилов. И все. Мы больше почти ничего не знаем. Это одна из самых, если не самая загадочная тюрьма в мире. Официальное название — следственный изолятор КГБ СССР. Сейчас его, наверное, в очередной раз переименуют. Но в народе она навсегда останется Лефортовской тюрьмой.

По тюрьмоведению очень мало книг. В пятитомном издании Гернета «История царской тюрьмы» нет ни строчки о Лефортовской, зато досконально описаны Бутырка, Петропавловская крепость, Шлиссельбургская и другие уголовные и политические тюрьмы. Почему же нет о Лефортове? И вдруг — зацепка. В журнале «Каторга и ссылка» за 1926 год в мемуарах Ульянинского «Из воспоминаний вечника» натолкнулся на фразу о том, что после разгрома восстания ростовского полка в 1905 году участников восстания привезли в Москву в Лефортовскую **военную** тюрьму. Так вот, оказывается, в чем загадка.

Поиск привел в Ленинскую библиотеку. В генеральном систематическом каталоге лишь всего четыре книги в разделе «Военные тюрьмы». И в двух из них — «Военно-тюремные заведения в России и за границей» (1904 г.) и в красочном издании «Столетие военного министерства» (1911), где есть даже фотографии Московской военной тюрьмы,— удалось выяснить следующее:

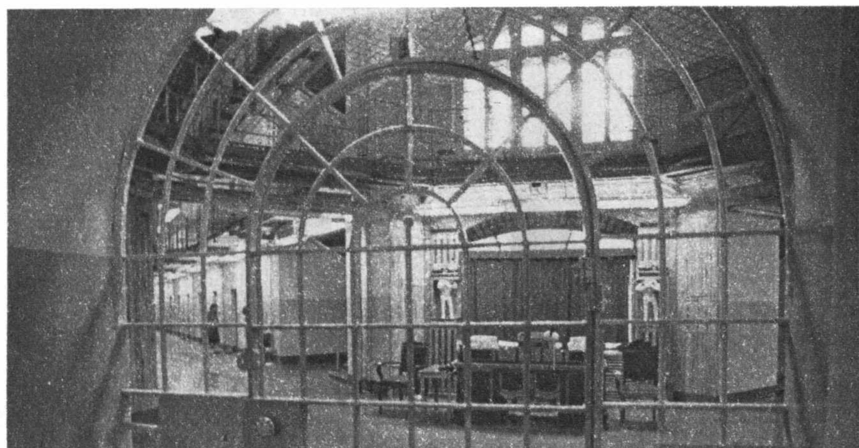
«5 июня 1881 года открыта была еще (первая — Варшавская в 1875 г.— **Прим. авт.**) военная тюрьма в Москве в царствование Александра III. По штату 200 мест для заключенных». В Положении о военных тюрьмах от 16 мая 1867 г. сказано, что «военные тюрьмы назначаются для содержания нижних воинских чинов, приговоренных по суду к одиночному заключению». Время нахождения в тюрьме не засчитывалось в службу. Максимальный срок одиночного заключения — шесть месяцев, минимальный — один месяц. В военно-уголовном уставе была статья: «Лица, состоящие под следствием или судом, доколе они не будут обвинены, не суть еще преступники, и посему они могут быть лишены свободы единственно для необходимой предосторожности. Во всяком случае, обращение с ними должно быть согласно со справедливостью и человеколюбием» (4 мая 1856 г.). У офицеров и чинов военного ведомства в тюрьме «отбирали оружие, обязывали носить установленную одежду, белье и обувь, пищу им приготовляли в самой тюрьме, дозволяли умеренное употребление вина, курение табаку, прогулку в тюремной ограде и всякие занятия, не нарушающие тишины и благочиния». Военные тюрьмы состояли: 1) из отдельных камер для одиночного заключения осужденных, 2) из отдельных уединенных карцеров для провинившихся в самой тюрьме. Кроме того, при тюрьме должны быть: церковь, приемная для прибывающих осужденных, кухня с пекарнею, баня, цейхгауз, лазарет, помещение для служащих. Камеры устраиваются с откидной форточкой в дверях для подачи пищи заключенным и с окошечком для наблюдения за их действиями. В каждой камере находятся: кровать, столик, табурет, кувшин с водою, миска для пищи и кружка для питья, клозет. Отхожие места должны быть устроены по особым правилам».

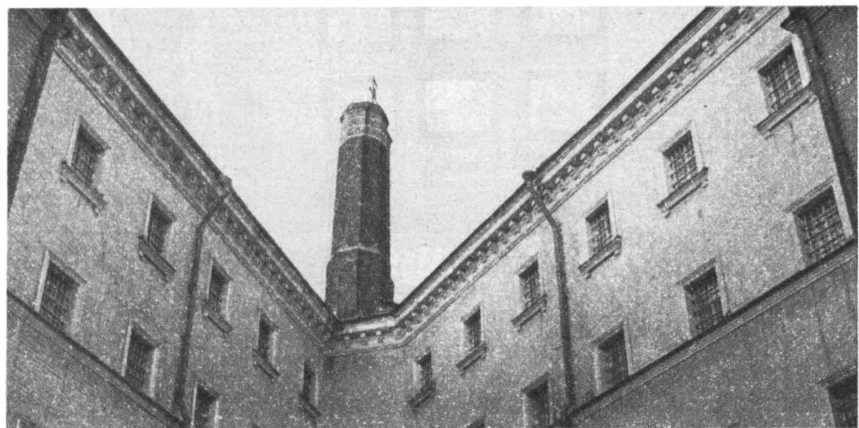

Больше об истории Лефортовской тюрьмы выяснить ничего не удалось. О советском периоде ничего нет. Известно лишь, что после революции она

переходила из одного ведомства в другое: Минюст, ОГПУ, НКВД, а с 1954 года — в системе госбезопасности.

Что же изменилось здесь с царских времен? Через полтора месяца после обращения в центр общественных связей КГБ СССР мне было позволено посетить Лефортово с одним условием: без контакта с подследственными и без упоминания имен и фамилий. Для визита была выбрана суббота — день, когда меньше передвижений подследственных, так как следственное управление не работает. В комнате, где принимают передачи,— никого. На стене телефон — «вызов дежурного». С двух сторон под потолком за деревянными рейками видны четыре черных глазка телекамер. На щите правила, что можно и что нельзя передавать заключенным. Не принимаются, например, нательное

белье, вещи ручной вязки, мыло, стельки, вещи с металлическими предметами (крючками, молниями и т. п.), писчая бумага, тетради, авторучки, конверты, сигареты, вафли, домашняя выпечка. Некоторые из этих предметов можно приобрести в ларьке. В целях следствия ограничивают информацию извне, а само сочетание предметов может служить ее источником. Общий вес передачи не должен превышать десяти килограммов. Должна быть составлена опись передачи.

Пришел капитан госбезопасности. Взял мое удостоверение, изучил его, мы прошли еще через одну дверь с кодовым замком, поднялись на второй этаж. Знакомимся с полковником — начальником следственного изолятора. На нем гражданская одежда. Правда, во встроенном шкафу висят китель и фуражка. Но, вероятно, он не любит их носить. Он обещает показать все свое хозяйство. Из окна коридора виден маленький яблоневый сад шириной метров пять. Здесь гулял Матиас Руст. На первом этаже находятся комнаты для свиданий с родственниками, контроль передач, комната для первичного досмотра, комнаты для работы адвокатов. Везде в коридорах установлены телекамеры. А в стены вмонтированы красные кнопки «тревога». Все двери всегда закрыты. Даже комнаты для адвокатов закрываются снаружи контролерами. Напротив этого ряда комнат — святая святых изолятора — комната дежурного помощника начальника изолятора. Сюда сходятся все нити сигнализации, вся связь, стоят мониторы. По просьбе начальника майор включил их. Кажется, что нет такого коридора, стены, комнаты, где бы тебя не застал всевидящий глаз. Оказывается, когда я только с улицы свернул к воротам тюрьмы, меня уже видели на мониторе.

Через внутренний двор, через парадное резное крыльцо входим вовнутрь режимного корпуса, собственно тюрьму. Старинные сводчатые потолки. Решетка с большим замком. Дежурный по корпусу открывает ее. Перед нами — старый канцелярский стол с массивными ножками. Два коридора — влево и вправо, и два под углом. Четыре этажа. «Сам вид Лефортовской тюрьмы, ее К-образная форма, сетки вместо перекрытий между этажами, так что корпусной за своим столом в центре мог

постоянно видеть всех надзирателей и все коридоры, таинственное цоканье языком, принятое надзирателями как условный сигнал, когда они ведут заключенного,— все это поразило меня в первый раз»,— пишет в своей книге «И возвращается ветер» Владимир Буковский. В полутьме по коридорам от камеры к камере ходят контролеры и заглядывают в глазки. Чтобы не было слышно шагов, постелены ковровые дорожки. Работа эта требует определенной выносливости, знания психологии, наблюдательности. В основном это молодые симпатичные ребята. Система отлажена и работает как часы. О вышколенности лефортовских контролеров ходят легенды. Контролеры вежливые, обращение с заключенными только на «вы». Им запрещено вступать в любой неслужебный контакт со своими подопечными. Были случаи попыток подкупа. За один телефонный звонок предлагали 200 000 долларов. Но о таких случаях немедленно докладывается начальству.

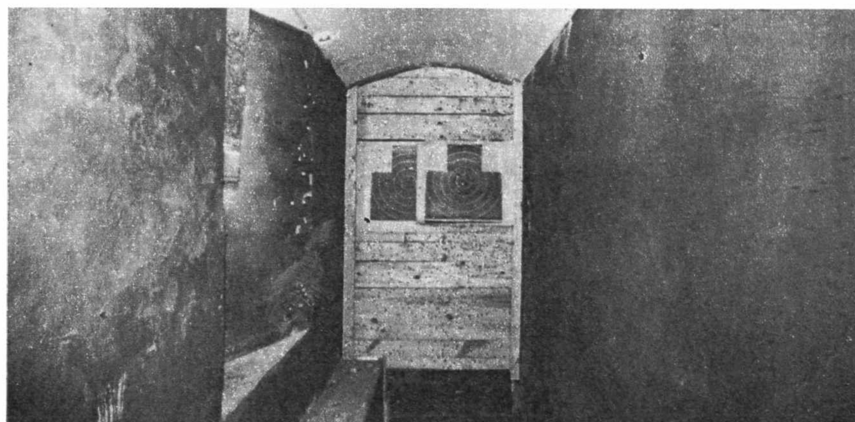
Тюрьма полупуста, сейчас здесь около 200 человек. Два верхних этажа не заняты. Кстати, комиссия полковника Макаренко, в 1904 году проверявшая состояние Московской военной тюрьмы, отметила, что «здесь со времени открытия почти постоянно имеются свободные камеры». Мы проходим по коридору, поднимаемся по стертым ступеням на второй этаж. Вот в этой камере № 48 сидел Чурбанов, № 40 — Буковский, № 101 — Новодворская,

тяжко, если есть у твоего сокамерника какая-нибудь бессознательная привычка — например, носом шмыгать или ногой постукивать. Уже через пару месяцев совершенно невмоготу становится, убить его готов». Из-за психологической несовместимости и перемещают заключенных. У каждой двери в коридоре маленькое устройство. Если надо вести заключенного к следователю, контролер нажимает кнопку «запрос» на пульт старшего по коридору, если загорится зеленая лампочка «ответ», то можно выводить — в коридорах не будет других заключенных. А на случай, если это произойдет, в коридорах стоят специальные «загончики».

Администрация изолятора пытается вводить здесь западные, цивилизованные порядки. Например, можно сдать бесплатно вещи в стирку. Все будет исполнено через день, да еще и выглажено. Можно отремонтировать обувь. Одежда вся своя. Душ один раз в неделю. Женщинам могут по их просьбе выдавать дополнительно чайник с горячей водой. В душе раздевалки — это такие же камеры с глазком, куда водят попарно. После того, как заключенные разделись, они переходят собственно в душевую камеру под таким же номером, как и раздевалка. Их закрывает контролер и включает им воду. Ее температура регулируется снаружи контролером по просьбе заключенных. После помывки на полке они забирают предварительно просмотренное свое чистое белье.

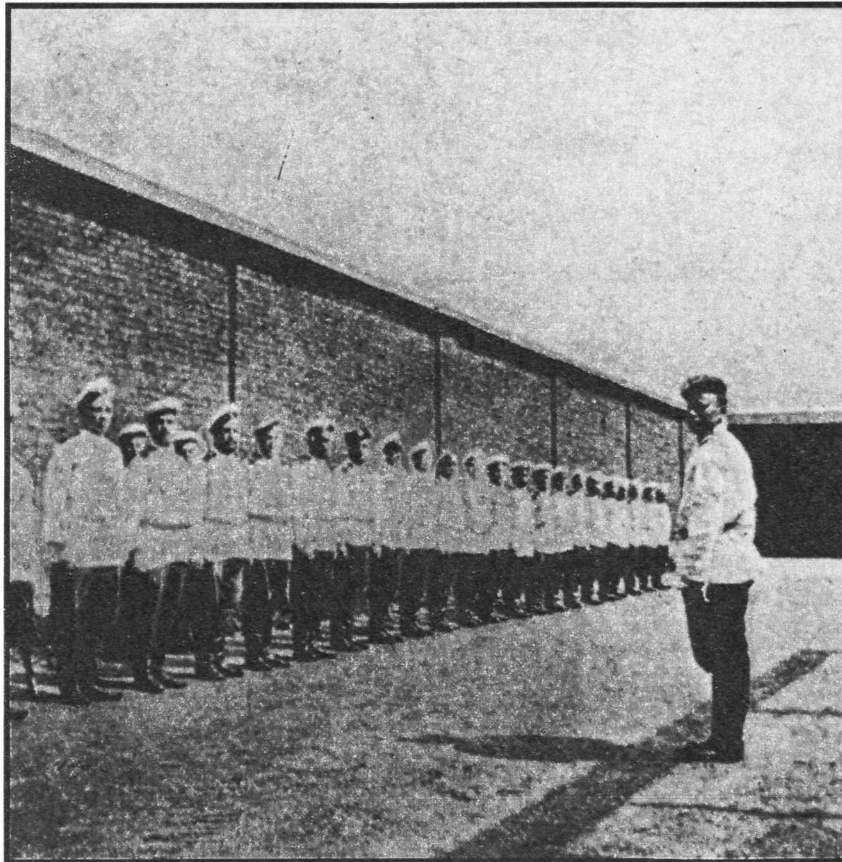
Тюремная кухня находится чуть ниже первого этажа. Готовит еду один человек. Вот примерное меню на сегодня из расчета 2 р. 25 к.— 3 р. 30 к. в день (с

№ 203 — Валленберг. За дверьми слышно, как кто-то кашляет, где-то скрипнула кровать. В свободной камере, которую мне показывают, все как при царе. Только теперь стоят две кровати. Одиночное заключение запрещено законом. Толстые, толщиной около метра, стены. Клозеты еще с тех времен, с крышкой. Говорят, очень хорошая система, запаха никакого, на стене «Правила», полочка для книг, над дверьми — радио, к Новому году обещали провести его в каждую камеру. Окно с форточкой, перед ним фигурное оргстекло, чтобы ничего не было видно на улице, за стеклом — толстая решетка. Форточку открывает контролер по первому требованию. Электрический свет горит почти всегда. Ночью включают дежурные лампы. Подследственные могут читать книги, вести записи. Им выдают газеты «Правда», «Известия», «Труд». После прочтения газет одной камерой, проверив, их передают в другую. Все общение с заключенными происходит через дверную форточку — «кормушку». Сюда подают книги, пищу, передачи. Дверь в камеру открывается только по необходимости.

В Лефортовской тюрьме самая жесткая изоляция. Единственная возможность узнать что-либо о соседях — при перемещении заключенных из одной камеры в другую. В. Буковский считает, что «все человечество делится на две части: на людей, с которыми ты мог бы сидеть в одной камере, и на людей, с которыми не смог бы. Особенно же

изменением цен и сумма будет соответственно увеличиваться):

завтрак — вермишель отварная, масло (для диеты), чай, обед — щи из свежей капусты с мясом, каша перловая с мясом, кисель (правда, только для заключенных, имеющих право на диету), ужин — картофельное пюре, рыба отварная, чай.

Дополнительно можно заказать продукты в ларьке на сумму 30 рублей в месяц. Сыр и масло есть всегда. К тому же передача от родственников до 10 килограммов. От голода здесь еще никто не умер. Правда, попытки были. Но они пресекаются так, что больше не захочешь голодать.

...Мы быстро осматриваем библиотеку, где на карточках вместо фамилий — номера камер. Заключенные сюда не входят. Сам библиотекарь по определенным дням обходит камеры и принимает заказы на книги, обычно до пяти штук. После возвращения книг он их просматривает, чтобы не осталось никаких пометок. От родственников передачу книг стараются ограничить, так как возможно подать условные знаки, даже передавая книги определенного наименования. За порчу книг или за пометки в них могут лишить права пользования библиотекой. Вспоминает Буковский: «В Лефортове удивительная библиотека: все книги, что конфисковывались у «врагов народа» за полвека, видно, стекались сюда. По всей стране «чистили» библиотеки — здесь же все сохранилось, как в оазисе. Ни-

кому не приходило в голову чистить библиотеку тюрьмы КГБ. Дореволюционные академические издания Пушкина и Гоголя, А. К. Толстого и Лермонтова. Гамсун, Метерлинк, Марсель Пруст и Замятин. Спросите лучше, чего здесь нет».

В санчасти в этот день дежурила молодая девушка. Она показывает свое хозяйство: рентгеновский кабинет, современное импортное стоматологическое кресло, процедурный кабинет. К врачу обычно надо записываться у контролера. Если заключенному нужен постельный режим, его лечат в камере. Врач присутствует и при первичном досмотре. Человека раздевают догола и заглядывают буквально «во все дырки».

В специальном лифте, разделенном на две половинки, поднимаемся наверх. На крыше устроены прогулочные дворики. Квадрат, примерно 5 × 5 метров, скамейка, навес от дождя, сверху — мелкая металлическая сетка. Покрытие стен — так называемая «шуба», грубый рельеф, на котором невозможно оставить никаких надписей. По верху стены ходит контролер. Запрещается громко разговаривать, кричать, за это могут досрочно прекратить прогулку.

Мы спускаемся на землю, проходим вдоль высоких тюремных стен. Наверху — специальная сигнализация. Массивные ворота изнутри подперты огромными балками против тарана снаружи. За всю историю здесь не было совершено ни одного побега, хотя попытки были.

Здесь же во дворе — гаражи, хозяйственные помещения. Огромный контейнер, в котором пытались провезти пять тонн наркотиков, привезли сюда же. Его используют как склад. Желтый милицейский «уазик» (сзади — желтые занавески) — это автозак. Для персонала — спортзал. По выходным дням им может пользоваться и хозобслуга, для которых Лефортово — место отбывания наказания. Вот, пожалуй, и все.

Ну а где же навевающие ужас в тридцатые годы знаменитые лефортовские подвалы? Тюрьма по праву считалась пыточной. Никто не знает, что здесь было раньше. А сейчас здесь — бойлерная, столярные и слесарные мастерские, раздевалки для хозобслуги. Узкий, длиной в 25 метров, коридор со сводчатым потолком и с мишенью на глухой стене — тир. В полуподвальных помещениях — прачечная, бильярд. У окна в клетке — две канарейки, скоро будут и аквариумы с рыбками. Говорят, что в этих подвалах был расстрелян Ежов. Пытать же могли и в обычных камерах, благо, много пустых.

Сейчас же это привилегированная тюрьма. Здесь еще не преступники, а лишь подозреваемые в преступлениях. Иногда по просьбе МВД и прокуратуры сюда помещают и их контингент, когда надо надежно на время следствия изолировать подозреваемых. А в основном здесь сидят контрабандисты, валютчики, шпионы, крупные мздоимцы, торговцы оружием и наркотиками, террористы, диверсанты. Все те, кем занимается госбезопасность. Недавно из Лефортова в ленинградскую спецпсихбольницу был направлен покушавшийся на Горбачева Шмонов. Политических не осталось.

Валерия Новодворская считает, что или есть будущее у этой тюрьмы и нет будущего у народа, или есть будущее у народа и нет будущего у тюрьмы. Формулировка 70-й статьи, по которой она сидела, по ее мнению, и есть задача демократического движения.

Без этого в стране ничего не изменится. Скорее всего Лефортово будет пополняться участниками национально-освободительных движений или «экстремистами» широкого профиля. Поживем — увидим.

Ну а мы прощаемся с начальником. Вновь заглядываю за занавески в яблоневый сад, где гулял Руст. Щелкает магнитный замок. Иду от ворот, в спину мне смотрит электронный телеглаз. Сворачиваю налево, я — на свободе.

ИВАН ФИЛИППОВ И К°?

Константин БАРЫКИН

«БЕДА, КОЛЬ ПИРОГИ НАЧНЕТ ПЕЧИ САПОЖНИК...» НЕ ПРИСЛУШАЛИСЬ К БАСНОПИСЦУ.

Хлебная торговля бьется в судорогах. Они накатывают все чаще, разрыв между приступами с каждым разом уменьшается. И все уже свыкаются с эпилептическими припадками.

— Чего орешь? Стой смирно!..

И булочная очередь на мгновение затихает, чтобы тут же снова взорваться недовольным гвалтом. Опять привезли и торгуют сухими, хоть гвозди ими забивай, батонами. Да и булочная после того, как половину ее сдали в аренду коммерческой лавке, стала тесной, не протолкнуться. Прежде хлебные магазины отличались от общенапористой нашей торговли. Но сейчас во многих городах и селах булочные превратились в горячие точки. И разговоры в них — по ситуации.

Главный столичный пекарь — генеральный директор концерна «Мосхлебпром» Михаил Алексеевич Коваленко живет в напряженном режиме. Он искренне хочет вывести отрасль из прорыва, дать москвичам хлеб — хороший и в достатке. Коваленко полагает, что положение можно выправить. Передает сделанную для меня компьютером распечатку: концепция выхода из создавшегося положения, программа развития.

Для того чтобы город не лихорадило, надо добавить мощности, иметь возможность маневра. Это ежедневно 1500 тонн выпечки. Имеющиеся заводы рассчитаны на 2000 тонн, но приходится выжимать из них невозможное; случались дни, когда выпекали две тысячи пятьсот, а то и больше хлеба. Печи гудели от непосильной натуги, автофургоны не успевали загружаться батонами и буханками.

Отрасль не может жить на таком пределе, это ясно.

Однако мне показалось, что программа, отвергая сегодняшнее несовершенство, позабыла, что вчера Москва имела хорошо отлаженное, накатанное хлебопечение. Оно пришло к нам из дореволюционных лет, было толково улучшено в первые послереволюционные годы, когда работали такие знатоки, как В. П. Зотов, пекарь, а потом министр; В. В. Арсентьев, один из первых управляющих столичным трестом хлебопечения. Они нащупали, опытом и интуицией вышли на разумный вариант: сохранили прежние пекарни и стали строить заводы.

А сейчас заводы есть, хоть и разваливающиеся, но пекарни извели. «Мосхлебпром» в общем-то понимает это.

Понемногу начинают поворачиваться к малым формам, но, показалось мне, не прочь взять все под свой контроль. «Концерн приступил к созданию малых предприятий в своем составе»... В Париже работает 4000 крохотных пекаренок, многие из них прямо в магазинах. И это частные, не из концерна (да и есть ли он во французской столице?), принадлежащие тому, кто хлеб печет и продает его. В соседней Германии — такая же картина. Несколько десятков тысяч малых пекарен и только 200 крупных хлебозаводов.

Сейчас московские булочные получают выпечку от больших заводов. Они сослужили городу — и служат — свою службу. И не вина пекарей, что ныне положение круто изменилось. Заводы поизносились, измотаны, вот-вот разрушатся. Буквально. «Оборудование там в возрасте моей бабушки»,— удрученно заметил Коваленко. Он, правда, не сказал, что есть в Москве завод, который обошли напасти. Был он поставлен когда-то на бывшей окраине, чтобы печь хлеб для ЦК, для Кремля, вообще для больших начальников. Тут всегда было и сейчас, поговаривают, есть и хорошее оборудование, и хорошая, экологически выверенная мука, и добротное масло, а не случайный маргаринчик. Я не называю адрес завода и его номер — оберегаю от справедливого людского недовольства. Ибо это единственное предприятие, где в полной мере сохранены нормальные технологии хлебопечения и, случись разгром, под его руинами пропадет и богатейший опыт.

На многих других предприятиях сейчас предкризисная ситуация. Почти нет профессиональных пекарей, повыбили их жуткими условиями труда и нищенской зарплатой. Неравномерно поступает мука. Дрожжей хороших не допросишься. А недавно «спасать» дрожжевое дело поставили и тех, кто до того «помогал» хлебопекарной отрасли. Не соскучишься в нашем номенклатурном отечестве...

Начинать реконструкцию? Конечно, это тоже предусмотрено. Но отодвигается на вторые планы абсолютная неотложность: создание и развитие малого хлебопечения, частных пекарен и магазинов. Забыли напрочь, что Иван Филиппов вел дело именно так. За стеной почти каждого его магазина была пекарня. Сайки, калачи, плюшки, пироги с десятком разных начинок... Я помню пекарню на углу Мясницкой и Бульварного кольца: такая шла от нее теплота, такая духовитость, такой манящий, сытный хлебный аромат... Порушили, как и не было.

Несколько лет назад московские начальники опомнились и приняли программу — 300 малых пекарен. Вперед, ребята... Их быстро поутишили: того нет, этого не предвидится, а подобные печи и вовсе не выпускаются. Стали микшировать первые документы. Но очень уж дразнила слух близость цифр: 300 пекарен — 500 дней? Это щекотало нервы, даже возвышало.

Пятисотдневную программу угробили, такая же участь выпала и 300 пекарням.

Мосгорисполком уже готовил решения, корректирующие прежние планы в сторону уменьшения. Я несколько раз порывался поговорить обо всем этом с заместителем начальника Мосгорторга В. В. Жилинским, и он сулил мне рассказать, отчего и как рухнула «программа триста».

— Это очень важная тема, особый разговор,— настраивал меня Жилинский. Назначил день и час встречи. И не пришел. Я говорил с другим заместителем начальника, с В. М. Гриши-

ным. Он не смог мне сказать того, что знает Жилинский, но все же я узнал, что перед пекарнями воздвигли вал, который в ближайшие годы преодолеть не удастся.

...Не знаю, догадываются ли в Минобщемаше, что свежий хлеб вкуснее зачерствевшего, но имею документы, которые подтверждают: именно ему, мощному оборонному ведомству, в порядке конверсии, специальным, очень высоким решением были поручены разработка и изготовление оборудования для таких, почти домашних, примагазинных пекарен. Приходилось начинать почти с нуля. «Ну, это нас не страшит»,— сказали общемашевцы. И засучили рукава. Приступили к изучению. Потом перешли к бумаготворчеству. Переписка шла на уровне министров. «К созданию и выпуску оборудования для приготовления теста и его тепловой обработки (читай — выпечки? — **К. Б.**) привлечены ГПО «Машиностроитель», НИИ тепловых процессов, НПО энергетического машиностроения». Дескать, знай наших. Это не артельные живопырки. И продолжали столь же значительно: «Эти меры позволят полностью обеспечить производство оборудования по данному направлению».

Похоже, самоуверенные эти строки забыты и теми, кто готовил письмо, и тем, кто подписывал его. Задача не решена. Есть отдельные фрагменты, частности. На фоне «еще больших побед и достижений» застойного времени они прозвучали бы рапортно, но сейчас никак не вписываются в реалии жизни. Симулируя дело, затеяли тяжбу с передачей машиностроителям Института хлебопекарной промышленности. Чтобы скомкать хлебопекарную науку? Или убрать оппонента, который не дает машиностроителям спать спокойно и все время напоминает о том, что ничего не сделано? Попытка такой «интеграции» не прошла. Тогда включили другие скорости. Подняли цену на машины и механизмы. Простенький агрегатик по выпечке рогаликов когда-то стоил около полутора тысяч, а сейчас — девять «кусков». И это не предел, намекают машиностроители. И добавляют назидательно: мы вступаем в рынок, он диктует цены...

Почувствовав все это, прагматически мыслящий Мосгорисполком сначала схватился за голову. Не помогло. И тогда пришло понимание: надеяться можно только на себя. Были приняты новые решения о... строительстве малых пекарен. Но уже не трехсот, а хотя бы нескольких десятков. Прежние постановления, как и положено, дезавуировали, отменили. Но и новации пришлось корректировать. И дело не только в оборудовании. Молчаливый бунт объявили директора универсамов. Под предлогами отчаянно благовидными они начали бойкотировать все и всяческие решения. Их пытались увещевать: вон, дескать, в Париже, четыре тысячи примагазинных пекарен. «В Парижах не бывали»,— отвечали директора. И это было правдой. Попытались пустить в ход другие аргументы — не подействовало. Тогда, но может, я и ошибаюсь, на директоров прикрикнули. Сработало. Во всяком случае, они смиренно склонили головы. Но почему-то, конечно, это совершенно случайное совпадение, именно в это время пошли по инстанциям письма от общественности. Той, что живет неподалеку от универсама и, надо полагать, отоваривается здесь. Общественность не соглашалась с тем, чтобы в супермаркете открывали пекарню. Это нарушит экологическую обстановку. Дурно отразится на нравах микрорайона, которые сейчас так облагораживаются бормотушным прилавком.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Малый хлебопекарный бизнес хромает, идет вразвалочку, между прочими делами, и Мосгорторг никак не определится в приоритетах. Внешне все выглядит пристойно: пишутся письма, рассылаются циркуляры, принимаются решения во исполнение новых и ранее принятых решений. «Это грамотные, правильные решения,— сказал на заседании московского правительства один из заместителей премьера.— Но они не выполняются». И хлебная торговля падает на глазах. Взяли моду продавать часть торговых залов булочных кооперативным магазинам. Хлеб же не терпит такого соседства. Но арендные деньги от вторжения перекрывают, видимо, все расходы булочной, и ей нет нужды заботиться о хлебе насущном. Знаменитая филипповская пекарня, «Огонек» уже писал об этом, изуродована до крайности. Но в Мосгорторге просто не заметили публикации, как и нескольких телевизионных передач; в них коренные москвичи высказали свое отношение к ситуации. По сути дела, сейчас нет филипповской булочной. Хлеб затолкнули в боковушку, в тесноту. Выбора никакого. В близкой же округе других хлебных магазинов нет. Столь же знаменитый некогда хлебный отдел Елисеевского вышвырнули с его традиционного места. Это был роскошный отдел — такой хлебу и положен! Передали зал под сомнительные «фруктовые» напитки да под водку «Тверская», которую шлют сюда из ФРГ специально, как написано, по заказу магазина.

...Но филипповские традиции, оказалось, все же сохранены. Много лет Святослав Всеволодович Коновцев, петербургский пекарь и ученый, собирал рецептуры старинных хлебов и не обошел, как понимаете, филипповские хлебы. Он показывал мне несколько тугих папок: тысячи рецептов и технологий. Золотой фонд хлебопечения. Тогдашний министр В. П. Леин сделал многое, чтобы издать уникальный труд. «О хлебе?» — зевали те, кто покупал задешево «царские баранки» (есть такой сорт) с того самого элитного завода. «Вы не знаете конъюнктуру книжного рынка. Это не найдет покупателя». Пытались способствовать изданию книги такие рыцари хлеба, как Виталий Александрович Патт, профессора Казанская и Ауэрман, руководители кафедры хлебопечения Института пищевой промышленности. Но пришел на смену Леину очередной номенклатурный лимитчик, взял себе поддакивающих помощников и замов, и те удивленно спрашивали: «Кто такой Коновцев?»

Нашлись, по счастью, не только вопрошающие. Несколько лет тому от хлебопекарного института отпочковалась группа специалистов, решивших затеять свое дело. Тогда о самостоятельности говорить не было принято, и они выбрали какую-то полуофициальную вывеску. Руководство ВДНХ увидело перспективу, почувствовало значительность и пользу, предоставило им помещения на выставке. Активно, но втайне от начальства стала поддерживать начинание и дирекция пятого хлебозавода. В результате появилось то, что теперь называется «Техномельсервис» и «Экспохлеб». Две негромкие, не рекламирующие себя организации восстановили практически весь ассортимент знаменитых филипповских хлебов. Вы их можете увидеть в одном из бывших павильонов ВДНХ. Сейчас, говорят, им наконец-то вернули еще один павильон, до того занимаемый какой-то странной «организацией»...

Пригласить бы пекарей из «Экспохлеба» на заседание московского правительства. Немножко их послушать, отведать выпечку и вздохнуть ностальгически, но с оптимизмом. И сказать бы:

— Пекари! Вот вам бывшая филипповская булочная. Владейте. И чтобы к очередному празднику великого октября (или к какой иной дате) начали торговать филипповским хлебом. Сделаете это, передадим еще десяток булочных. И займитесь созданием малых пекарен.

* * *

«Огонек» готов включиться в программу «Хлеб Филиппова», мы хотим разделить усилия, направленные на возрождение народных хлебов, на появление в российских городах национальных хлебов — из бывших наших республик. Мы просим премьер-министра Ю. М. Лужкова и его заместителя В. А. Карнаухова рассмотреть это предложение.

Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ

1932-й в стиле ретро

В прессе часто мелькает выражение: мы — Иваны, не помнящие родства. Действительно, мы не знаем своих генеалогических корней, не имеем родословных книг, у нас нет дневников предков. Мы находимся как бы вне исторического потока, выброшены на пустынный и голый остров сегодняшнего дня. Кто мы, откуда?.. Увы, «непроницаемым туманом сокрыта истина от нас». В таком положении, как и большинство «совков», находится и автор данного мини-исследования. Как старый календарщик (человек, занимающийся составлением календарей), я решил приподнять завесу над тайной своего рождения, что это был за год, в котором я родился, какими событиями он был наполнен? Итак, 1932-й. Казалось бы, всего 60 лет назад. Можно все легко вспомнить и представить, ан нет, за шесть десятилетий столько произошло в стране и в мире, что 1932 год представляется чуть ли не античностью. Мраморным изваянием с отбитой рукой и искореженным носом.

ОБЩИЙ ПОРТРЕТ

«Я другой такой страны не знаю...»

Выделим шесть событий:

Гинденбург переизбран президентом Германии (19 миллионов голосов).

Гитлер получил 13 миллионов.

Франклин Делано Рузвельт избран президентом США.

Салазар устанавливает фашистский режим в Португалии.

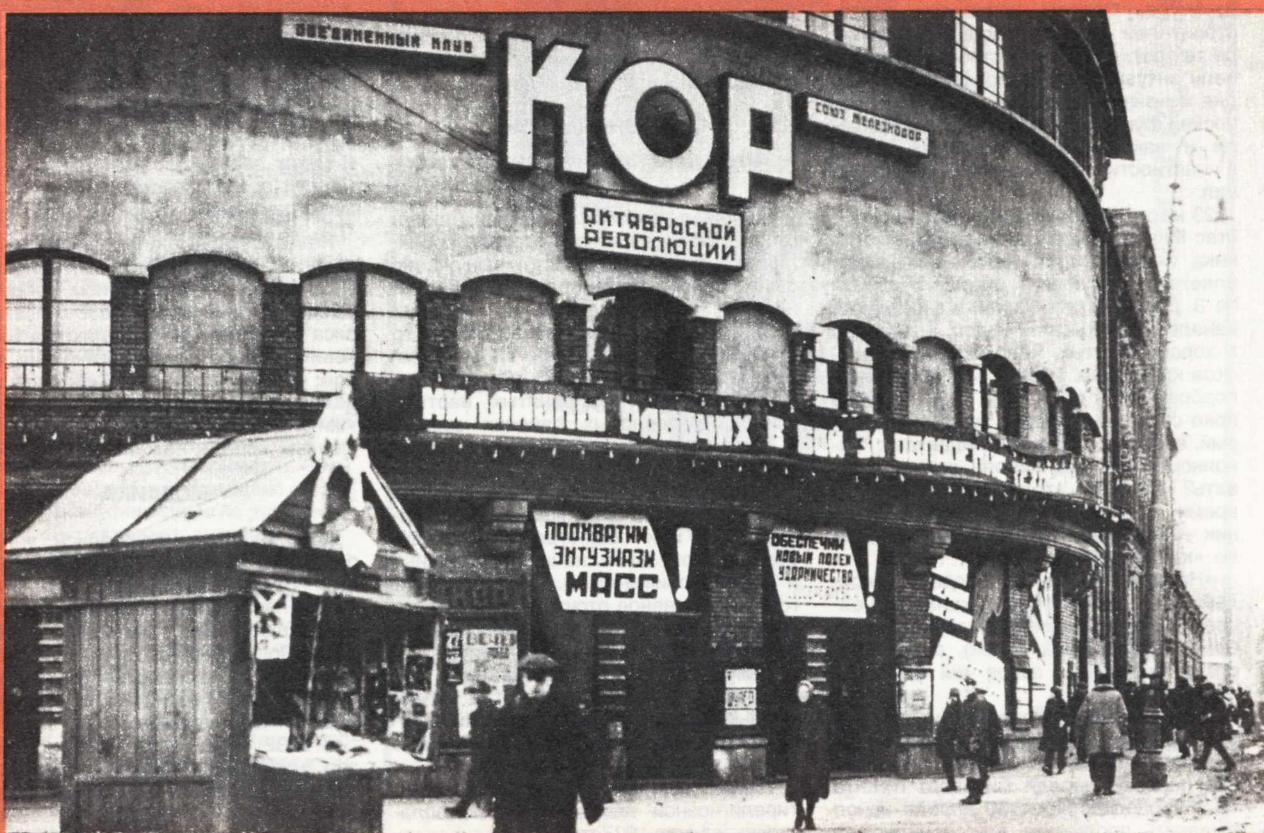
Амелия Эрхардт, первая в мире женщина, в одиночку перелетает Атлантику.

СССР подписывает соглашение о ненападении с Францией.

И все. Конечно, это лишь малая толика событий, которые происходили в мире. Сделаем некоторые добавления.

21 января 1932 года заключен советско-финский договор о ненападении.

19 февраля. Чан Кайши призвал начать «движение за новую жизнь». Естественно, «новая жизнь» не получилась.

6 мая. Русский эмигрант Павел Горгулов застрелил французского президента Поля Думера на торжественном открытии книжной выставки. Горгулов назвал себя «одиноким одичавшим скифом». После его ареста нашли тетрадь с надписью «Доктор Горгулов, глава русских фашистов, убивший президента французской республики». Суд вынес смертный приговор. Горгулову отрубили голову. Под гильотиной он кричал, что убил во имя России, из ненависти к большевикам. В его тетради был разработан проект, согласно которому Россией должна была править Зеленая Диктаторская Тройка.

15 мая в Японии произошел военно-фашистский путч.

23 сентября была провозглашена независимость Саудовской Аравии. В этом же году были заключены договоры между СССР и Латвией, СССР и Эстонией о ненападении.

Ну, а что происходило внутри Советского Союза? Страна гудела и звенела в индустриальном раже. Заканчивалась первая пятилетка (1929—1932), одним из лозунгов которой был «Техника в период реконструкции решает все».

В 1932-м был введен в эксплуатацию Горьковский автозавод. На дороги страны вышла первая полуторка. И далее коротко, по-репортерски: получен первый магнитогорский чугун. Задута первая домна Кузнецкого металлургического комбината. Вступил в строй Березниковский химический комбинат. Начала работать первая угольная шахта на Воркуте. 10 октября состоялся пуск Днепрогэса имени Ленина.

В этом же году основан Комсомольск-на-Амуре. Словом, энтузиазм первостроителей. Как утверждала пропаганда тех лет, гигантскую стройку в стране вели энтузиасты и добровольцы. Сегодня мы знаем: не только они. Экономический фундамент социализма создавали и заключенные, усилиями зэков, в частности, возводился Беломорканал.

23 марта Беломорканал посетил Анастас Микоян. В сопровождении начальника Беломорстроя Когана он направляется к котловану будущего шлюза № 3. Далее цитата из книги о Беломорканале: «Две тысячи людей, одинаково и хорошо одетых, копошатся в гигантском котловане. Тысячи рук, взметаясь, подбрасывают в тачки грунт... День ярко солнечный. Народ здоровый, бодрый, веселый... Коган совещается с Микояном: «Товарищ Микоян, как их называть? Сказать «товарищ» — еще не время. Заключенный — обидно. Лагерник — бесцветно. Вот я и придумал слово «каналоармеец»...»

«Народ здоровый, бодрый, веселый»... О гибели тысяч «каналоармейцев» (заключенный-каналоармеец, аббревиатура — зэка — зек), а впоследствии миллионов зэков мы узнавали куда позже.

И снова газетные сообщения. Купеческая Москва превращается в Москву индустриальную. 29 марта — день пуска первой очереди мирового гиганта «Шарикоподшипник». 30 апреля начал выдавать продукцию другой индустриальный гигант — «Фрезер», а затем «Калибр».

«Дип» («Догнать и перегнать») — окрестили свой новейший станок рабочие завода «Красный пролетарий».

Лучшая работница П. Ястребова (40 лет делала галоши на «Богатыре») в числе лучших ударниц совершила на теплоходе «Украина» заграничное путешествие — Греция, Англия, Италия, Турция. И какое впечатление вывезла из-за границы ударница? Остались в памяти безработные, да проводы, да рабочие, которые махали платочками и плакали. Они говорили: «Не заглядывайтесь на красивые камни, во всем мире слезы рабочих». Короче, у них — слезы безработицы, у нас — радость свободного труда.

В тот год Москва была вся в лесах новостроек. Прокладывалась первая линия столичного метрополитена Сокольники — Крымская площадь. Приступили к сносу Охотного ряда. Реставрировался Кремль. Строился аэропорт (работали три основные линии: Свердловск — Магнитогорск, на Ленинград и на Харьков). Сносились старые здания и церкви. «С Москвой происходят чудеса,— свидетельствовала одна из венских газет.— Купола церквей уже не являются символом Москвы, старое разбивается в черепки».

«Художественная облицовка Москвы будет основываться на твердом плане,— сообщала читателям «Вечерняя Москва».— Архитектурной разноголосицы былой Москвы, пестрому лоскутному смещению фасадов будет положен конец».

25 писателей приступили к созданию «Красного путеводителя» по Москве, где достопримечательность «не маститый храм, а домком, образцово обслуживающий и жильцов...».

«У москвичей есть то, чего нет сейчас у нью-йоркцев,— отмечал московский корреспондент «Нью-Йорк таймс» Дюранти.— Я говорю о надежде...» О, господин Дюранти, если бы вам удалось побывать в Москве спустя 60 лет, в 1992 году, то вы бы оставили надежду Нью-Йорку, а не Москве.

А тогда, в 1932-м... 25 апреля из Сорренто в Москву прибыл Максим Горький. В Большом театре состоялось его чествование. Он награжден орденом Ленина. Секретарь ЦК Постышев выступил с предложением Нижнему Новгороду присвоить имя Горького. Имя Горького стал носить столичный центральный парк культуры и отдыха, а также Тверская улица... Все это с ликованием, с криками «ура» и «да здравствует», чтобы спустя шесть десятилетий снова вернуться к исторической данности — Нижнему Новгороду и Тверской...

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ

«Этот грим, этот лоск, этот прах».
Е. Аксельрод.

Страна с грохотом и помпой (пропаганда старалась вовсю) строила социализм. 7 июля ЦК ВКП (б) вынуждено было принять постановление «Об организации хлебозаготовок в кампании 1932 года» с требованием во что бы то ни стало выполнить план, сломив «сопротивление кулацких элементов». В результате предпринятых партией усилий в зерновых районах страны к концу года разразился невиданный голод.

7 августа в стране была введена смертная казнь за хищение государственного или общественного имущества — этот закон начал немедленно и широко применяться. С ноября 1932 года однодневное отсутствие на работе без разрешения (прогул) стало наказываться немедленным увольнением.

Гайки все более закручивались. Социализм все более приобретал казарменные черты. Машина репрессий набирала свои обороты, чтобы достигнуть пика в 1937 году.

15 мая было объявлено о начале «антирелигиозной пятилетки». Предполагалось к 1 мая 1937 года ликвидировать все молитвенные дома и изгнать «само понятие Бога». Государству было мало взрослых атеистов, и поэтому было организовано детское движение «Юные безбожники».

В переделке духовного мира человека активная роль отводилась культуре, но культуре советской, социалистической. Именно в 1932 году были организованы Союзы писателей, архитекторов, композиторов.

23 апреля — постановление о ликвидации РАППа. Создана единая писательская организация. Многие писатели встретили ее с восторгом: «Манифест 1861 года», «Конец рабства», «Пасха» и т. д. Сергей Клычков заявил: «Наконец-то ласточка искусства может лететь туда, куда захочет». Бедный Клычков, Союз писателей строго следил за тем, что пишут и как пишут. И всех инакопишущих выявлял как классовых врагов (был такой лозунг: «Союзник или враг»). Все это Сергей Клычков испытал на собственной шкуре: его сначала травили как «кулацкого писателя», а потом просто поставили к стенке.

23 мая на страницах «Литературной газеты» впервые прозвучал термин «социалистический реализм», его произнес в своей речи председатель Союза писателей И. Гронский: «Массы требуют от художника искренности, правдивости, революционного, социалистического реализма».

Раз дан социальный заказ, значит, его надо выполнять. В 1932 году появились такие классические произведения социалистического реализма, как роман Шолохова «Поднятая целина», драма Горького «Егор Булычов и другие», пьеса Вишневского «Оптимистическая трагедия», роман Катаева «Время, вперед!». В журнале «Молодая гвардия» опубликованы первые главы романа Николая Островского «Как закалялась сталь».

26 октября в доме Максима Горького на Малой Никитской состоялась знаменательная встреча советских писателей с руководителями партии и правительства. Во время беседы Сталин назвал советских писателей «инженерами человеческих душ». Обласканные вождем «инженеры» с еще большим вдохновением приступили к конструированию и моделированию социалистических романов, повестей и стихов.

Перейдем от литературы к кино. На Западе начал победное шествие фильм «Тарзан», у нас он появился лишь в конце 40-х. Ну, а чем порадовал 1932 год отечественных любителей кино? На экраны страны выходят первые звуковые картины: «Путевка в жизнь», «Златые горы», «Встречный»... В фильме Эрмлера «Встречный» впервые прозвучала песня Дмитрия Шостаковича на слова Бориса Корнилова:

Не спи, вставай, кудрявая,
В цехах звеня,
Страна встает со славою
Навстречу дня!

Как это характерно для 30-х годов: энергия, бодрость, подъем, ликование. А за этим внешним фоном репрессии, унижение личности. В 1938-м поэта Бориса Корнилова расстреляют, а Шостаковича придавят идеологическим ярлыком: «Сумбур вместо музыки». Как справедливо заметил Иосиф Бродский, «жить в эпоху свершений, имея возвышенный нрав, к сожалению, трудно...».

МОЗАИКА

Конечно, люди рождались, учились, работали, умирали. Совершали трудовые подвиги, выражаясь штампом тех лет. И просто тянули служебную лямку. Еще влюблялись, женились, разводились. Попробуем выстроить некую мозаику из подробностей жизни известных людей, естественно, взятых из хроники исследуемого года.

В 1932 году Павел Ощепков высказал идеи радиолокации, которые, как говорят, «витали в воздухе». А Дмитрий Лихачев освобождается из Соловков. Должность корректора в издательстве Академии наук — вот на что мог претендовать выпускник двух факультетов Ленинградского университета, ударник Беломорканала и будущий академик. А вот Лев Ландау идет в гору. 15 августа он назначен заведующим теоретическим отделом в институте в Харькове. Повесил табличку «Л. Д. Ландау. Осторожно, кусается!» и объявил войну невежеству и лени...

Летом 1932 года Исаак Бабель познакомился с Антониной Пирожковой, инженером Метростроя, которая станет его женой и затем вдовой.

Пик личных отношений и у другого писателя — Михаила Булгакова. В октябре Булгаков и Елена Шиловская поженились. Маргарита оказалась поразительно похожей на Елену Сергеевну...

10 марта Иван Бунин записывает в дневнике: «Темный вечер, ходили с Галиной по городу, говорили об ужасах жизни. И вдруг — подвал пекарни, там топится печь, пекут хлебы — и такая сладость жизни».

А вот запись из воспоминаний Лидии Гинзбург: «1932. По Москве распущены слухи, что скоро выходит собрание сочинений Ахматовой со всеми портретами. Анна Андреевна: «Подумайте, со всеми портретами... Последний, вероятно,— в гробу»...

Алексей Толстой пишет письмо в январе 1932 года Наталье Крандиевской: «...Ежедневно работаю в комиссии по Дворцу Советов и пользуюсь здесь большим почетом. Оказывается, меня назначило верховное правительство и это большой почет, вроде ордена...»

Запись в дневнике Корнея Чуковского от 4 марта. Совсем другая тональность, можно подумать, что это написано в другой год и в другой стране: «...Вчера ездил в «Лит.Газ.» за деньгами на трамвае А. И смотрел из окон на Москву. И на протяжении всех тех километров, которые сделал трамвай, я видел одно: девяносто пять процентов всех проходящих женщин нагружены какою-ниб. тяжестью: жестянками от керосина, корзинами, кошелками, мешками. И чем старше женщина, тем тяжелее ее груз. Только молодые попадаются порой с пустыми руками. Но их мало. Так плохо организована добыча провизии, что каждая «хозяйка» превратилась в верблюдицу. В трамваях эти мешки и кульки — истинное народное бедствие...»

Мартемьян Рютин, один из тех, кто бросил вызов сталинскому режиму, 24 ноября пишет родным из Суздальского политизолятора: «...и в «сидении» есть тоже своя жизнь. Основное — надо привыкнуть к однообразию и монотонности и к одиночеству тюремной жизни! Все дни похожи один на другой, как стертый медный пятак... Герцен в «Былом и думах» замечает, что в тюрьме человек приучается скоро, если он имеет сколько-нибудь внутреннего содержания. Я думаю, что я не лишен внутреннего содержания, поэтому буду надеяться, что и я скоро «приучусь»...»

И действительно Рютин привык, но это все равно не спасло его от гибели.

...Что ж, поднимай удивленные брови,
Ты, горожанин и друг горожан,
Вечные сны, как образчики крови,
Переливай из стакана в стакан...

Эти строки Мандельштам написал 18 июня 1932 года. А в конце августа — начале сентября мало кому известный тогда поэт Александр Кочетков написал свою знаменитую балладу «Вагон» («Балладу о прокуренном вагоне»). Помните этот рефрен-заклинание: «С любимыми не расставайтесь!..»

В балладе есть строки, написанные в связи с крушением поезда Сочи — Москва:

Нечеловеческая сила,
В одной давильне всех калеча,
Нечеловеческая сила
Земное сбросила с земли.
И никого не защитила

Вдали обещанная встреча,
И никого не защитила
Рука, зовущая вдали...

На этом оборвем мозаику жизни 1932 года и перейдем непосредственно к персоналиям.

УХОДЫ

Время всем нам разлучаться
Непременно притечет.
Н. Карамзин, 1787 год.

Мартиролог 1932 года открыл скончавшийся 14 января Юрий Ларин, один из создателей Госплана — этого тоталитарного монстра. Ларин был похоронен на Красной площади.

18 января скончался писатель Евгений Чириков. 10 апреля — Михаил Покровский, первый марксистский историк. Его книги, проникнутые ненавистью к угнетателям, были сильным оружием революционной пропаганды. После смерти Покровского его школа историков была разбита в пух и прах.

8 июля скончался Александр Грин. «Очень немногие писатели так чисто, бережно и взволнованно писали о любви к женщине, как это делал Грин»,— считал Паустовский. А вот мнение Даниила Гранина: «Грин — один из немногих, кого следует иметь в походной аптечке против ожирения сердца и усталости. С ним можно ехать в Арктику и идти на свидание — он поэтичен и мужественен».

5 августа не стало Саши Черного. Он умер в возрасте 51 года в местечке Лаванду, Франция. Его жизнь оборвалась неожиданно. Саша Черный умер, а вопросы, поднятые им в его политических сатирах, остались:

Где наше — близкое, милое, кровное?
Где наше — свое, бесконечно любовное?
Гучковы, Дума, слякоть, тьма, морошка...
Мой близкий! Вас не тянет из окошка
О мостовую брякнуть шалой головой?
Ведь тянет, правда?

Необходимо заметить, что эти строки были написаны аж в 1908 году в той России, которая нам кажется сегодня сверхблагополучной.

11 августа 1932 года умер Максимилиан Волошин. Еще 6 мая он записывал в дневнике: «Хочется событий, приезда друзей, перемены жизни...»

БСЭ издания 1951 года корила поэта, что он-де не понял Великую Октябрьскую социалистическую революцию... Нет, Волошин все понял и писал в начале 20-х:

Сколько понадобилось лжи
В эти проклятые годы,
Чтоб разорить и поднять на ножи
Армии, царства, народы...

В кровавую войну были вовлечены и дети. 3 сентября был убит 14-летний Павлик Морозов, «пролетарский орленок».

ЧЛЕНЫ «КЛУБА 1932»

Так уж заведено: одни уходят, покидают этот бренный мир («жизнь есть небес мгновенный дар»), другие появляются на этот свет («здравствуй, племя младое, незнакомое!..»).

Так кем же пополнилось человечество в 1932 году? Перечислим лишь тех, кто попал в различные энциклопедические словари, справочники, словом, тех, кто оставил след (или продолжает «следить», несмотря на возраст) или хотя бы что-то нацарапал на паркете истории.

Итак, «смотрите, кто пришел!» и кому было выдано свидетельство о рождении в 1932 году.

Начнем с политических и общественных деятелей. Если говорить о нашей стране, то это те, кто входил в партийную номенклатуру и благодаря ей взошел на Олимп. Например, Александр Власов: был кандидатом в члены всесильного Политбюро ЦК КПСС и председателем Совета Министров РСФСР. Правда, от всего этого остался пшик, но Власов, наподобие горьковского Барона, может все-таки утверждать: «Было! Было! Все было!..» В таком же положении (триумф в былом) находится Владимир Ивашко — первый зам. генсека и даже в течение нескольких дней единолично возглавлявший партию.

Из ныне действующих политиков, удержавшихся на волне событий, упомянем Витольда Фокина, нынешнего премьер-министра Украины.

Среди членов «Клуба 1932» есть и свой злодей. Это — Олег Бакланов, один из восьмерки главных путчистов. Бывший руководитель могущественного ВПК, секретарь ЦК. Увы, ему суждено свое 60-летие в этом году отметить отнюдь не за праздничным столом, в кругу семьи и друзей, а, как говорят в народе, в казенном доме.

Еще один полноправный член нашего условного клуба — Раиса Горбачева, жена президента.

В области отечественной науки достоверен лишь один член клуба — академик Абел Аганбегян.

Обратим взоры на профессионалов пера. Писатели в отличие от ученых более на виду (они сами пишут, о них много пишут), и поэтому здесь нас ждет значительное пополнение «Клуба 1932».

Начнем с писателей русского зарубежья, ибо среди них мы сразу находим три крупные фигуры: Василий Аксенов (родился 20 августа), Владимир Войнович (26 сентября) и Владимир Максимов (9 декабря).

Еще один зарубежник, член «Клуба 1932» — Фридрих Горенштейн, родившийся в Киеве. Он уехал из России, не успев прославиться. Теперь журналы и издательства его печатают, театры ставят.

Из живущих в стране самые именитые — поэт Роберт Рождественский (20 июня) и драматург Михаил Шатров (3 апреля). Последний родился под знаком Овна. У Василия Белова (23 октября) другой знак Зодиака — Весы. Впрочем, он и из другого лагеря.

Основательное пополнение «Клуба 1932» дали кинорежиссеры. Да и какие имена! Андрей Тарковский (родился 4 апреля) и Франсуа Трюффо (6 февраля), но ни тот, ни другой не дожил до своего 60-летия. Трюффо умер в возрасте 52 лет, Тарковский — в 54. При жизни гонимый и, по существу, изгнанный из страны, Андрей Тарковский после кончины был канонизирован (старая советская любовь к мертвому мастеру).

Еще два известнейших кинорежиссера: Милош Форман (помните «Гнездо кукушки»?) и Карлос Саура (знаменитый фильм «Кармен»).

От режиссеров к актерам. На зарубежном экране горят две звезды: одна суперзвезда — Элизабет Тейлор и просто звезда — Анук Эме.

Элизабет Тейлор — безусловная королева «Клуба 1932». По признанию прессы, она — женщина XX века. И не только благодаря своим новым ролям, но и благодаря сценам из личной жизни: недавно вышла замуж в восьмой раз — и это в возрасте почти 60 лет! Как признается сама Тейлор, она не может припомнить время, когда не была бы знаменита.

Несколько слов об Анук Эме — это псевдоним красивой, очаровательной актрисы, его нашел поэт Превер: «эме» в переводе означает «любимая». «Мой отец носил еврейскую фамилию Дрейфус. А с такой фамилией не так легко жить»,— рассказывает актриса.

Подведем итоги. Мы представили вам многих видных членов «Клуба 1932». Прокрутили кадры 60-летней давности. По осколкам и фрагментам собранного вы сами можете домыслить картину прошлого.

Итак, занавес, на котором блистали цифры «1932», опущен, и мы с вами переходим на другую сцену всемирного театра, где разыграется очередной спектакль. Занавес с новыми цифрами «1992» стремительно взлетает вверх. Что-то нам представят на этот раз?

Светская хроника

СТРИПТИЗ — ДЕЛО ТОНКОЕ

Много времени и сил потратила Алла Кирмусова, профессионал шоу-бизнеса, на преодоление социалистических стереотипов в мышлении всякого рода начальства. А намерения у нее были просты и понятны — открыть первую в Москве стриптиз-школу. Казалось бы, ничего страшного — о проституции мы говорим теперь открыто, свободно можно купить «Плейбой» и «Пентхауз», видеокассету любого содержания, вот-вот откроются в столице секс-шопы. Ан нет. Стриптиз — это слишком. Уже готовы у Аллы контракты с Польшей, Израилем, Турцией, Германией, уже ждет работы хореограф с мировым именем, уже нанята охрана для каждой девушки, загвоздка в одном — негде провести отборочный тур. Причем уже в восьмой раз повторяется одна и та же ситуация: Дом культуры рад принять все это под свое крыло и получить деньги за аренду, но директора предприятий, которым принадлежат дома культуры, категорически против. Последним был директор завода «Салют», сказавший: «Разврат запретить!» К этому времени у Аллы на одну рекламу были затрачены десятки тысяч рублей. Ситуация была критической. Однако свет не без добрых людей — необычную компанию согласился принять у себя спортивный комплекс «Измайлово». Теперь после четырех дней отборочного тура самые грациозные и сексапильные приступят к двухмесячному обучению (стоящему, кстати, 2 тысячи рублей), чтобы потом разъехаться по всему свету.

Особо Алла Кирмусова подчеркивает, что основа этого ремесла — профессионализм, железная дисциплина и примерное поведение.

Контактный телефон: 369-43-52 (с 9 до 14).

СОБИРАТЕЛЬ ПРОКОЛОВ

14 222 доллара — такова стартовая цена уникальной композиции под названием «Дороги России», которая будет продана с молотка на аукционе «Сотби» или в Международном автосалоне при посредничестве редакции русского издания Книги рекордов Гиннесса. Продаваемый экспонат действительно ошеломляющ: это классический ретроавтомобиль начала века размером 80 на 50 сантиметров и весом 6,5 килограмма, сделанный из металла, стекла, кости, дерева, бетона и других материалов, являющихся обычной причиной взрывов автопокрышек на дорогах. Весь этот колюще-режущий ассортимент, насчитывающий 2222 элемента, в течение долгих лет собирал на шоссе для своей модели Александр Михно, горный инженер из Железноводска (Ставропольский край). Теперь результат его усилий занесен в Книгу рекордов Гиннесса. Рекордсмен желал бы, чтобы его изделие осталось в России,— есть же у нас солидные фирмы и кредитоспособные коллекционеры. А. Михно полагает, что запрашиваемая им сумма отнюдь не велика. К тому же он допускает и бартер: готов поменять плод своего вдохновения на современную машину марки «мерседес», «тойота» или «вольво».

Что ж, запросы инженера вполне умеренны. Все познается в сопоставлении: на крупном аукционе в США бюстгальтер певицы Мадонны ушел за 9000 долларов, хотя не она его смоделировала и сшила.

ОБОШЛИСЬ БЕЗ ПАТРИАРХОВ

У шоумена Игоря Угольникова возник проект более чем оригинальной аранжировки Гимна СССР. Неизвестно, как отнесся бы к этой затее композитор А. В. Александров, но отечественные любители музыки с энтузиазмом восприняли уже неоднократно крутившийся по телевидению клип с участием Маликова, Кутикова, группы «Секрет», вокалистов «Рондо» и «Черный кофе», Е. Семеновой, Отиевой, дуэта «Академия» и многих других.

Наверное, у более искушенных меломанов возникло вполне оправданное недоумение: а где же наши рок-ветераны? Ну, «Машину времени» представлял Кутиков, а Андрей Макаревич сознался, что уехал за границу специально, чтобы не участвовать в записи. Тогда же он отказался от звания патриарха русскоязычного рока, переадресовав его А. Градскому. Патриарх же не только отказался от участия в исполнении Государственного гимна, но и обрушился в прессе на неэтичных музыкантов, назвав эту акцию «варварской, дикой и провокационной по отношению к собственному народу».

Между тем в музыкальных тусовках ходят упорные слухи, что изначально к идее рок-аранжировки гимна Градский отнесся более чем заинтересованно. Все дело, как говорят, в возникших трениях по поводу количества исполняемого им текста. Патриарх претендовал на целый куплет, а выделили ему строчку, от силы — две. «Маловато будет»,— будто бы решил Александр Градский...

С МИРА ПО ТИТУЛУ

Однажды обаятельная москвичка Полина Журавлева решила на Бога не надеяться — карьеру фотомодели и манекенщицы сделала самостоятельно. В 1990 году она с большим успехом представляла нашу страну на всемирных выборах «Королевы красоты».

Почти месяц длился этот красочный шоу-марафон, за время которого 39 красавиц объехали всю объединенную Германию. На гала-представлении, состоявшемся в Баден-Бадене, Полина покорила публику и жюри грациозностью, озорным артистизмом. Организаторы конкурса с американской стороны присвоили ей громкий титул «Мисс Голливуд». Кроме того, войдя в десятку финалисток, Полина Журавлева получила еще один титул — «Мисс Интерконтинентал».

В конце 1991 года Полина стала победительницей конкурса, организованного объединением «МММ». И теперь к ее шикарным титулам прибавится не менее роскошный — «Мисс МММ». Со всеми вытекающими последствиями, которые, скажем так, весьма привлекательны: престиж, высокий гонорар, интересная работа в рекламе. Фирма «МММ», по словам ее рекламного директора, обретает новое лицо, именно поэтому и понадобились услуги титулованной красавицы.

А сама победительница пока готовит себе будущее: она учится на третьем курсе Московского технологического института. Ведь не всегда же быть фотомоделью, ее век короток. После института она намерена заниматься другим любимым делом — конструированием одежды.

СТАРИННЫЕ ЧАСЫ ЕЩЕ ИДУТ...

Эх, не стареет душой ветеран отечественной эстрады! «Молодежный» период Аллы Борисовны Пугачевой успешно продолжается. Хотя она в своем давнем интервью всерьез утверждала, что этот период канул в Лету: мол, спасибо Игорю Николаеву, Владимиру Кузьмину!

Но, как недаром говорится, свято место пусто не бывает. И вот уже в роли партнера Пугачевой прочно закрепился Сергей Васильевич Челобанов, лидер группы «Аш-бэнд». Надо сказать, партнером он оказался весьма достойным. Под стать Алле Борисовне.

Их совместный видеоклип «Незваный гость» после выхода в эфир породил у публики противоречивые чувства: то ли радоваться актерскому мастерству Пугачевой и Челобанова, разыгравших страстную любовь, то ли возмущаться их разнузданным поведением на глазах миллионов зрителей. Разобраться в этом действительно сложно. Алла Борисовна всегда обладала скандальным умением смешивать творческую и личную жизнь. Так она поступает и сегодня, появляясь со своим творческим партнером в разных общественных местах, например, на концертах в Московском дворце молодежи.

ГОЛОС РАЗДАЕТ АВТОГРАФЫ

Недавно город на Неве с краткосрочным частным визитом посетил эфирный друг всех отечественных рок-фанов, ведущий музыкальных программ Би-би-си Сева Новгородцев (с супругой). Пресс-конференций боец невидимого рокфронта не устраивал и интервью не давал. Правда, тинэйджеры, узнававшие знаменитость на улице и в метро, одаривались фотографиями с автографом. Но таких счастливцев оказалось не слишком много. Ведь голос Новгородцева гораздо больше известен, чем он сам.

БОТФОРТЫ МОЖНО ВЫКИНУТЬ

В преддверии Нового года особенно мучает вопрос, что будут носить в следующем, 1992 году. С этим вопросом «Светская хроника» обратилась к Наташе Медвицкой, художественному руководителю центра моды «Азия». Именно к ней потому, что, как говорят, она обладает даром предвидения. На следующий год Наташа напророчила простоту линий и популярность классики. Сен-Лоран, Шанель и все такое прочее. Особое место, как считает Наташа, займет «русская струя» — орнамент, яркие платки. Каблук — невысокий, спокойный. Длина одежды — чуть выше колен. Минимум бижутерии, но при этом одежда отделана «золотом», бисерной вышивкой — это новое, дорогое направление. Цвета яркие, радостные — красный, белый.

Теперь о макияже. Никаких румян, никаких выщипанных бровей! Чистые лица и яркие губы. Максимум естественности и женственности. Яркий, обильный макияж, как и короткие юбки, как и сапоги-ботфорты, будет уходить.

Напоследок Наташа вселила в нас оптимизм и гордость, сказав, что наши женщины одеваются совсем неплохо — элегантно, со вкусом, изобретательно.

ЗАСТОЙНАЯ ПРЕССА БЫЛА ПРАВА

Журналисты телеканала «Си-эн-эн» и еженедельника «Тайм» провели телефонный опрос тысячи жителей Нью-Йорка на тему: что думают горожане о своем городе?

Выяснилось, что жизнь в Нью-Йорке за последние годы ухудшилась. Таково мнение 68% опрошенных. Только 7% жителей города отметило, что жить стало лучше. В подтверждение того, что «жизнь в Нью-Йорке выявляет худшее в человеке», высказалось 48% опрошенных. Наконец, с утверждением «чтобы жить в Нью-Йорке, человек должен быть сумасшедшим», согласилось 52% горожан.

Выходит, права была так называемая застойная пресса: плохо живется американцам в их Америке. И нашему человеку туда стремиться, естественно, незачем.

ОДЕЖКА ВЫДАЛА... С ГОЛОВОЙ

В Херсонском парке имени Ленина стоит памятник Владимиру Ильичу, облаченному вопреки исторической правде в военную шинель. Эдакая несуразица удивляет всех, кроме местных жителей, которым известно, что туловище «стойкого солдатика» принадлежит Великому Кормчему. После 20-го съезда КПСС смышленые херсонские скульпторы преспокойно открутили изображению генералиссимуса голову, заменив ее затем головой другого вождя. А поскольку шинель со статуи убрать не получилось, посреди города так и стоит символический симбиоз Ленина со Сталиным.

Смотреть на такое, говорят, боязно.

ЗАХОДИТЕ К НАМ НА ОГОНЕК

5 декабря наконец состоялось официальное открытие отреставрированного «Метрополя». Сервис потрясал: журналистов, собравшихся на пресс-конференцию, прямо-таки заставили себя почувствовать «белыми» людьми, предложив перед конференцией слегка позавтракать: «Вам кофе или чай? С лимоном или без?», а после — плотно пообедать с шампанским и нерусским пивом, за которым даже собралась некоторая очередь.

На пресс-конференции присутствовали представители иностранных фирм, участвовавших в реставрации гостиницы, и те, кто будет принимать участие в ее эксплуатации. Сервис, как дали понять, будет экстра-класс — как раз на пять звездочек. Правда, не всем доступный: проживание в гостинице будет стоить от 300 до 1400 долларов в день. Гостям будет предоставлена возможность почувствовать в этом отеле русский колорит: поесть истинно русской пищи, отдохнуть и расслабиться по-русски. Кстати, самые важные работы по реставрации наиболее дорогих предметов интерьера были выполнены все-таки отечественными мастерами.

Надо сказать, что главное достижение администрации этого роскошного отеля — такой обслуживающий персонал, что от его вежливости становится жутковато. Это единственное, что сделано не по-русски.

«ЗАТО ЧИТАЛ АДАМА СМИТА»?

В 1812 году, ожидая вторжения Наполеона, британцы посадили в Дувре человека на зарплату. Вся его работа состояла в том, чтобы сидеть на берегу моря, смотреть в бинокль на французский берег и выстрелить из пушки, как только он увидит приближающегося Наполеона. Знаете, когда эта должность была отменена? В 1947 году.

Сей исторический анекдот, иллюстрирующий, по-видимому, мысль о вырождении в полную идиотию любого дела, если оно в руках государственной бюрократии, рассказал идеолог приватизации в Англии, директор британского института Адама Смита д-р Имон Батлер. Сделал он это, по свидетельству израильской газеты «Время», в Иерусалиме на конференции «Новая экономика — новая политика». Ее участники, толкуя, естественно, об экономике Израиля, не могли по ходу дела не вспоминать и о нашей стране. Так, тот же д-р Батлер, говоря, что в компании «Бритиш Эйруэйз» лет 15 назад, до того как ее приватизировали, относились к пассажирам как к неизбежному злу, заметил: «Аэрофлот, впрочем, стоит на еще более принципиальных позициях — там пассажиров считают злом, но само это зло не считают неизбежным».

Выступивший на конференции наш Николай Шмелев произвел впечатление на своих коллег, видных экономистов со всех концов света, не столько апокалипсическими картинами нашей с вами жизни, сколько своими соображениями о путях и способах спасения, в том числе и тем, что на «долгий и сложный процесс приватизации» он отводит лет восемь — десять...

Д-р Батлер в частной беседе высказал совершенно искреннее потрясение от доклада советского профессора: «Этот человек говорит так, словно он не подозревает о существовании рыночной экономики! Где он провел последние 50 лет?!»

«Где, где... Мы с вами знаем где»,— меланхолически констатирует корреспондент газеты «Время».

ПОЧТА «СВЕТСКОЙ ХРОНИКИ»

Заметка «Анжелика без короля» («Огонек» № 42) вызвала поток писем от претендентов в Анжеликины короли или по крайней мере принцы. Судьба белорусской красавицы не оставила равнодушными коммерсантов, врачей, людей неопределенного рода занятий, зека и др. Все эти джентльмены, не скрывая присущей им галантности, предлагают Лике Ялинской руку и сердце. Решающее слово остается за Ликой. Публикуем в сокращении одно из наиболее выразительных писем.

«В вашей «Светской хронике» имел честь прочесть весьма важные для меня вещи. Настоятельно прошу, если есть в вас что-либо человеческое, помогите мне найти ее! Это судьба. Лике нужен я, понимаете? Ей нужен муж, вы сами писали, а ее дитю отец. Вы же тоже когда-то любили, поймите: здесь такой шанс! Его нельзя упустить, чтобы опять за ним не гоняться. Вот она, принцесса, какую увидишь разве что в телевизоре или на картинке. Жду ответа, застыв в глубоком пардоне.

С искренним уважением,

Мишель».

«НАЗОВЕМ ЭТО ПРОСТО СВАДЬБА»

В московском театре «Эрмитаж», заслужившем славное прозвище «цитадели отечественного обэриутства», состоялась презентация номера журнала «Театр», посвященного ОБЭРИУ. Собравшимся там гостям сразу же скучно не показалось: театральный предбанник был сплошь уставлен подержанной обувью, из которой произрастали цветы. Стены театральных закоулков мочили публике голову надписями такого рода: «Назовем это просто свадьба», «По морде таких! Да, по морде!», «Дом с клювом, дитя с татарином, корабельщик в керосине» и т. п. Первая часть представления была представительна: на сцене побывали господин Левитин, главреж театра «Эрмитаж», господин Салынский, главред журнала «Театр», хлебниковед Р. Дуганов, концептуалисты Л. Рубинштейн и В. Коваль и другие привлекательные лица. Затем состоялось представление по мотивам сочинений Даниила Хармса «Там быть тут», доведшее публику до истерически изнурительного хохота, переходящего в икоту и затяжной банкет. Спонсором этого безобразия явилась коммерческая фирма «День».

Выпуск подготовили Вера Лаврешина, Юлия Сударенко и Светлана Бавыкина. Им помогали Юлия Масленникова, Александр Чернушкин, Василий Тянитолкаев, Петр Дударев, Елена Ромейкова и другие. Рисовала Евгения Двоскина. Фото Алексея Нешина и Сергея Крайнева. Использованы материалы «Евро-Икс». Будем благодарны вам за информацию о сенсациях, интересных фактах и событиях. Ее можно сообщить по телефону: 212-23-07.

АПАРТЕИД?

Начало на стр. 7.

Отсюда — идея быстро «поправить» демографию выдавливанием. Кадровый протекционизм, гражданское сито, языковое давление, развитие программы деоккупации в программу деколонизации, прямые призывы убираться...

Если раньше все это было политикой крайних лидеров Конгресса граждан и Движения за национальную независимость, а сам Народный фронт противостоял ей, то теперь новое руководство НФЛ утратило иммунитет к бацилле национал-радикализма. И давит на парламент, на свою фракцию в парламенте всем весом движения. Вот в чем драма.

— Вы сказали, что популярность фронта невелика...

— Знаете, много лет назад Шойман и Хайновский сделали документальный фильм о Кампучии — «Ангкор». Ангкор — это организация с большой буквы. Организация считает... Организация сказала... Никто не знает, что это такое, но все боятся. Удивительно, но на IV съезде НФЛ не нашлось никого, кто бы открыто заявил, что неприлично делать из национальности профессию. Хотя вокруг, особенно в провинции, масса трезвых людей. Я имею в виду латышей. То же самое — с депутатским корпусом: редко кто находит в себе силы плыть против течения.

— Изменит ли что-либо в этом смысле ноябрьский раскол фракции НФЛ?

— Думаю, да. Из парламентского большинства вышла группа национал-радикалов в 31 человек, надеясь развалить фракцию. Но оставшиеся — около 100 — взяли на себя ответственность за судьбу Латвии. Большинство из них понимает, что национальное давление может породить только национальные столкновения. Кровь. Представьте себе, что это значит при соотношении 52:48.

— Вы допускаете такое развитие событий?

— Нет, если у нас есть время. Если мы успеем сформировать прочный парламентский центр... Если не рухнет экономика. Если не случится структурной катастрофы на Востоке. Мы все чаще с тревогой смотрим на Восток.

Кроме того, снимая национальный угар коренных, важно вести вязкий и трудный диалог с некоренными. Тут тоже процветает своя воинственность. «Обходился и буду обходиться без вашего языка... Был Союзом и буду Союзом. И вообще нас почти половина, пусть только тронут...» Способны ли некоренные интегрироваться? Будут ли они служить своему новому Отечеству? Будут хотя бы лояльны?

— Будет ли лояльным русскоязычное население, если уже сейчас принято постановление о гражданстве, существенно ограничивающее их права? По правде говоря, когда я в прошлом году писал статью для журнала «Деловые люди» и упомянул в ней, что есть проект закона о гражданстве, напоминающий печально известный апартеид, я упомянул об этом как о проекте, имеющем невысокую вероятность реализации. Не верилось, что цивилизованный, европейский народ пойдет на такое. Но вот реальностью стали и шестнадцатилетний ценз оседлости, и невозможность двойного гражданства, и обязательное — с экзаменом — знание латышского языка, экзамен на знание конституции, клятва верности для каждого, кто не проживал в Латвии до 1940 года, и их потомков, а главное, существенные ограничения для принятия в гражданство: не могут быть гражданами ранее судимые, если с них не снята судимость, алкоголики и наркоманы, люди, распространяющие идеи шовинизма, фашизма, коммунизма и другие идеи тоталитаризма, а также идеи классовой диктатуры, присланные после 1940 года кадровые партийные и комсомольские работники, те, кто живет без легальных источников существования, а также те, кто после 1940 года избрал ЛР в качестве места жительства после демобилизации из Вооруженных Сил СССР, внутренних войск и органов безопасности, если они призывались не с территории Латвии. То есть все мужское население, когда-либо, хотя бы и насильственно, призванное в армию. А если учесть, что в шестидесятые годы в армию призывались и женщины, то и часть женского. Все это, разумеется, относится лишь к нелатышскому населению.

И после этого им предлагают быть лояльными?

— Это действительно тяжелый и больной вопрос. Например, я переживаю это как свое личное поражение. Недавно здесь был министр иностранных дел ЮАР Рулоф Бота. Он справедливо поздравил нас с вступлением в полосу апартеида, из которой его страна выбиралась столь долго и мучительно. Действительно, мы приняли постановление, которым вернули гражданство тем, кто жил здесь до 1940 года, и их потомкам. Это не только латыши, среди них и 310 тысяч человек нелатышского населения. Но за бортом оставался почти миллион человек. Они, согласно радикальной точке зрения, являются гражданами другого государства и могут натурализоваться по критериям, которые вы перечислили. Тяжелые критерии. И все же я, депутат, голосовал за этот документ. Почему? Потому что он решает обе проблемы одновременно — и восстанавливает гражданство для одних, и открывает путь натурализации для других. Напомню, НФЛ требовал, чтобы натурализацией распорядился лишь будущий сейм. То есть если миллион отталкивался от выборов. Фракция НФЛ в парламенте ослушалась на этот раз, настояла на принципе одновременности, уступив, правда, радикалам жесткость критериев. Мы надеялись, что при конкретизации постановления закон о гражданстве удастся смягчить. Но пока не удалось. Самое тяжелое — даже не нормы, а сроки: успеем ли мы до выборов натурализовать хоть кого-нибудь?

— Учитывалась ли возможная реакция Запада в части соблюдения прав человека?

— Она ожидалась. Но, кроме частных предупреждений крупных государственных деятелей и старческого журения со стороны Европейского совета и Международного банка реконструкции и развития, а также отдельных министров иностранных дел, ничего не было. Единственный серьезный документ мы получили от Хельсинкского комитета, в нем было сказано, что это прямая дискриминация.

— А реакция нелатышей в Латвии?

— Есть три причины, по которым нелатышское население практически не отреагировало на это постановление. Первое — после августа были сильно деморализованы люди с имперским мышлением (это 400 тысяч), а их организации разрушены. Те же, кто на референдуме 3 марта проголосовал за независимую демократическую Латвию, глубоко разочарованы, удручены. Второе — парламент принял довольно тяжелое положение об аттестации руководителей предприятий, которые из союзного подчинения перешли под юрисдикцию ЛР. Аттестация проводится по принципу все той же лояльности и благонадежности. Значит, теперь все административные, финансовые и кадровые руководители, естественно, трясутся за свои места и не допустят на своих предприятиях рабочих волнений.

И, наконец, третье: принято дополнение к Уголовному кодексу в части, касающейся антигосударственной деятельности и призывов к ней.

— Что-то похоже на сталинскую 58-ю статью?

— Речь идет о свержении силой и призывах к свержению силой. Но разве мы знаем, как все можно истолковать!

— Значит ли это, что в Латвии могут появиться свои политзаключенные?

— Могут. Если кто-то не удержится в рамках легальных форм протеста. Как вы понимаете, я не оправдываю поправки к УК, но следует отметить, что они были вызваны рубиксовщиной, беспределом ОМОНа, бэтээрами и взрывами.

— Говоря об откликах на принятие дискриминационного постановления о гражданстве, вы не сказали о реакции России, а она, учитывая возрастающее давление на Ельцина в части защиты русскоязычного населения за пределами России, может быть резкой. Знаю, например, что лишь частичная экономическая блокада Литвы летом 1990 года нанесла тяжелейший удар по экономике этой республики.

— Что касается России: во-первых, если она начнет нас защищать так же топорно, как это делал Союз в январской Литве, то это лишь радикализирует ситуацию. Каждая игра мускулами, каждая провокация невзоровых, каждое кликушество жириновских оставляют тут шрамы. Хризостом в Вильнюсе сказал точно: защитники уйдут, а мы-то останемся. Надо думать о завтрашнем мире. При любом давлении на Ельцина у России сейчас не будет ни сил, ни времени заниматься проблемами своих граждан в Латвии или еще где-то. Ведь на Кавказе или в Средней Азии ситуация еще хуже. В Молдове хуже. Неизбежно возникнут антирусские настроения и на Украине. Но и этими зонами Россия заниматься не сможет по двум причинам. Первое: она стремительно движется к структурному хаосу, и он станет реальностью к марту 1992 года. Последуют экономические волнения. Не знаю, кто их возглавит, видимо, профсоюзные структуры. Но знаю, что экономический пафос потребует политических объяснений и скорее всего приведет к кризису демократии.

Второе: национальное возрождение автономий и все процессы, с ним связанные. За два года до событий в Чечне уже можно было прогнозировать развал России по линии автономий, подобный распаду СССР по линии республик. Это неизбежный процесс. За ним последует третий разлом — по линии естественных экономических зон, населенных русскими. Возникнет тенденция к образованию трех — пяти русских государств.

России сегодня не до нас.

Что же касается экономического давления, то оно и малореально, и обоюдоострое. Сейчас Россия приостановила нам поставки нефтепродуктов не потому, что хочет оказать на нас давление, а потому, что не может их обеспечить. Скажем, Годманис предупредил Силаева, что если не возобновятся поставки бензина, то мы примем ответные меры: прекратим транзит нефти через наши терминалы на Запад. Но Россия и себя-то не может обеспечить бензином. Очереди на заправках Москвы и Питера. А в Калининграде просто ноль.

Кроме того, Латвия тоже может серьезно влиять на экономику России. Та специализация, какая внедрялась в шестидесятые — семидесятые годы, привела к тому, что в ЛР есть ряд монопольных производств, остановка которых может привести к краху производства в России и в бывшем Союзе. Только один пример: у нас в Риге есть крупнейший завод автоэлектроприборов. В стране всего три таких завода, каждый со своей специализацией. С рижского комплектуются такие гиганты, как Тольятти, ЗАЗ и КамАЗ. Значит, если наш завод даже не остановится, а лишь допустит сбой, встанут эти гиганты. Напряжение поставок таково, что приборы еще на сборке, а самолет из Тольятти уже ждет. У нас в республике 27 таких предприятий.

Мы так тесно связаны, что ни о каком экономическом давлении с любой стороны и речи быть не может. Давайте вспомним, что первый сбой возник, когда в маленьком Нагорном Карабахе остановился конденсаторный завод, и немедленно всю страну залихорадило.

На мой взгляд, любое давление сейчас может привести лишь к быстрейшей переориентации на Запад и еще большей радикализации обстановки. Но надо же думать о русскоязычном населении, как это отразится на отношении к нам. Ведь нам здесь жить. А такое не скоро забывается. И так уже наломали дров.

— Итак, вы не рассчитываете ни на реакцию Запада, ни на защиту России. Вы лично. Тогда на что же?

— Только на стабилизацию демократического центра в нашем парламенте, на образование демократических партий, а также на то, что свободное предпринимательство интернационально по сути. Мы сами должны изменить политическую температуру в своем государстве. Никто за нас этого не сделает.

— Не сходны ли воззрения ваших национал-радикалов с идеологией «Памяти» в России, с той лишь разницей, что «Память» винит во всем евреев, а ваши «патриоты» — русских?

— Есть разница между национализмом большого и малого народов. Национализм малого народа толкает его на экспансию по отношению к внутренним инородцам, а национализм большого приводит к развязыванию войн. Хотя, по сути дела, любой национализм есть опасное бескультурье.

— В положении и проекте закона о гражданстве есть запрет натурализации военных преступников. В то же время в республике фактически реабилитированы легионы СС, легально устраиваются их встречи, и поскольку они жили в Латвии до 1940 года, гражданство обеспечивается им автоматически. Логично ли это?

— Давайте говорить, что легион — это наше белое движение. Что такое вот эти 200 тысяч мужского населения республики, прошедшие через легион? Ведь легион возник лишь после того, как немцы открыли захоронения в Литене. Тут, на территории Латвии, была своя Катынь и свои Куропаты. И на этом пафосе, на этом ужасе правды о большевистских зверствах в Латвии и возник легион. Причем если призыв 1941—1942 годов — это добровольцы, то в дальнейшем призыв осуществлялся принудительно, и даже сталинская карательная машина дифференцировала их по году призыва.

— Известно, что квалифицированные рабочие в республике по преимуществу русские. Есть заводы, практически стопроцентно укомплектованные русскими кадрами. Нет ли опасения, что в результате дискриминации отсюда начнется утечка и рук, и мозгов?

— Никто никуда не уедет, потому что ехать некуда. На Востоке отсутствует рынок жилья, а на Западе они никому не нужны. Миграции на Восток отсюда не будет еще и потому, что Россия сейчас — наиболее опасная зона для человека, который строит какие-то планы на будущее. Так что уезжают только совсем уж запуганные люди или те, кто нигде не может устроиться, потому что никому не нужен. Остальные останутся здесь и будут бороться за свои права. Например, я и моя семья. И даже не потому, что мне некуда ехать, у меня есть работа и на Востоке, и на Западе. Но моя родина — Латвия.

Глядя на стрелки часов

Как было бы прекрасно под Новый год встретиться с писателями и поэтами, узнать «о ваших творческих планах», о новогоднем настроении, о сокровенных мыслях... Примерно такую акцию и задумали мы. Но... По разным странам и континентам разбросана сегодня русская литература. Да и что скажешь по телефону или факсу? Поэтому к традиционным новогодним приветам Иосифа Бродского, Михаила Барышникова из Нью-Йорка, Анатолия Гладилина из Парижа мы присоединили дневниковую запись Давида Самойлова, еще одну «мысль врасплох» Андрея Синявского, которая совершенно случайно не поместилась в прошлом номере, и стихи Наума Коржавина.

...Итак, представьте, что вы сидите за новогодним столом, совершенно один, и ждете гостей. Вам хочется в эти минуты подумать о вечности, о чем-то важном. Нам представляется: то, о чем говорят ниже наши писатели, имеет ко всему этому отношение.

Анатолий ГЛАДИЛИН:

«ЗА ВЕРУ И НЕДОВЕРИЕ!»

Мысленно присутствуя за праздничным столом, я желаю своим землякам здоровья, счастья, спокойных мирных лет, лучшей доли, которую они бесспорно заслужили. Я искренне хочу, чтоб в Москве свершилось чудо, чтоб были продукты в магазинах без толчеи и озверения, чтоб в трескучий мороз в домах не отключались батареи, чтоб вечерами по улицам можно было безбоязненно гулять, чтоб забегали по городу зеленые огоньки такси,— словом, хоть небогатого, но нормального быта. Но главное, как это ни парадоксально звучит, я прошу россиян не верить в чудеса и в первую очередь не верить тем людям, которые взахлеб обещают, что чудеса немедленно свершатся.

Париж.
(По телефону.)

Иосиф БРОДСКИЙ:

«ЗА СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО!»

Что пожелать? Простых вещей — здоровья и того уровня благополучия, который бы людям хотелось обрести. Ну и больше терпимости друг к другу, ко всем и вся. Ну что еще?

...Вообще, чего действительно я бы желал — чтобы страна занялась в первую очередь сельским хозяйством, а потом уже говорила о политических организациях, индустрии и так далее. Потому что это чрезвычайно опасная вещь — что в течение последних 150—200 лет все социальные теории, которые изготовлялись,— это были политические идеи, которые изготовлялись для горожан, для людей, которые жили в городе, они были синонимичны городу и всем фазам, которые переживает общество на территории города. Крестьянство и вообще все, кто связан с сельским хозяйством, предполагались как нечто вторичное, как консервативная масса, невосприимчивая к новому, и так далее... Поэтому они были как бы не члены общества, но слуги общества, люди второго сорта.

Ведь действительно, когда живешь в городе, фабрика представляется чем-то более конкретным, чем поле,— оно изгибается, холмится и так далее. И на протяжении последних 150 лет, повторяю, все преобразования шли по этой линии — линии преобразования городской культуры, городского общества. Это не только в Советском Союзе, это повсеместно, во всем мире. И до сих пор, когда говорят о преобразованиях, происходит то же самое — телегу ставят впереди лошади. Я считаю, что в первую очередь нужно обеспечить достаточный уровень продовольствия, а это делает только сельское хозяйство. Иначе все эти разговоры, политические дебаты в высшей степени невнятны. Если бы я оказался во главе какого-либо государства, я бы постарался привести в порядок сельское хозяйство. А потом уже думать о других реформах. Пока этого не произойдет, будет продолжаться топтание на месте с массой драм. Это мое глубочайшее убеждение.

Один мой знакомый говорит, что положение спасут профсоюзы, рабочий класс, когда все возьмет в свои руки. Но при всем моем расположении к рабочему классу (к которому я когда-то принадлежал) он не заслуживает большего уважения, чем интеллигенция: никого так не легко охмурить, напугать, запутать. Что происходит с рабочим классом здесь? Его делают участником прибылей, и это конец синдикалистской грезы. Где был рабочий класс в двадцатые, в тридцатые годы, когда крестьянство резали и голодом морили? Я думаю, что надо начинать не с рабочего класса, а с крестьянина. Но это мои частные соображения.

Михаил БАРЫШНИКОВ:

«ЗА БЛИСТАНИЕ БАЛЕТА!»

Я могу только присоединиться к тому, что сказал Иосиф. И пожелать еще — мне бы очень хотелось на это надеяться — возрождения большого русского искусства. Того, которое удивляло в начале века и в годы тоталитаризма не имело возможности развиваться. Ведь и сегодня сложилась грустная ситуация: есть в стране прекрасные танцовщики, но нет балетной школы, не у кого учиться. Я думаю, самое важное сегодня — возродить традицию. Хотя на это потребуется время, лет тридцать или двадцать по меньшей мере. Может быть, впоследствии русский балет снова будет блистать на мировой сцене.

Нью-Йорк.

Давид САМОЙЛОВ:

«ВАЖНЫ НЕ ТЕ, ДЛЯ КОГО ИДЕИ БЫЛИ ЛОЖЬЮ...»

Сейчас модно писать, что наша идеология быстро выхолащивалась и становилась бессодержательной, а то и вовсе всегда была бессодержательной, то есть ложной.

Может быть, и так, хотя, видимо, не совсем так.

Но дело-то не в том, идеология была ложной и бессодержательной для идеологов — она была реальной и содержательной для нас.

К примеру, если даже интернационализм к 30-м годам стал псевдонимом сталинского державного эгоизма, то в нас он оставался чистым, элементом воспитания и реальным взглядом на проблемы взаимоотношения наций: не важно, что его нет в недрах официальной идеологии, важно, что он остался признаком идеологии моего поколения, его мыслящей части.

Важны не те, для кого идеи были ложью, а те, для кого они были правдой.

Андрей СИНЯВСКИЙ:

«ГОСПОДЬ БЛАГОСЛОВИЛ МЕНЯ ТОГДА НА ЭТОТ СМЕХ»

Сидел в ресторане и смотрел по сторонам. Дело было днем, народу было мало, и народ поднабрался все какой-то случайный, понаехавший из провинции или вздумавший покушать в роскошной обстановке раз в жизни. Мне — случайному здесь — было интересно разглядывать этих случайных людей.

На глаза попалась девица, простоватая, в мелкой завивке, с непомерно разинутым ртом. Она громко смеялась, выказывая крупные зубы, непривычно захмелев от сладенького винца. Я смотрел на нее и думал, до чего же она уродлива, и возмущался этим не замечающим себя, самодовольным уродством. Мне казалось, она не имеет права не то что сидеть за столом, но вообще существовать на земле, и как этой девушке не стыдно быть такой безобразной, и как она может еще смеяться при своем безобразии?..

И вдруг я подумал, и эта мысль как-то поразила меня, настолько поразила, что я теперь постоянно к ней возвращаюсь, хотя пора бы забыть,— я подумал: «А какое, собственно говоря, ты имеешь право осуждать эту девушку, если сам Бог терпит ее присутствие? Если всем нам, таким некрасивым, ничтожным, Он позволил существовать. Вот мы сидим и презираем друг друга и готовы стереть друг друга с лица земли, а Он, отлично видя всю нашу некрасоту, тем не менее разрешает нам жить, хотя мог бы в два счета прекратить наше развязное, кичливое существование. Какие у тебя полномочия не допускать эту уродку, ежели Он, неизмеримо прекрасный, ее допустил?!»

Это сознание моей неправоты, столь очевидной перед Его позволением, повергло меня в неожиданно смешливое настроение. Я потешался над собою и трясся от тайного смеха, сохраняя внешнее благообразие, потому что находился не один в ресторане, а в приятельской компании. Но в глубине души я покатывался и хватался за бока, словно чувствовал на себе снисходительный, ласковый взгляд. Посматривая на девицу, которая в результате всего не стала привлекательнее, я веселился так, как давно не делал. Но мое веселье в эту минуту не содержало зла и было исполнено благодарности к мысли, которая открыла все это и тоже смеялась надо мною и надо всеми нами необидным, светлым смехом. И мне до сих пор кажется, что Господь благословил меня тогда на этот смех.

Наум КОРЖАВИН

ТЕМ, КТО МОЛОЖЕ

Наш путь смешон вам? —
Думайте о нем.
Да, путались!..
Да, с самого начала.
И да — в трех соснах.
Только под огнем.
Потом и сосен никаких не стало.

Да, путались. И с каждым днем
смешней,
Зачем, не зная, все на приступ
лезли.
...И в пнях от сосен. И в следах
от пней.
И в памяти — когда следы исчезли.

Ах, сколько смеху было — и не раз,—
Надежд напрасных, вдохновений
постных,
Пока открыли мы — для вас!
для вас! —
Как глупо и смешно блуждать
в трех соснах.

НАДЕЖДА

Нет, не сама стопы направила
Ты в эту тьму — волос не рви.
Была проиграна ты дьяволу
Во имя Света и Любви.

То дальний блеск, то лужи
строек лишь...
Да знал ли тот игрок шальной,
С кем и на что играл —
и проигрыш
Какой оплачивал ценой?

Не знал... Но верил в даль,
в движение.
И в споре с веком и судьбой
Полет души и напряжение
Всю жизнь поддерживал борьбой.

Теперь глядит глазами шалыми,
Как бьется, ужаса полна,
В когтях чертей страна усталая,
Проигранная им страна.

И на душе-то — ох, не весело.
Но есть надежда — божий суд,
Где с подписью его все векселя,
Как при мошенстве — не учтут.

*** * ***

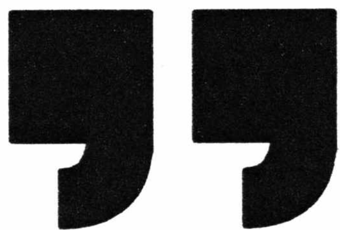
Дни идут, а в глазах — пелена.
Рядом гибнет родная страна.

Мало сил... Все тусклей боль и
стыд.
Я кричу, а душа не кричит.

Я свой крик услыхать не могу,
Словно он — на другом берегу.

СЕРВОИМПОРТ

в партнерстве с в/о "Союзснабимпорт" СССР

А/О Сервоимпорт

Сегодня это автомобили наиболее популярных и престижных европейских производителей на советском рынке.

Мы гарантируем Вам оптимальные варианты покупки с нашего консигнационного склада.

ВАШИ МАШИНЫ ЖДУТ ВАС.

VOLVO, OPEL, NISSAN, CITROEN.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕНЫ!

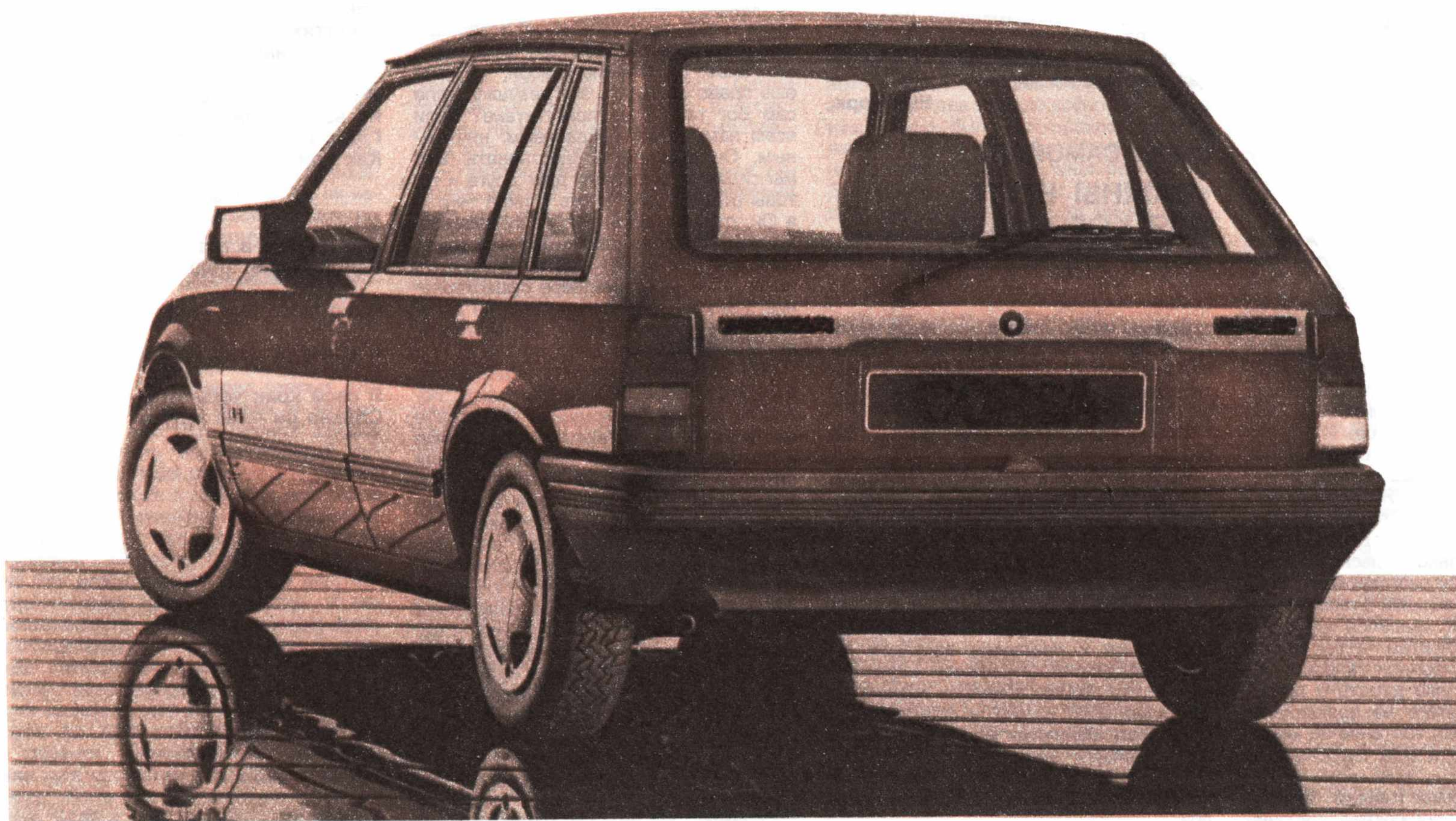
ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕРВИС!

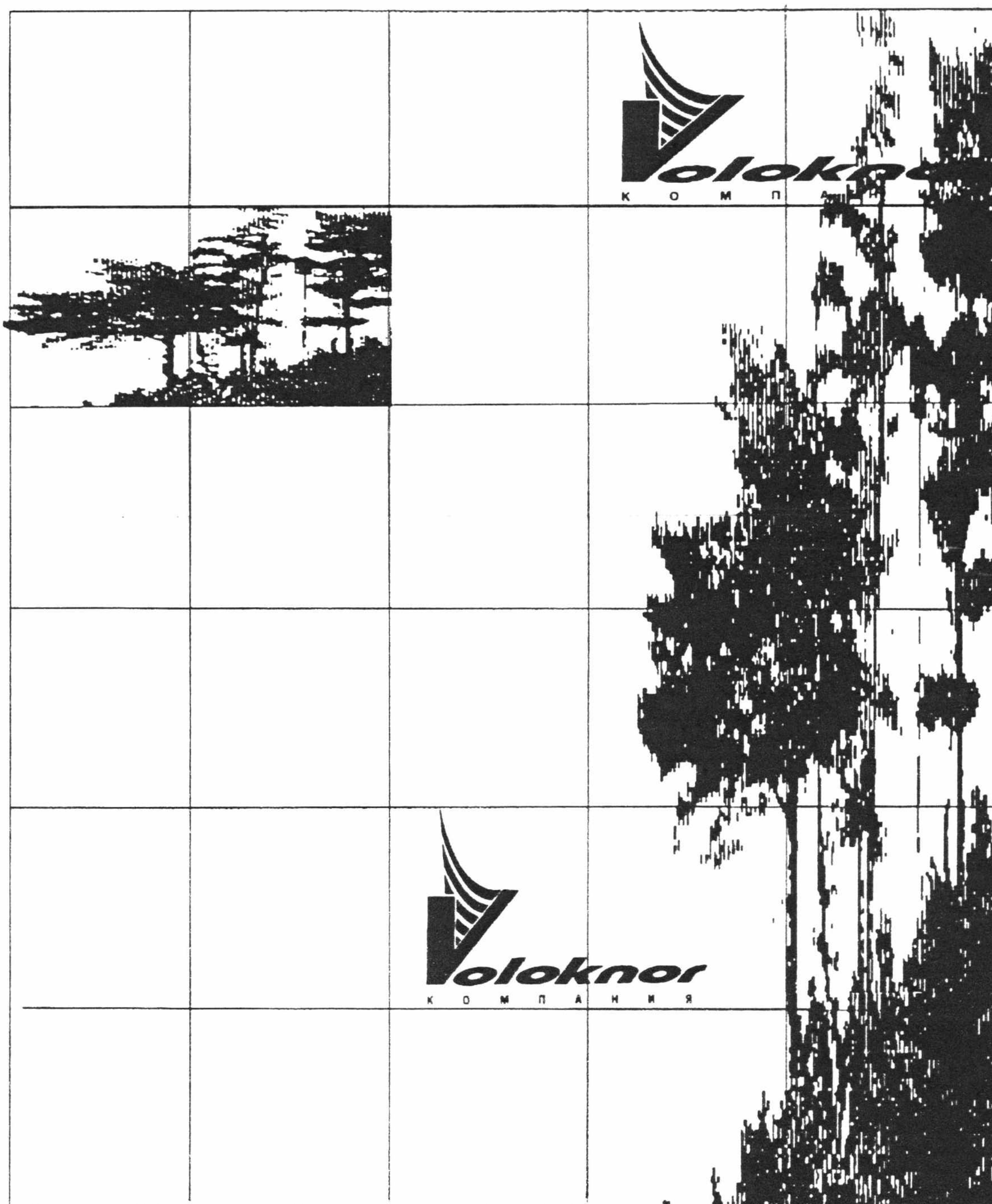
ЕВРОПЕЙСКОЕ КАЧЕСТВО!

Оплата только в СКВ. Те, кто не обладает свободно конвертируемой валютой, не огорчайтесь. Для Вас - за рубли:

*телефонные аппараты марки **Panasonic** в том числе с автоответчиком. Бухгалтерские калькуляторы с принтером и без, а так же телевизоры и двухкассетные магнитолы ведущих производителей мира и парфюмерия.*

Ждем Ваших предложений по телефонам в Москве: **335-98-66, 335-49-87, факс 330-15-55.** **Наш адрес: 117392 Москва, ул.Профсоюзная, д.88/20.**

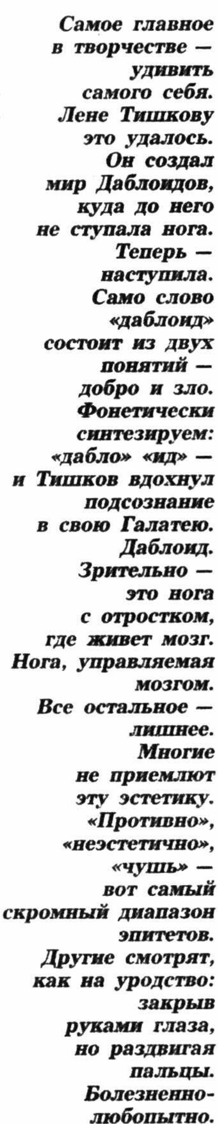
Компания «Волокнор» поставляет
качественные товары народного потребления импортного производства, а также оборудование по переработке сельскохозяйственной продукции.

Компанию «Волокнор» интересует:
оборудование по производству строительных материалов и морские суда сухогрузы.

Телефоны: 397-62-65, 392-95-68, 354-95-18, 167-19-61, 183-58-06, 528-85-24, 121-98-97, 396-02-83, 397-62-65
факс (внутренний) 395-26-02
факс (международный) 2002216 OPUS 001067
Телекс: 411700 OPUS 001067

АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ

Самое главное в творчестве — удивить самого себя. Лене Тишкову это удалось. Он создал мир Даблоидов, куда до него не ступала нога. Теперь — наступила. Само слово «даблоид» состоит из двух понятий — добро и зло. Фонетически синтезируем: «дабло» «ид» — и Тишков вдохнул подсознание в свою Галатею. Даблоид. Зрительно — это нога с отростком, где живет мозг. Нога, управляемая мозгом. Все остальное — лишнее. Многие не приемлют эту эстетику. «Противно», «неэстетично», «чушь» — вот самый скромный диапазон эпитетов. Другие смотрят, как на уродство: закрыв руками глаза, но раздвигая пальцы. Болезненно-любопытно.

ДАБЛОИДЫ ЛЕОНИДА ТИШКОВА

Даблоиды Лени Тишкова способны помочь людям пьющим. Они вполне могут войти в русские народные галлюцинации, потеснив чертей и насекомых. Ими можно творчески манипулировать. Они жутко живые, даблоиды; они передразнивают человека и сами человеками являются.

ГОЛОС ТИШКОВА: Почему нога? В стопе проецируются все органы человека, там масса нервных окончаний — человек представляет собой маленькую голову и огромные ноги... Ахиллесова пята. Ходить босиком. Душа в пятках. Там заключено все. Мудрость души и сексуальное что-то. Все в стопе.

— Даблоид — это естественное состояние человека. Человек живет, и живет его даблоид. Даблоид — это темнота человека. Когда человек просветляется, даблоид будет растворяться, от него останется тонкая оболочка. Он будет, но будет прозрачным...

Голос Тишкова затихает. А у нас есть возможность познакомиться с одним из сюжетов жизни Даблоидов.

Прикрываю глаза и представляю: вот иду я по Старому Арбату, а там — минуя портретистов и шаржистов — гигантская очередь желающих к Лене Тишкову с просьбой нарисовать «ихаи» Даблоиды во весь рост. За СКВ.

Игорь ДВИНСКИЙ

Геннадий ПОПОВ

ГРИША

В одном городе, на самой его окраине, жил мальчик. Звали мальчика Гришей. Когда Гриша вырастет, его станут звать Григорием Федоровичем. А пока звали просто — Гришей.

Гриша был самым обыкновенным мальчиком. Он не передвигал взглядом предметы, не читал мысли на расстоянии, не играл по памяти симфонии Шостаковича, не возводил в уме в степень пятизначные числа. В общем, мальчишка и мальчишка. Настолько он был обыкновенный, что его мама даже расстраивалась и говорила ему с упреком: «У всех дети как дети, а ты... Вон у моей сотрудницы дочь во сне пожары устраивает. Каждую ночь пожарных вызывают. Многие даже ночевать оставались — все равно завтра приезжать...»

И тем не менее одно качество, заслуживающее внимания, у Гриши все-таки было. Дело в том, что он мог предсказывать будущее. Ну, предсказывать не предсказывать, а то, что произойдет в будущем, он знал. Откуда он это знал — неизвестно, но никогда не ошибался.

«Интересно,— как бы сама с собой рассуждала мама,— выкинут завтра в нашем универмаге что-нибудь или нет?» «Выкинут,— вносил ясность Гриша,— обязательно выкинут. Быть такого не может, чтобы завтра не выкинули». И мама с самого утра бежала к открытию универмага. Как правило, прогноз сына сбывался.

Прослышав об этой Гришиной способности, к нему стали обращаться соседи, а потом и вовсе со всех концов нашей необъятной Родины.

На какие вопросы Грише только не приходилось отвечать!

Часто приходил к Грише один милиционер. Садился на табуретку и спрашивал: «Ну что, поймаю я завтра преступника?» «Нет, уйдет от вас преступник»,— отвечал Гриша. «Вот и я думаю, что уйдет. Чего ему не уйти?» — соглашался обычно милиционер. Посидит еще немного, покряхтит и уходит снова ловить преступника.

Или заваливались шумной гурьбой кооператоры: «Скажи, Гриша, а вот как позакрывают кооперативы — куда нам деваться?» «Одни позакрывают, другие откроют»,— успокаивал их Гриша. «И то верно!» — радовались кооператоры и дарили Грише разные кооперативные игрушки.

Следом за кооператорами заваливались шумной гурьбой рэкетиры: «Скажи, Гриша, а вот как позакрывают кооперативы — куда нам деваться?» «Одни позакрывают, другие откроют»,— успокаивал и их Гриша. «И то верно!» — радовались рэкетиры и забирали у Гриши разные кооперативные игрушки.

Иногда заходил человек в кепке, с крепко зажатой в руке газетой и горящим взглядом. Он долго мялся, не решаясь задать главный для него вопрос, наконец, пересилив волнение, интересовался: «Как там наши, демократы, продержатся?» Задав вопрос, сторонник демократии с надеждой смотрел на Гришу. И Гриша не подводил: «Демократы продержатся». «Главное, чтоб гласность была. Это сейчас важно».— «Гласность будет».— «А Ельцин как?» — «Ельцин в порядке».— «Главное, чтобы Сталина не реабилитировали».— «Не реабилитируют».— «Нам бы бумагу сейчас, чтоб продержаться».— «Бумагу привезут».— «Откуда?» — «Из Финляндии».— «Это хорошо. В Финляндии хорошая бумага».

Или шли к Грише военные, генералы и прапорщики, маршируя по пути. «Здравия желаем, Гриша! — приветствовали они по-военному Гришу.— Скажи нам правду, не воспользуется ли коварный враг нашей конверсией?» «Не волнуйтесь, товарищи военные, нашей конверсией никто и никогда не сможет воспользоваться»,— как мог успокаивал военных Гриша. «А прекратятся ли нападки на нашу славную армию?» — «Не бойтесь, товарищи бойцы, покритикуют и успокоятся». Услышав это, успокаивались военные и тихо маршировали себе обратно.

Но чаще всего собирались под Гришиными окнами толпы людей с транспарантами. Всех их интересовал один вопрос: «Победит ли перестройка?» Знал Гриша ответ и на этот непростой вопрос: «Обязательно победит. Она для того и начата, чтобы победить».

И не было случая, чтобы Гриша не смог предсказать, что произойдет в будущем.

Но вот однажды к Грише пришла старушка. Эта старушка была старой-престарой. Ей было лет, наверное, сто или даже триста. Ведь старые старушки могут жить сколько угодно. Она погладила Гришу по голове и спросила: «Скажи, внучек, будем мы жить когда-нибудь по-человечески или нет?»

И вот тут впервые Гриша ничего не ответил. Он только наклонил голову и, спрятав глаза, тяжело вздохнул. И было непонятно: то ли он не знал ответа на этот вопрос, то ли просто не хотел огорчать старого человека.

Вадим СТЕПАНЦОВ

* * *

Россия — это Сфинкс с лицом
ребенка,
Сатурн, который жрет своих детей,
зачуханная, злая амазонка,
испачканная кровью до локтей,
в руке она сжимает пук плетей
и погоняет, как Макар теленка,
сама себя, и неизвестно ей,
куда ее загонит эта гонка.

А впрочем, нет, Россия, как Аленка,
сидит у вод во всей красе своей,
глядит с тоской
на братика-козленка,
а к ним с ножом крадется фриц
Кощей...
...Идет мужик по зарослям
хвощей,
над головой поют пичуги звонко;
к груди прижал мужик горшочек
щей,
что в путь ему сварганила бабенка.

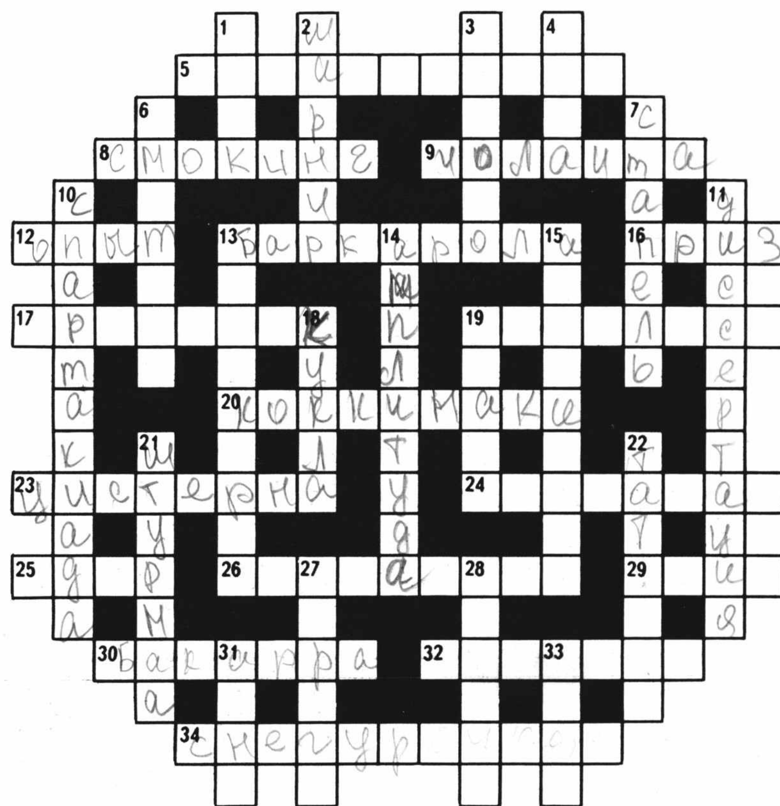
Он думает: «Вот щас нажрусь
я щей,
потом срублю березыньку-сосенку,
построю терем в двадцать этажей,
да заведу голландскую буренку...»

Вдруг поскользнулся на сырых
опенках
да сел с размаху на семью ежей.
Вот так и Русь: в разгар
мечтаний ей
жизнь обязательно подложит
поросенка.

Игорь ДВИНСКИЙ

АНТИМИР И АНТИМЫ

Что такое Антимир?
Это — все наоборот:
В Антимире в антимыле
Не отмоешь свой живот
В Антимире антимыши
По ночам едят котов
В Антимире антикрыши
Ниже всех антиполов
Дети антипедагогам
Ставят «двойки» за урок
Деньги антипереводом
Вам приходят в антисрок
Громко антимузыканты
Здесь играют по ночам
Тихо антидемонстранты
Под кроватями кричат
«Дело» антикэгэбисты
Антидемократам шьют
Смело антикоммунисты
В анти-Ленина плюют
И, размазывая слезы,
Из родной антистраны,
Утеряв все антигрезы,
Уезжаем антимы...

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Русский график, мастер резцовой гравюры с офортом. 8. Вечерняя мужская одежда. 9. Опера П. И. Чайковского. 12. Практически усвоенные знания, навыки, умения. 13. Песня венецианских гондольеров. 16. Награда победителю в состязании, премия. 17. Картина А. К. Саврасова. 19. Город в Московской области. 20. Летчик-испытатель, дважды Герой Советского Союза. 23. Резервуар для хранения и перевозки жидкостей. 24. Озеро в Камбодже. 25. Река во Франции. 26. Режиссер и актер, имя которого носит московский театр. 29. Спортивная гоночная лодка. 30. Один из наиболее ценных сортов хрусталя. 32. Этюд для голоса, исполняемый на одних гласных звуках. 34. Опера Н. А. Римского-Корсакова.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Навигационный ориентир для судов. 2. Подвижное соединение деталей, конструкций. 3. Роман Д. Н. Мамина-Сибиряка. 4. Растение с крупными душистыми цветками. 6. Драгоценный камень. 7. Помост для постройки, ремонта судов. 10. Традиционные массовые спортивные соревнования. 11. Научная работа для получения ученой степени. 13. Народный артист СССР, игравший во МХАТе, киноактер. 14. Размах колебания. 15. Советский гимнаст, абсолютный чемпион Европы, мира, Олимпийских игр. 18. Роман Б. Пруса. 19. Римский комедиограф. 21. Специалист по вождению судов, самолетов. 22. Персонаж романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». 27. Областной центр на Украине. 28. Зерновой и кормовой злак, разновидность сорго. 31. Река в Непале и Индии. 33. Дугообразное перекрытие пролета между опорами.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Целлофан. 8. Рецензия. 9. Ратификация. 10. Багратион. 13. Бересклет. 16. Орбита. 18. Удила. 19. Партер. 21. Рефрактор. 22. Косметика. 23. Фарман. 24. Астра. 25. Брутто. 26. Яшилькуль. 30. Варакушка. 34. Цинкография. 35. Гиндукуш. 36. Рапсодия.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Жемчуг. 2. Моцарт. 3. Шапито. 4. «Мещане». 5. Мериме. 6. Финвал. 10. Биография. 11. Астрахань. 12. «Недоросль». 13. Балакирев. 14. Скагеррак. 15. Терракота. 17. Буфер. 20. Твист. 27. Иттрий. 28. Климук. 29. Лакмус. 31. Азамат. 32. Ачинск. 33. Штатив.

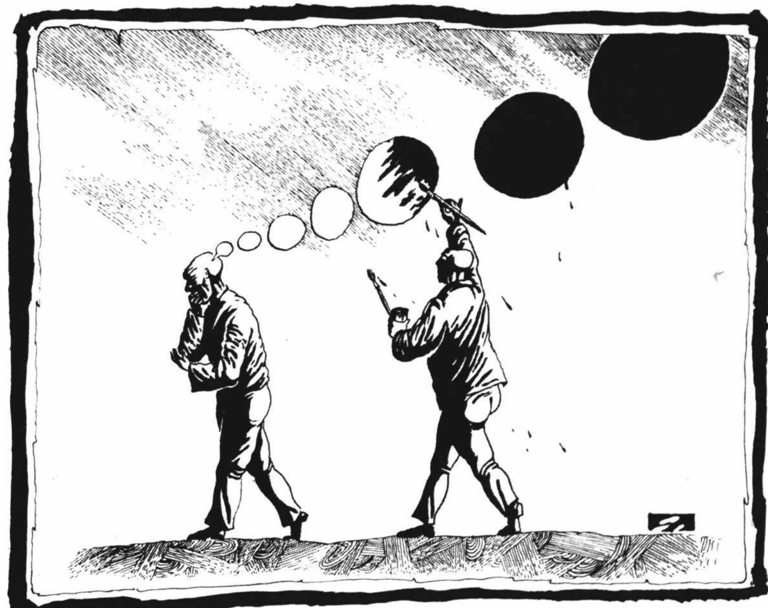

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

НЕ ЖДЕТ РЫНКА – ОН ЕГО ФОРМИРУЕТ

Новогодняя распродажа для организаций и частных лиц продукции ведущих зарубежных фирм: «SONY», «Panasonic», «JVC», «SHARP», «SANYO», «ANVIC», «SAMSUNG», «Gold Star» «DENON», «YAMAHA», «JBL», «DUAL», «Technics», «Pioneer», «OLIVETTI», «CITIZEN», «CODE-A-PHONE», «SINGER», «Mercedes», «BMW» «OPEL», «FORD».

Телевизоры, видеомагнитофоны, видеоплейеры, видеокамеры, двухкассетные стереомагнитолы, миди-стереосистемы, Hi-Fi аппаратура: усилители, кассетные деки, компакт-диск плейеры, акустические системы, аудиоплейеры, видеокассеты (VHS, VHS-компакт 8 мм, Супер VHS); СВЧ-печи, холодильники, пылесосы, швейные машины, вязальные машины, кухонные комбайны, кофеварки, стиральные машины, телефонные аппараты, автоответчики, фотокопировальные машины (А3, А4), пишущие машинки (русск./лат. шрифт), компьютеры, расходные материалы.
А также НОВЫЕ и ПОДЕРЖАННЫЕ ЛЕГКОВЫЕ АВТОМОБИЛИ.

ОПЛАТА В ТВЕРДОЙ ВАЛЮТЕ
за наличный расчет, тревелс-чеками, именными чеками зарубежных банков, а также по перечислению со счетов организаций и граждан.
ВОЗМОЖНА ОПЛАТА В РУБЛЯХ
по текущему биржевому курсу чековыми книжками и по перечислению.

НАШ АДРЕС:
117593, Москва, «Ортэкс».
Телекс: 131310 ORT SU
Факс: (095) 427-64-10
Телефоны: 427-11-01 (5 линий),
427-57-36, 427-66-11

Представительство
в Санкт-Петербурге:
проспект Карла Маркса, 84,
«Ортэкс».
Факс: (812) 245-21-25
Телефон: 245-12-51

Представительство в Киеве:
Киев-1, гостиница «Москва»,
«Ортэкс».
Факс: (044) 229-37-21
Телефон: 228-00-19 (5 линий)

Представительство в Минске:
проспект Машерова, 65,
«Ортэкс».
Факс: (0172) 23-74-79
Телефон: 26-98-18

1 руб. Индекс 70663